

Министерство науки и высшего образования
Республики Казахстан

Некоммерческое акционерное общество
«Торайгыров университет»

Ж. Ж. Капенова

**Альтернативные пути анализа
лексики и фразеологизмов:
теория, практика, методика**

Монография

2-е издание

Павлодар
Toraighyrov University
2025

УДК 81'1(035.3)
ББК 81.2-3
К20

**Рекомендовано к изданию Ученым советом
НАО «Торайгыров университет»
(Протокол №9 от 30 апреля 2025 года)**

Рецензенты:

Г. К. Абзулдинова – кандидат филологических наук, руководитель образовательной программы «Русский язык и литература» высшей школы гуманитарных наук, НАО «Павлодарский педагогический университет имени Э. Марғұлан»;

Б. Т. Кульбаева – кандидат филологических наук, доцент высшей школы гуманитарных наук, НАО «Павлодарский педагогический университет имени Э. Марғұлан»;

А. К. Каирбаева – кандидат филологических наук, профессор кафедры «Иностранная филология» НАО «Торайгыров университет».

Капенова Ж. Ж.

К20Альтернативные пути анализа лексики и фразеологизмов: теория, практика, методика. Монография / НАО «Торайгыров университет» / Ж. Ж. Капенова. – 2-е изд., дополн. – Павлодар, Toraighyrov University, 2025. – 161 с.

ISBN978-601-345-642-3

В монографии раскрывается содержание современных научных достижений в области лингвистики и методики преподавания русского языка. В ней освещаются вопросы междисциплинарного подхода к изучению и анализу лексико-фразеологического материала, актуального в условиях обновленного содержания учебных программ. Монография является результатом многолетней работы над данной проблемой, решает задачу расширения круга лингвистических и научно-методических знаний.

Монография предназначена для обучающихся образовательных программ языкового профиля, учителей и методистов школ.

УДК 81'1(035.3)
ББК 81.2-3

ISBN 978-601-345-558-7

© Капенова Ж. Ж., 2025

© Торайгыров университет, 2025

За достоверность материалов, грамматические и орфографические ошибки
ответственность несут авторы и составители

Введение

Необходимость монографии связана с актуализацией вопроса профессионального роста и развития специалистов образовательных программ по направлению «Подготовка учителей русского языка и литературы», формирования ключевых компетенций в условиях вузовского образования. В содержании монографии прослеживается связь между ведущими группами профессионально-предметных, коммуникативных и методических компетенций, дополняющих друг друга, позволяющих проявлять творческий подход и педагогическое мастерство в процессе обучения языку. Это связано с обновлением содержания учебных программ и переориентированием на коммуникативно-речевую практику. Речь идет о реализации задачи формирования функциональной грамотности обучающихся.

Основная цель монографии – раскрыть общую картину профессионализма учителя русского языка в аспекте лингвистических и методических знаний, актуальных в современных условиях работы над усилением функциональной грамотности.

В монографии освещаются вопросы возникновения и развития новых научных направлений, использования альтернативных путей и подходов к обучению русскому языку.

Ее особенностью является параллельное описание современных научных достижений в области лингвистики, методики преподавания языка и организации работы над коммуникативной стилистикой как дисциплин, непосредственно связанных между собой и взаимно обогащающих друг друга.

Каждая из этих дисциплин реализует интегративный подход к языку. Так, лингвистика, наряду с собственно языковыми данными, учитывает достижения различных отраслей наук – философии, социологии, культурологии, психологии, биологии, истории, географии и др. Такой подход стал возможен благодаря формированию антропоцентрической парадигмы, в центре внимания которой находится личность носителя языка.

Методика преподавания языка строится на научных данных лингвистики, дидактики, философии, психологии, информатики. Развитие методики последних десятилетий осуществляется под влиянием личностно-ориентированной и коммуникативно-деятельностной парадигм, в основу которых заложена концепция формирования личности, владеющей языком как инструментом общения в различных сферах и ситуациях. В казахстанской системе преподавания русского языка одним из ведущих становится принцип

функциональности, обеспечивающий развитие умений и навыков сознательного выбора языковых средств, адекватных внешним условиям коммуникации. В этой связи можно признать актуальным коммуникативное направление стилистики как одного из важнейших аспектов функциональной грамотности обучающихся.

Представляя собой самостоятельные научные феномены, и лингвистика, и методика, и коммуникативная стилистика имеют общую точку соприкосновения – учет роли человеческого фактора в языке при изучении и обучении. С позиции первой дисциплины, язык рассматривается как носитель информации, в которой отражены человеческий опыт, миропонимание, интеллект, эмоции, оценка, наблюдения и т.д. С точки зрения второй дисциплины, язык составляет учебный материал, на основе которого формируется личность, способная понимать содержание и сущность языка как средства отражения действительности, средства хранения и трансформации знаний. В аспекте коммуникативной направленности стилистики предметом изучения являются разноуровневые единицы, функционирующие в разных стилях и условиях общения.

В общей проблематике современной лингвистики, методики преподавания языка и стилистики наибольшую значимость получает изучение кода языка и культуры. Это означает, что работа над языком связана с расшифровкой семантики языковых знаков, в которой отражены представления об окружающих реалиях и зафиксированы признаки культуры носителей определенного языка. До нас эти признаки дошли в виде слов, устойчивых выражений и высказываний.

Методика как наука, чутко реагирующая на новейшие теории в лингвистике, может использовать современные методы анализа языковых единиц, позволяющие более глубоко проникнуть в сущности ментальности народа, познать через языковые единицы исторические корни и взаимосвязи культур разных народов. Именно лексика и фразеологизмы являются основными источниками сведений о картине мира, в них запечатлены культурно-исторические ценности народа, его воззрения, идеология, верования.

Итак, обращение к новым методам анализа лексики и фразеологии продиктовано научными подходами, учитывающими человеческий и социоэтнокультурный фактор в языке.

В монографии дается описание методов анализа лексических и фразеологических средств, разработанных с позиции когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концептологии. Эти направления объединяет проблема работы над словом и фразеологизмом в тесной связи с познавательной деятельностью человека и культурными

ценностями, дошедшими до нас через язык. Основной акцент делается на содержательную сторону, позволяющую раскрыть смысловую и сущностную стороны слов и фразеологизмов.

Монография состоит из трех разделов.

Первый раздел «Междисциплинарные подходы к изучению языка: идеи прошлого и лингвистические теории настоящего» посвящен описанию ведущих научных концепций, предопределивших стратегию изучения языка как продукта познавательной деятельности и народного опыта. Представлена система работы над языковым материалом с позиции когнитивной лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии и концептологии.

Во втором разделе «Теория, методика и практика анализа лексико-фразеологических единиц в контексте антропоцентрической парадигмы» предлагаются результаты разноаспектного анализа природных и ландшафтных концептов на материале лексики и фразеологизмов русского и казахского языков.

В третьем разделе «Система работы над лексическими и фразеологическими единицами языка в аспекте коммуникативной стилистики» дается описание работы над лексикой и фразеологией с позиции коммуникативной стилистики, тесно связанной с вопросом формирования функциональной грамотности.

Таким образом, конечной целью научного материала является лингвистическое и лингводидактическое описание современных методов анализа слов и фразеологизмов с учетом принципов антропоцентризма, коммуникативности, функциональности языка.

Автор монографии выражает глубокую признательность и благодарит рецензентов за положительный отзыв, магистрантов и студентов филологических специальностей за участие в исследовании концептов, результаты которых нашли отражение в данной работе.

Монография может быть использована начинающими исследователями, магистрантами, студентами, занимающимися проблемами лингвистики и лингводидактики, а также учителями и методистами в практике преподавания языка.

1 Междисциплинарные подходы к изучению языка: идеи прошлого и лингвистические теории настоящего

Терең ойлап сөзімнің түбін біл де...
Шәкәрім Құдайбердіұлы

Язык – наиболее богатый резервуар исторической информации...
Источник наиболее беспристрастный.
Он дает полную картину взаимодействия культур...
Олжас Сулейменов

Язык – носитель информации, один из источников накопления, хранения и передачи знаний.

Язык и информация – двусторонний сложный механизм, представляющий собой общее целое неотделимых друг от друга компонентов. Язык – материальная составляющая, знаковая система, созданная человеком для фиксирования сведений об окружающей действительности. Информация – сущность реальности, система сведений и представлений о картине мира, сохраненная и передаваемая с помощью языка.

Слово «информация» (от лат. *informatio* – разъяснение, изложение, осведомление, представление о чем-либо) – многозначное, разноаспектное. В первичном понимании слово «информация» означает «сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и др.)» [1].

Начиная с середины XX века, оно употребляется как научное понятие в технических и естественных отраслях:

1) обмен сведениями между людьми (*информационное сообщение, информационное бюро*), человеком и автоматом, автоматом и автоматом (*теория информации, информатика, информационные технологии*);

2) сообщения о положении дел и происходящих в мире процессах (*газетная информация, средства массовой информации*);

3) совокупность наследственных признаков, передаваемых от клетки к клетке, от организма к организму (*генетическая информация*) и др.

В языке начала XXI века отмечены новые значения, связанные с общественно-политическими процессами (*информационная блокада, информационная война*).

В данной работе основной акцент делается на информацию, рассматриваемую в триаде «человек – информация – язык».

Одним из необходимых условий жизни человека и общества является обмен информацией посредством языка. Основное свойство языка – фиксировать, накапливать и обрабатывать информацию через множество символов, знаков и правил. Ключевыми в системе языка являются алфавит, слово, грамматика, семантика, прагматика.

Алфавит – система знаков и символов (буквы, обозначения).

Слово – значимая и содержательная единица языка, образованная путем последовательной организации знаков.

Грамматика – совокупность синтагматических связей и правил организации слов в высказываниях.

Семантика – смысловой аспект языковых единиц и конструкций.

Прагматика – функциональный аспект использования языковых знаков: отношения «знак – пользователь знака».

Язык несет в себе различные информации. Это богатый и всесторонний источник получения различного рода информации – исторической, культурной, географической, ценностной, образной, оценочной, символической и др.

У каждого языка, возникшего и развивающегося естественным путем, есть своя история.

Язык – важнейший свидетель истории и культуры разных племен и этносов, связующее звено между прошлым и настоящим. В нем аккумулирован народный опыт, запечатлены сущности, отражены ассоциации и представления об окружающей реальности.

Существование множества языков, их развитие, взаимовлияние и взаимообогащение объясняется территориальными и событийно-временными факторами: расселением людей и самостоятельным развитием каждой языковой группы.

Совершенно справедливы высказывания казахстанского поэта и исследователя Олжаса Сулейменова о системности языковых преобразований, происходивших на протяжении нескольких веков.

Наблюдения над этим феноменом, по словам О. Сулейменова, «привели к открытию генетической взаимозависимости Первого языка и образной письменности (священных знаков Луны, Солнца, Венеры). И соответственно к восстановлению правил Первой грамматики первых диалектов, из коих развились все нынешние языки» [2, с. 4].

Особенностью современных лингвистических исследований является полипарадигмальность, сочетающая в себе теории разных парадигм. Это связано с тенденцией изменения вектора исследования языка, направленного в сторону теории «человека в языке» и «языка в человеке». Сегодня полипарадигмальность осознается как процесс

интегрирования сравнительно-исторического, системно-структурного, антропоцентрического парадигм.

Сравнительно-историческая (генетическая, эволюционная) парадигма – первая научная парадигма, сформировавшаяся в первой четверти XIX века в результате господства сравнительно-исторического метода и принципа историзма в исследовании языка.

Системно-структурная (таксономическая, инвентарная, структурная, системная) парадигма, оформившаяся в 20-30 гг. XX века, характеризуется параллельным рассмотрением языка в эволюционном и структурно-организационном аспектах. Ведущими были признаны принципы инвариантности и системности в языке.

Антропоцентрическая (коммуникативная, функциональная, прагматическая) парадигма получила развитие в конце XX века под влиянием принципа антропоцентризма, учитывающего роль человеческого фактора в языке. Язык рассматривается как средство доступа к информации, как продукт когнитивной деятельности человека. В этом контексте зародились и сформировались научные направления, среди которых ведущую позицию заняли когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвистическая концептология, лингвистическая аксиология. Эти направления объединяет проблема исследования мышления и ментальности, познания картины мира через воспроизведение летописи ее развития и взаимодействия культур разных народов на материале языка. За последние десятилетия эти направления достигли значительных результатов в области разработки научно-терминологического аппарата, подходов и методов анализа языковых средств.

Развиваясь в контексте антропоцентрической парадигмы, каждая из них представляет собой особый интерес в плане механизма выявления реальности через язык. В основе этих направлений лежит идея об отражении ментальности народа в языке.

По мнению ряда ученых, это не исключают друг друга, а взаимодополняющие векторы познания картины мира.

Следует отметить, что лексика и фразеологизмы – пласт языка, характеризующийся значительным многообразием возможностей семантической реализации в языке благодаря способу метафоризации.

В свою очередь, метафора – это феномен, вызывающий интерес не только как языковое явление, но и как источник культуры, сохранивший в себе богатый опыт народа. Содержательная сторона метафор может быть непосредственно связана с изучением процессов формирования и передачи знаний в языковой картине мира.

Рождение метафор – результат мыслительной деятельности человека, отражения его образов, символов, ассоциаций. Как отмечает В. А. Маслова, «создавая новое значение, она соизмеряет разные сущности, пропуская их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей, т.е. человек здесь, как уже отмечалось ранее, мера всех вещей: ручей шепчет, совесть заговорила, надежда проснулась и т.д.» [3, с. 91].

Метафора – это язык образов и символов, источник познания культурных ценностей народа. Достаточно обратить внимание на слова и фразеологизмы в художественном контексте, включая фольклорные и мифологические источники.

Особенностью изучения метафор в современной науке является концептуальная теория, в которой, по мнению М. В. Пименовой, «развивается положение о связи метафор с мировосприятием определенной лингвокультурной общности» [4, с. 85].

Одним из ключевых понятий в современной лингвистике признан термин «концепт», рассматриваемый наряду с терминами «слово», «лексема», «значение слова». В соотношении «концепт и слово», «концепт и лексема», «концепт и значение слова» концепт выступает единицей ментальности, гораздо объемней лексического значения слова. Учеными отмечено, что компоненты лексического значения не в полной мере отражают целостную картину мира. Концепт в отличие от языковых знаков «предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [4, с. 55]. В. В. Колесов высказывает идею о том, что «именно концепт «держит» единство слова во времени и пространстве» [5, с. 86].

Методика анализа лексических единиц в концептуальном плане получила развитие в новом направлении – концептологии, ориентированном на изучение языка, его ментального и культурного кода. Появлению этого направления предшествовали исследования концептов в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Исследование концепта связано с изучением языка в триаде: «язык => человек => познание» (когнитивная лингвистика); «язык => человек => культура» (лингвокультурология).

Согласно теории концептологии, в многочисленных интерпретациях этого термина «можно выделить ряд общих черт: концепт, являясь единицей ментального уровня, воплощает элементы человеческой психики и внеязыковой реальности, в его структуре отражается картина мира того или иного этноса, концепт вербализуется в языке различными способами и средствами» [6, с. 16].

Учения о концепте становятся многосторонними; современные исследователи обращаются к изучению концептуальной системы, структуры концепта, концептуальных признаков, когнитивных моделей и др. Основным средством вербализации концепта признаны слова и фразеологизмы в разных контекстах. Выявление признаков концепта осуществляется на основе синтагматических отношений в лексике, проявляющихся в рамках конкретных высказываний.

Таким образом, все эти перечисленные методологические установки составляют основу для изучения и анализа лексико-фразеологического арсенала в разных аспектах. Междисциплинарный и разноаспектный подход к языку позволяет всесторонне проанализировать единицы языка и получить более полное описание сущности и реалий, скрытых за языковыми знаками.

1.1 Когнитивная лингвистика: источники, направления, основные понятия

Когнитивная лингвистика – научное направление, изучающее язык во взаимодействии с мыслительной деятельностью. Предметом исследования является когниция.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» находим следующее описание термина «когниция»: «центральное понятие когнитивной науки, сочетающее в себе значения двух латинских слов – *cognitio*, познание, познавание и *cogitatio*, мышление, размышление. Обозначает, таким образом, познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации. Включает осознание и оценку самого себя в окружающем мире и построение особой картины мира – все то, что составляет основу для поведения человека.

Когниция – все процессы, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.), чтобы удерживаться при необходимости в памяти человека. Иногда когницию определяют как вычисление (*computation*) – обработку информации в символах, ее преобразование из одного вида в другой – в другой код, в иную структуру» [7]. Когниция распространяется на области мыслительной деятельности и рассматривается в лингвистике в языковом проявлении. Таким образом, когнитивная лингвистика занимается

языковым аспектом когниции, исследованием ментальных процессов и человеческого интеллекта с помощью языка.

Истоки изучения взаимоотношения языка и мышления, языка и сознания восходят к теориям нейролингвистики (И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий, Л. В. Щерба, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия) и психоллингвистики (Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол, А. А. Леонтьев, И. Н. Горелов, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов и др.).

Исследования нейролингвистов и психоллингвистов направлены на изучение языка в тесной взаимосвязи с мозговыми процессами и механизма речевой деятельности – восприятия и порождения речи. Ведущей идеей ученых стал тезис о том, что язык хранится в человеческом сознании, язык является отражением мысли. Мысль, свою очередь, определяется «как продукт сложного, длительного развития, как дериват наиболее сложных форм психической деятельности человека» [8, с. 7]. В исследованиях стали четко осознаваться и разграничиваться понятия «значение» и «смысл». Под термином «значение» понимается реальная система «тех обобщений, которые стоят за словом и которые сформировались в процессе общественного развития языка» [8, с. 7]. Термин «смысл» используется «для обозначения аффективных отношений к обозначаемому в слове содержанию, которые возникают у субъекта в процессе индивидуального опыта и в которых отражаются особо важные для субъекта стороны обозначаемых явлений» [8, с. 8].

Эти и другие идеи, связанные с проблемой соотношения языка и мышления, легли в основу исследований когнитивной лингвистики. В современной науке термин «когнитивный» используется в более широком значении – в значении «ментальный», «рассудочный», «внутренний», «интериоризованный», «интеллектуальный».

Учеными отмечается также и междисциплинарный характер когнитивной лингвистики: в ней сочетается несколько научных аспектов – психологический, философский, логический и др.

Так, психологический аспект связан с изучением законов апперцепции и роли ассоциаций в образовании ряда представлений об окружающей действительности (А. А. Потебня). Философский аспект ориентирован на изучение теории познания, отображения реалий в сознании в виде образов, наивных понятий, символов. Логический аспект направлен на изучение закономерностей и логических связей между языком и мышлением, между научным и «наивным» знанием, между индивидуальным и коллективным видением мира.

Основное внимание в когнитивной лингвистике уделяется когниции человека, исследуются ментальные репрезентации и мыслительные процессы через наблюдения за языковыми явлениями.

Таким образом, в когнитивной лингвистике основным объектом внимания является «категория знания, проблема видов знания и способов их языкового представления, так как именно язык является основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знания» [9, с. 8].

Формирование и развитие когнитивной лингвистики происходит в непосредственной взаимосвязи с развитием культурологической, философской, логической, семантической и семиотической теорий, что позволило с позиции когнитивистики разработать разные подходы к исследованиям языка.

Так, в работах З. Д. Поповой, И. А. Стернина отмечаются следующие направления:

- культурологическое (Ю. С. Степанов);
- лингвокультурологическое (В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев);
- логическое (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис);
- семантико-когнитивное (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Е. В. Рахилина, Е. В. Лукашевич, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. В. Быкова);
- философско-семиотическое (А. В. Кравченко).

Культурологическое направление преимущественно связано с исследованиями концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук. По мнению З. Д. Поповой, И. А. Стернина, «язык в этом случае выступает лишь как один из источников знаний о концептах (например, для описания концепта используются данные об этимологии слова, называющего этот концепт)» [10, с. 12].

Лингвокультурологическое направление ориентировано на «исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» [10, с. 12].

Логическое направление построено на анализе концептов «логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы [10, с. 12].

Семантико-когнитивное направление проводит исследования «лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере» [10, с. 12].

Философско-семиотическое направление занимается изучением когнитивных основ знаковости.

Являясь достаточно оформившимися и представляя собой самостоятельно развивающиеся научные школы, эти направления во многих вопросах пересекаются и дополняют друг друга. Научные достижения названных направлений могут успешно работать в изучении ментальности и культурных ценностей, обусловленных социальными, этническими, природными и другими факторами.

Центральной единицей когнитивной лингвистики, единицей исследования представлений о реальности является концепт. Согласно утверждению лингвистов-когнитологов, концепт представляет собой категорию мыслительную, абстрагированную, ассоциативную.

Впервые термин «концепт» был употреблен С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 году в статье «Концепт и слово». По мнению ученого, «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [11, с. 269].

Д. С. Лихачев, анализируя идеи С. А. Аскольдова-Алексеева о концепте, выдвигает гипотезу о том, что «концепт существует не для самого слова, а во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно», во-вторых, предлагает «считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения» [12]. По его мнению, концепт «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [12].

Согласно концепции, Д. С. Лихачева, слово, его значения и концепты этих значений существуют не изолированно, «не сами по себе в некоей независимой невесомости, а в определенной человеческой «идеосфере». У каждого человека есть свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков (последнее не менее важно), которыми и определяется богатство значений, а иногда, впрочем, и их бедность, однозначность» [12]. Ученым отмечено, что концепт «расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова» [12].

По наблюдениям Д. С. Лихачева, концептами наделены не только слова, но и фразеологизмы, также являющиеся «заместителями» отдельных понятий. Ученым рассматривается концепт на материале слов или фразеологизмов литературных источников, что позволяет более глубоко осмыслить значение произведения.

Таким образом, по мнению Д. С. Лихачева, главное богатство словаря составляют слова (включая фразеологизмы), их значения и нюансы, концепты и концептосферы. Последняя определяется как некие целостности, образованные взаимозависимыми концептами отдельных значений слов. Д. С. Лихачев считает, что концептосфера языка, созданная литературой и фольклором, является показателем духовного богатства и культуры в целом.

В кратком словаре когнитивных терминов термин «концепт» (concept Konzept) определяется как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [7].

Концепт, описываемый Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянковым и другими сторонниками психологического подхода, представляется «в виде неких «квантов» знания», которые «возникают в процессе структурирования информации как об объективном положении дел в мире, так и о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах» [7].

Одним из лучших доступов к описанию и определению природы концептов признан язык. При этом учеными предлагается рассматривать концепты, представленные одним словом, словосочетаниями и предложениями в зависимости от формы выражения концептов – от простейших до сложных.

В теории З. Д. Поповой, И. А. Стернина концепт определяется «как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [10, с. 24].

Концепт – явление когнитивного происхождения, обладающее признаками сложности, упорядоченности, информативности, энциклопедичности, комплексности. Отмечая значительную связь между концептом и словом через семантику, З. Д. Попова, И. А. Стернин формулируют семантико-когнитивный подход и характеризуют его как наиболее надежный путь исследования «от языка к концепту» [10, с. 16]. Само название, по их мнению, подчеркивает основное направление исследования – «исследование

соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными» [10, с. 13].

Основные положения семантико-когнитивного подхода к анализу языка сводятся к следующему:

- концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован;

- исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт, – путь к описанию вербализуемой части концепта;

- значительная часть концептов индивидуального сознания вообще не подлежит вербализации;

- концепты внутренне организованы по полювому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле;

- областью пересечения предмета семиотики и лингвистики является изучение системы знаков.

З. Д. Попова, И. А. Стернин соотносят понятия «концептосфера», «семантическое пространство языка», «языковая картина мира». Учеными отмечается однородность этих понятий, так как по своей природе они есть мыслительные сущности.

Концептосфера определяется как «область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу». Семантическое пространство языка характеризуется как «часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур и образуемое значениями языковых единиц» [10, с. 45]. В рассматриваемом смысле понятию «семантическое пространство языка» представляется синонимичным понятие «языковая картина мира» [10, с. 45].

Концептосфера состоит из концептов, а семантическое пространство языка выражается с помощью языковых знаков и значений, передаваемых языковыми знаками. Отличие языкового значения и концепта заключается в том, что «языковое значение – квант семантического пространства – прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; концепт может овнешняться на основе альтернативных знаковых систем, таких как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др.» [10, с. 44–45].

Сторонниками семантико-когнитивного подхода отмечается, что языковая картина мира создается номинативными, функциональными, образными средствами языка.

Номинативными средствами языка являются лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы, фиксирующие «то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности» [10, с. 45]. Кроме того, среди номинативных средств языка упоминается лакунарность разных типов – значимое отсутствие номинативных единиц.

К функциональным средствам относится лексический и фразеологический минимум, наиболее частотный в употреблении пласт языковых средств, т.е. коммуникативно релевантные языковые средства народа на фоне всего корпуса языковых единиц языковой системы.

Образные средства языка – это средства, характеризующиеся национально-специфической образностью, разными видами переносных значений (метафорическими, метонимическими).

Таким образом, представителями когнитивной лингвистики провозглашается идея: «через анализ языковой семантики – в сферу концептов» [10, с. 19].

Концепт – эволюционирующее, динамически развивающееся явление, способное растворяться и распространяться в языковых знаках. Описание концепта как единицы ментальности может осуществляться через анализ языковых средств и единиц, объективирующих его. Для восстановления более полной структуры концептов необходимо исследовать в совокупности весь языковой корпус, в котором может быть репрезентирован концепт: слова, сочетания, фразеологизмы, паремиологический, мифологический, фольклорный фонд и др.

1.2 Вопросы изучения языка и культуры в контексте этнолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии

Каждый язык уникален по-своему, и уникальность его в том, что в нем отражены универсальные, свойственные человечеству в целом, и этноспецифические признаки культуры. В языке реализуется все, что составляет содержание культуры: история, география, традиции, нравы, ментальность, опыт, быт и др. Не случайно появление и активное развитие новых междисциплинарных лингвистических направлений, занимающихся вопросами изучения взаимоотношения языка и культуры. Вторая половина XX века и начало XXI века

ознаменовались научными разработками в области этнолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии и т.д.

Предпосылки исследования языка во взаимосвязи с культурой заложены в трудах В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, Л. Вайсгербера, А. А. Потебни, Э. Сепира, Б. Уорфа и др.

Так, В. фон Гумбольдт в своих лингвистических исследованиях определяет языки как «различные видения» одного и того же предмета. Основные положения разработанной теории заключаются в том, что язык:

- есть орган внутреннего бытия;
- одно из явлений, стимулирующих человеческую духовную силу к постоянной деятельности;
- связан с формированием духовной силы нации; тесно переплетен с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры;
- заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением;
- есть определенный уклад интеллектуального и чувственного восприятия, и этот уклад, доставаясь народу отдаленных эпох, не может воздействовать на народ без того, чтобы не сказаться и на его языке;
- мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека.

В учениях В. фон Гумбольдта прослеживается мысль о языке, строение которого гармонирует с духовным началом. В частности, читаем: «Язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один за другой, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей» [13].

В теоретических изложениях ученого прослеживается мысль о взаимовлиянии языка и культуры. По его мнению, язык и культура представляют собой две формы отражения реальности: «Организм языка относится к области физиологии интеллектуального человека, культура – к области исторического развития» [13]. В языке отражен ход развития культуры, и глубокое проникновение, широта охвата, точное знание языка, по мнению исследователя, позволят изучить самые тонкие своеобразия.

Таким образом, всесторонний анализ языка В. фон Гумбольдта позволяет выделить основные объекты внимания – «язык и

внутренний мир», «язык и деятельность», «язык и мышление», «язык и мировоззрение», «язык и дух/душа», «язык и интеллект», «язык и чувство», «язык и культура».

В языке отображается мышление и мировидение человека, находящегося в постоянном взаимодействии с социальной средой.

Описание логической цепочки взаимосвязи языка и культуры находим в работе Э. Бенвениста «Общая лингвистика». В частности, отмечается роль социальной среды в формировании знания и разума через язык, подчеркивается мысль о необходимости связи человека с обществом посредством языка. По определению Э. Бенвениста, понятие «человеческая среда» соотносится с понятием «культура»: «Я называю культурой человеческую среду, все то, что помимо выполнения биологических функций придает человеческой жизни и деятельности форму, смысл и содержание» [14, с. 31]. На основе собственных наблюдений ученый характеризует культуру как «весьма сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей: традиций, религии, законов, политики, этики, искусства – всего того, чем человек, где бы он ни родился, пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности» [14, с. 31].

Исследуя язык как систему символов, Э. Бенвенист пришел к выводу, что «как каждый язык, так и каждая культура использует специфический аппарат символов, благодаря которому опознается соответствующее общество. Разнообразие языков, разнообразие культур, их изменения свидетельствуют о конвенциональной природе символизма, который придает им форму» [14, с. 32]. Исследователь считает, что первоначальная основа лежит в символизме языка и что «именно символ устанавливает живую связь между человеком, языком и культурой» [14, с. 32].

Для этнолингвистических исследований этого периода также характерно признание влияния языка на психологию и поведение человека. Так, наблюдения за языком Б. Уорфа в период работы в обществе страхования от огня привели к выводу о том, что неосторожное поведение людей может быть обусловлено чисто лингвистическими факторами и что «язык лучше, чем это на самом деле имеет место, отражает действительность» [15, с. 196].

Э. Сепир высказывает мысль о том, что язык «не существует и вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [16, с. 193]. С другой стороны, ученый не признает причинной зависимости между культурой и языком, определяя культуру как «то,

что данное общество делает и думает», язык – «есть то, как думают» [16, с. 193]. По его мнению, культура – это инвентарь опыта, ценностный отбор, осуществляемый обществом; язык – прием, средство выражения опыта. Выдвигая на первый план языковую форму выражения (морфологию языка) как проявление бесконечного разнообразия мыслительного процесса, Э. Сепир отмечает: «Дрейф культуры, иначе говоря, ее история, есть сложный ряд изменений в инвентаре отобранного обществом опыта – приобретений, потерь, изменений в оценках и в системе отношений. Дрейф языка, собственно говоря, вовсе не связан с изменениями содержания, а только с изменениями формального выражения. Можно мысленно изменить в языке каждый звук, каждое слово, каждое конкретное значение, ни в малейшей мере, не затрагивая его внутренней реальности, подобно тому как можно влить в любую форму воду, известку или расплавленное золото. Если бы можно было показать, что у культуры, независимо от ее реального состава, есть присущая ей врожденная форма, ряд определенных контуров, мы бы имели в культуре нечто, могущее послужить в качестве основания сравнения с языком и, пожалуй, средства связи с ним. Но откуда нами не обнаружены и не выделены такие чисто формальные стороны культуры, лучше будет, если мы признаем развитие языка и развитие культуры несопоставимыми, взаимно не связанными процессами» [16, с. 193].

Согласно воззрению Э. Сепира, т.е. с точки зрения формального выражения, язык и культура – процессы несопоставимые, взаимно не связанные. Совершенно справедливо ученым отмечается и то, что содержательная часть языка – «язык в своей лексике» – может отражать культуру, которую он обслуживает, «история языка и история культуры развиваются параллельно» [16, с. 194]. Ученым обращается внимание на доминирующую роль социальной среды в формировании языкового поведения.

В исследованиях ученых стала осознаваться идея об изучении языка с учетом территориального распределения, истории, духовной культуры. Рассмотрение языка в рамках исследований культуры англоязычных народов и американских индейцев усилило линию междисциплинарного подхода, складывающегося на стыке языкознания, этнографии и социологии. Активное развитие смежной дисциплины способствовало возникновению нового направления – этнолингвистики, раскрывающей язык в соотношении с этносом, культурой с их национальными, народными, племенными особенностями.

Огромный вклад в развитие этого направления внесли ученые А. А. Шахматов, Б. А. Ларин, К. В. Чистов, Н. И. Толстой, А. С. Герд, М. М. Копыленко и др.

Традиционно этнолингвистика определяется как наука, занимающаяся исследованием взаимосвязей между языковыми и культурными явлениями.

По определению А. С. Герда, цель этнолингвистики заключается в том, чтобы «показать, как язык в разных формах его существования и его история влияли и влияют на историю народа, на положение и тип того или иного этноса, той или иной социальной группы в обществе, каковы те лингвистические методы, которые могут помочь в решении различных задач этнографии и социологии» [17, с. 5]. Ученым признается прикладной характер этнолингвистики, наблюдения и выводы которой могут быть направлены на изучение этнографии, истории и социологии.

В своей лекции А. С. Герд очерчивает круг проблем, в решении которых может помочь этнолингвистика. Научный поиск носит диахронический характер, связанный с проблемами:

- истории происхождения народа (этногенез и этническая история);
- истории материальной и духовной культуры народа (история вещей, традиций, понятий, представлений; семиотика народной культуры);
- истории формирования народного мышления, знания; характер восприятия окружающего мира индивидом – носителем языка и др.

Согласно воззрению ученого, объектом этнолингвистики выступает «человек, индивид, его поступки и действия в его отношении к языку и через язык» [17, с. 10].

По мнению А. С. Герда, этнолингвистика исследует языковое сознание индивида: условия функционирования языка (как, где и когда употребляется язык), характер языка и речи с учетом экстралингвистических факторов (принадлежность к той или иной этнической, социальной группе, место рождения, образование, возраст и др.).

Интерпретация этнолингвистических сведений возможна на основе картографических и филологических источников.

Основным материалом могут послужить:

- атласы (этнолингвистические, диалектологические, археологические, этнографические);
- словари (диалектные, этимологические, живой разговорной речи);

- тексты (записи народной речи, литературные произведения).

Анализ и переработка источников позволяет более полно представить словарный состав, в содержании которого запечатлены этнографические детали.

Так, на материале различных источников казахстанским лингвистом Герольдом Бельгером собрано большое количество казахских наименований в рамках темы «Лошадь». Среди них:

- 56 слов, называющих части (скелет) лошади (мойын, кекіл, құлақ, кекіл, жал, қабақ, омыртқа, желке, сағақ, мұрын, тіс, ерін, қабырға, жота, омырау, төс, бауай, тұяқ, сікір, аяқ, жаурын, сауыр, мықын, құйрық, ұршық, сан, тірсек, көз и т.д.);

- 42 слова для характеристики внешней формы коня;

- десятки слов для описания масти, стати, стойки, очертания спины, хребта, шеи, крупа, ляжек, ног, видов аллюра, их разновидностей и различных комбинаций (торы – гнедой, құла – буланый, боз ат – сивый, бурыл ат – чалый, кер ат – мухортый, шабдар – игрений, игрeneuveый, кара ат – вороной; қаңтару, таң асыру – выстойка, үіір, ру – косяк, тұлпар – вне конкурса, саяқ жылқы – диссидент, мерин, пасущися особняком; шаг, рысь, иноходь, галоп, карьер, тропот);

- десяток слов, называющих разные части и детали конской сбруи, типы лошадиников, профессий и т.д.

Небезынтересным является словарь, расширенный отдельными понятиями, характеризующими возраст коня: құлын (жеребенок), құлыншақ (жеребеночек), жабағы (жеребенок, которому более шести, но менее года), тай (годовалый жеребенок), арда емген (сосун на втором или третьем году), құнан (жеребенок по третьему году), дөнен (самец-трехлетка), байтал (кобыла-трехлетка), бесті (лошадь по пятому году) и т.д.

Каждый язык, развиваясь и взаимодействуя с другими языками, претерпевает различные изменения, при этом сохраняя основные черты. В языках наблюдается процесс обогащения лексическими средствами, отражающими характерные черты национальной культуры ряда других народов. Начало этого процесса положено еще в глубокой древности.

Этнолингвистика, представленная школой Н. И. Толстого, характеризуется как дисциплина, оперирующая «преимущественно исторически значимыми данными, обращаясь к «живой истории», «живой старине», стремящаяся «в современном материале обнаруживать и исторически истолковывать факты и процессы, доступные историческому упорядочению» [18].

Вместе с тем имеется и другое представление: этнолингвистика в широком и узком, специализированном понимании. В широком осмыслении «этнолингвистика включает в себя диалектологию, язык фольклора и часть истории языка, связанную с исторической диалектологией и культурной и этнической историей народа, наконец, почти все аспекты изучения языка как социального явления» [18].

Этнолингвистика в узком, специализированном понимании представляет собой ту отрасль языкознания, «которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т.п.» [18].

Термин «этнолингвистика», в составе которого выделяются компоненты «этнос-», «лингвистика», означает в целом синтез традиционной культуры в ее региональных и диалектных формах и языка как семиотической системы.

В настоящее время исследование языка в этнолингвистическом аспекте носит сопоставительный или генетический характер. Так, связи сопоставительного характера устанавливаются между разными дисциплинами смежных наук (например, между этнолингвистикой и социолингвистикой); связи генетического характера – между языком и историей культуры, между языком и народной культурой, между языком и этнической историей и т.д.

В контексте этнолингвистических исследований широкое распространение получили методы системного анализа, методы теории семантического поля, построение логико-понятийных моделей объекта, связанных с традициями народной культуры.

Таким образом, определяя язык как общественное явление, ученые высказывают идею о том, что «наука о языке (этнолингвистика) должна быть связана, прежде всего, с рядом общественных наук; связь с народом, с этнонауками» [18].

Основополагающим вопросом в этнолингвистике является язык как средство отражения картины мира представителей той или иной этнической культуры. Формирование культуры этноса обусловлено природно-географическими, историческими, социально-бытовыми и другими факторами. Следовательно, изучение языка должно опираться на данные этнографии, социологии, географии, истории и других наук. Эти дисциплины роднят страноведческий и культурологический подходы к языку.

Рассмотрим особенности каждого из них.

Лингвострановедение – направление, получившее статус научной дисциплины после выхода в свет монографии Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура» [19].

Проблематику лингвострановедения составляют два круга вопросов:

1) филологический, прежде всего, лингвистический: анализ языка с целью выявления национально-культурной семантики;

2) лингводидактический, методический – приемы презентации, закрепления и активизации специфических для данного национального языка единиц и страноведческого прочтения текстов; задачи обучения русскому языку здесь неразрывно связываются с задачами соизучения страны.

Особенность лингвострановедения состоит в ориентировании на «выявление реальных механизмов, как именно язык отражает культуру и как на деле культура живет в языке» [19, с. 17].

Известно, что язык представлен системой уровней:

- фонетико-орфоэпического;
- лексико-фразеологического;
- морфемно-словообразовательного;
- морфологического;
- синтаксического.

В зависимости от природы «означаемого», свойственного единицам разных уровней, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют языковые единицы двух типов:

- единицы, для которых характерно номинативное значение;
- единицы, для которых характерно реляционное значение.

К первой группе относятся слова, фразеологизмы и языковые афоризмы; ко второй – фонетико-интонационные, деривационные, морфологические и синтаксические единицы.

По мнению ученых, номинативные и реляционные признаки взаимосвязаны между собой, каждая из которых обладает особой семантикой. Так, «семантика реляционных единиц порождена самим языком, и она не только по происхождению, но и по современному статусу является внутриязыковой» [19, с. 76]. Номинативные единицы «целиком и полностью ориентированы на предметы, явления, действия и качества действительности» [19, с. 76]. Из сказанного следует, что слова, фразеологизмы и афоризмы являются основными языковыми единицами, содержащими национально-культурную коннотацию.

В лингвострановедческом исследовании дана классификация системы лексических единиц по признаку наличия семантических аналогий в двух/трех и более языковых общностях или отсутствия их сопоставления с какими-либо иноязычными лексическими понятиями.

В этой связи выделяются эквивалентные и безэквивалентные слова, составляющие оппозицию.

Эквивалентная лексика – группа слов, «лексические понятия которых являются межъязыковыми» [19, с. 77]. При усвоении этих слов вполне возможен перевод из одного языка в другой и допустим перенос семантических признаков с сохранением информации.

Безэквивалентная лексика (от лат. *aegius* равный + *valens* имеющий силу, значение, цену) – слова, «план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [19, с. 77]. Это лексические единицы одного языка, не имеющие аналогии в других языках.

Промежуточное положение занимает неполноэквивалентная лексика, характеризующаяся частичным наложением и частичным расхождением фонов понятийно эквивалентных слов.

Неполноэквивалентная и безэквивалентная лексика – это слова, отражающие специфику культуры каждого народа и, следовательно, являющиеся носителем национально-культурной семантики.

На основании проведенных исследований учеными предложена типология слов, наделенных национально-культурной коннотацией.

Так, на материале русского языка выделены следующие группы слов:

- демократизмы (авторитарный, административно-командный, либерализация, национал-патриот, управляемая демократия и др.);

- советизмы (Совет народных депутатов, праздник Великого Октября, партлиния, совхоз, правление колхоза, целинник, субботник, комсомол, ленинская смена, юнармейцы и др.);

- наименования предметов и явлений традиционного быта (щи, рассольник, окрошка, валенки, каравай, холодец, тройка, аршин, золотник, доля, трактир, чарка, сени, хомут, русская баня и др.);

- историзмы (оброк, барин, крепостной, уставное письмо, бурлак, извозчик, терем, городничий, скоморох, дань, вече, дружина, опричнина, воевода и др.);

- слова старого быта (изба, терем, хоромы, сноп, гусли, кольчуга, латы, палица, боярин, купец, помещик, лапта и др.);

- лексика фразеологических единиц (ни кола, ни двора, верста коломенская, бить челом, медвежья услуга, во всю Ивановскую, узнать всю подноготную и др.);

- слова фольклорной лексики (Снегурочка, баба Яга, Кощей Бессмертный, скатерть-самобранка, ступа добрый молодец, красна девица, суженый, кудесник, чудо-юдо, тридевятое царство, лесной царь, морской царь, и др.);

- слова мифологического происхождения (Макошь, Лель, Ярило, Велес, Перун, Лада, Денница, Дидилия и др.).

Отдельно следует упомянуть о фразеологизмах, в структуре которых отмечается страноведческий компонент – топоним.

В русском языке имеется ряд фразеологических единиц, содержащих в качестве стержневого компонента географические названия «Москва», «Ивановская площадь», «Коломенское», «Казань», «Тула», «Полтава» («Москва-столица, для всего мира светлица», «Москва не город, а целый мир», «Москва слезам не верит», «кричать во всю Ивановскую», «Коломенская верста», «Казанская сирота», «ехать в Тулу со своим самоваром», «как швед под Полтавой» и др.). Содержание фразеологизмов отражает особенности географии и истории страны изучаемого языка, в данном случае русского.

На материале казахского языка можно отметить следующую тематическую группу безэквивалентных слов:

- политические слова (мәжіліс, құрылтай, асар, аким, акимат, хан, бек, бай, Желтоқсан, батыр, би, жүз, сұлтан, ардагер, тоғыз / девятка, подарок, подношение или штраф, состоящий из девяти голов скота и др.);

- традиционно-культурная лексика (сүйінші, шілдеhana, бесікке салу, тұсау кесу, құдалық, шашу, беташар, қыз // қалыңдық ұзату, отау тігу, сарқыт, той, асаба, жырау, домбыра, айтыс, ақын, қобыз и др.)

- спортивная лексика (аударыспақ, балуан, қазақша күрес, бәйге, көкпар, алтыбақан, барымта, тоғызқұмалақ и др.);

- слова домашнего обихода (ауыл, арба, отау, шаңырақ, шатыр, алаша, құрақ көрпе, кесе, дастарқан, жайма, арғымақ и др.)

- наименования одежды, кушаний (бауырсақ, бесбармақ, көже, қымыз, құрт, шұбат, қазы, қарта, қуырдақ, тақия, сәукеле и др.);

- фразеологизмы (бауыр басу/приютить, бір құдай біледі / только бог знает, қойында тасы бар/камень на сердце, айдың да дағы бар / и на луне есть пятна, көрінгеннің қобызына билеу / плясать под чужую дудку) и т.д.

Этим группы безэквивалентной лексики не исчерпываются. Их можно дополнить рядом других лексико-тематических пластов, свойственных только определенной языковой общности.

Безэквивалентная лексика обогащает словарный состав других языков. Так, в русском языке отмечается наличие слов тюркского происхождения (тайга, базар, аркан, халат, папаха, аксакал, аул, пиала, арык, кетмень и др.). В казахском языке – наличие слов русского происхождения (аванс, матрешка, совет, совхоз, кооператив, мандат,

машина, вожатый и др.). Функционирование безэквивалентной лексики одного языка в ряде других языков – результат длительного взаимодействия народов и культур, корни которого восходят к глубокой древности.

Для безэквивалентной лексики характерны пространственно-временные номинации.

Номинации пространства отражают, с одной стороны, специфику географической среды и природных реалий, с другой – особенности национального характера и мировидения.

К примеру, в русском языке слова «простор», «даль», «ширь», «раздолье», «приволье» связаны с семантикой «бескрайние огромные пространства». Вместе с тем это духовное и эмоциональное огромное пространство, свойственное широкой русской душе: не просторно, да дворно; и тесен дом, да просторнее он; в степи простор, в лесу уголье; трактор в поле – жизнь в раздолье и др.

В казахском языке имеется слово «жайлау», которое содержит как пространственные, так и временные признаки: летнее пастбище, место пастбы скота в летний период.

Отмечается также, что жайлау может быть противопоставлен одиночеству, скуке: жайлауынан ел кеткендей болды (будто с жайлау все выехали).

Номинации времени подчеркивают самобытность национальной культуры. В каждом языке время отмечается словами, связанными с природными циклами, периодами жизни, историческими событиями и т.д. Для русского языка, как уже отмечалось выше, характерно использование слов с определенной хронологической информацией, которая содержится в словах фольклорной лексики, демократизмах, советизмах, историзмах, фразеологизмах, диалектизмах. В казахском языке есть слова, в которых зафиксирован семейно-традиционный или обрядный счет времени. К примеру, слово «соғым» содержит значение «зимний убой, в основном в декабре». В слове «мүшел» отражено старинное исчисление возраста человека по двенадцатилетнему циклу; первый цикл заканчивается тринадцатилетним возрастом, второй – двадцатипятилетним, третий – тридцатисемилетним и т.д., то есть к каждому последующему мүшел добавляется двенадцать лет.

Таким образом, вопрос изучения безэквивалентной лексики непосредственно связан с проблематикой страноведчески ориентированной лингвистики, исследующей языки с учетом семантики на основе сведений о стране, культуре, истории и географии. При лингвострановедческом подходе к изучению языка

привлекается более широкий круг дисциплин, существенно определяющих историко-географическую и национально-культурную специфику языка, «языковую картину мира». В их числе дисциплины, тождественные природе, цивилизации, науке, экономике, географии, обществу, праву, государству и др.

Лингвострановедческая научная концепция Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова получила свое продолжение в теории и практике современной лингводидактики, представленной школой ученых Российского университета дружбы народов (В. В. Воробьев, В. М. Шаклеин и др.).

Лингвострановедческий подход к обучению языку является одним из значимых в контексте формирования полиэтнически ориентированного толерантного мировоззрения. Он базируется на следующих принципах:

- учет социальной – историко-географической природы языка;
- учет своеобразия и самобытности лексико-фразеологического, паремиологического и фольклорного языкового фонда как отражение национальной культуры;
- изучение языка через призму усвоения культурных ценностей.

Ведущим выступает принцип, связанный с общественной природой языка, выполняющего кумулятивную функцию. В языке запечатлены особенности географического расселения и культурно-исторического развития народа. Немаловажное значение имеет вопрос тематического распределения языкового материала и презентации его этнического своеобразия на основе изучения безэквивалентной лексики. К примеру, в рамках тематического цикла «Государство, города» должны отражаться в микроязыке учебного материала названия географических пунктов, природных реалий страны изучаемого языка. Показательным в этом отношении может стать изучение русского языка на материале тематической группы «Россия: столицы и города». Достаточно привести примеры топонимов – названий промышленных городов. Организующим центром данных топонимов является концепт, репрезентированный словом «столица». Столица – уникальный значимый концепт, содержащий, помимо понятийного, ценностный компонент. С точки зрения лингвострановедения, в содержании наименований и их специализации доминирует природно-географический фактор: «Магнитогорск – металлургическая столица России; Норильск – столица цветной металлургии» [20]. Природно-сырьевая среда «нашла отражение в аттестации Тюмени как нефтегазовой столицы, Сургута как нефтедобывающей, Нового Уренгоя как газодобывающей.

Кемерово как центр региона позиционируется как угольная столица. К ним можно добавить Мирный – алмазную столицу и Бодайбо – золотодобывающую» [20]. Представляя собой группу безэквивалентной лексики, перечисленные топонимы обладают наличием признаков страноведческого характера.

Относительно безэквивалентной лексики рассматриваются значимые для национальной культуры представления о реальности. Так, в числе промышленных городов России «Тула, в значительной степени следуя традиции, именуется оружейной столицей России, а также родиной чайников, самоваров и Левши», «Иваново – столица текстильного края, русский Манчестер», «Гусь-Хрустальный стеклодувной столицей, столицей хрусталя, а Ликино-Дулёво – столицей фарфора» [20]. Как видим, в содержании классификаций отражены особенности культурных традиций каждого города. Следовательно, этот аспект сближает лингвострановедение с лингвокультурологией.

Лингвокультурология – сравнительно молодое, активно развивающееся междисциплинарное научное направление, возникшее в рамках антропоцентрической парадигмы.

Специфика лингвокультурологии определяется изучением языка и культуры во взаимодействии. Язык рассматривается как средство хранения и транслирования культурной информации, как путь, по которому можно проникнуть в недра ментальности и культуры народа. Сегодня взгляды ученых ориентированы на расшифровку кода культуры посредством анализа семантики языковых знаков.

Представляя собой одно из фундаментальных понятий общественно-гуманитарного знания, культура определяется как совокупность различных ценностей – социальных, духовных, образных, символических, традиционно-обрядовых, нормативных, коммуникативных, информационных и др.

Культура – сложное органическое начало, неотделимое от человеческой сущности. Так же, как и язык, культура является неотъемлемой частью развития человечества. Культура – это кладовая деятельностного, интеллектуального, духовного, материального, инновационного и др. опыта. На протяжении многих веков культура рассматривалась как в эволюционном виде, так и в плане противостояния дикости, варварству, бескультурью и др.

Ряд общественно-гуманитарных учений привело к научным изысканиям о культуре, цивилизации, прогрессе. В этом контексте зародилось несколько теорий:

- этнографическая концепция цивилизаций Т. Жюффруа;

- этноисторическая концепция цивилизаций Ф. Гизо;
- закон трех стадий развития нравственности Г. Гегеля;
- закон трех стадий эволюции мысли (теологическая, метафизическая, позитивная) О. Конта;
- теория общественно-экономических формаций К. Маркса и др.

В лингвистическом аспекте культуру понимают как исторически сложившуюся сущность, вошедшую в язык. Культурная семантика попадает уже сформировавшимися сущностями в устно-поэтический и лексико-фразеологический фонд.

Основными источниками национально-культурной информации служат слова, фразеологизмы, паремии, знаки, символы, фольклорные произведения, традиционный и обрядовый материал.

В науке последних десятилетий известны разные подходы к интерпретации культурных смыслов в языке.

Ю. С. Степановым предложено описание констант культуры в эволюционном процессе, в соответствии с требованием «генетической последовательности» [21, с. 60.]. Константа определяется как «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [21, с. 84.]. По мнению ученого, определение каждого концепта «складывается из исторически разных слоев различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике, а поэтому способ их суммирования в определении по самому существу дела является генетическим; концепт получает всегда генетическое определение» [21, с. 60].

Определяя концепт как сложный по своей структуре феномен, Ю. С. Степанов выделяет в его составе несколько слоев – «буквальный смысл» («внутренняя форма»), «пассивный» («исторический») слой, новейший (активный, актуальный) слой. Логика анализа концептов ведет к использованию различных методов описания в соответствии с каждым компонентом:

- этимологический метод, позволяющий раскрыть «буквальный смысл», «внутреннюю форму»;
- исторический метод, направленный на описание «пассивного», «исторического» слоя;
- социологический метод, ориентированный на определение социальной стороны концепта как результата коллективного сознания.

Резюме Ю. С. Степанова заключается в выдвижении нового метода – метода историка культуры, сочетающего все три метода, применение которых возможно с учетом пластов содержания концептов культуры.

Рассматривая концепты (константы культуры) как результат исторически обусловленной культурной жизни, ученый предлагает строить методологию исследования с позиции культуролога, обращаясь к источникам разных времен и разных авторов. Основным источником изучения концептов служит литературный материал, в котором отражены древние, этнические, исторические представления, социальный характер мировосприятия.

Согласно концепции В. Н. Телия, М. Л. Ковшовой и других представителей научной школы, основной предметной областью лингвокультурологии является сфера взаимодействия культуры и живого языка. Наиболее значимыми вербальными единицами живого языка признаны фразеологизмы, характеризующиеся образностью. В основе создания фразеологизмов лежит метафора, устанавливающая отношения адекватности между несопоставимыми по своей семантике языковыми единицами. В результате их сочетания возникает образ фразеологизмов, и именно этот образ, по словам ученых, «становится тем своеобразным проводником культуры, благодаря которому осуществляется взаимопроникновение двух семиотических систем – культуры и языка» [22].

В контексте теории В. Н. Телия, интерпретация культурной семантики фразеологизмов важна с позиции взгляда самого носителя культуры и языка – субъекта. Изучение фразеологического фонда носит национальный самобытный характер.

Теория лингвокультурологической школы В. Н. Телия получила свое продолжение в учениях В. А. Масловой. Основная линия теории направлена на изучение культурного кода, имплицитного по своей природе, как бы «скрывающегося» за языковыми значениями; на решение вопроса преодоления культурного барьера в межкультурной коммуникации. Так, на примере русского фразеологизма *выносить сор из избы* имеющего значение «разглашать сведения о каких-то неприятностях, касающихся узкого круга лиц», ученым дается описание глубоко скрытой культурной информации – славянского архетипа «выносить сор из избы нельзя, ибо тем самым мы ослабляем «свое» пространство, делаем его уязвимым и можем причинить вред членам своей семьи», а это недостойно человека» [23, с. 133].

Изучение имплицитной культурной информации, заложенной в языковых значениях, связано с различными аспектами, в которых сохранены культурные смыслы.

Предметом лингвокультурологического исследования служат:

- стилистический уклад языков (литературный язык, диалекты и говоры, просторечия, аргю);

- фразеологический фонд (фразеологические единицы);
- паремиологический фонд (пословицы, поговорки, афоризмы);
- мифологизированные единицы (мифологемы, архетипы);
- символичный состав языка (символы, эталоны, стереотипы);
- речевое поведение, область речевого этикета.

Как показывает перечень предметов исследования, спецификой лингвокультурологии является изучение живого, естественного языка в диахронии, позволяющего проникнуть вглубь веков и недр человеческого сознания, проследить эволюцию взглядов, воссоздать наиболее полную картину мира и взаимодействия разных народов и этносов.

Таким образом, приведенные характеристики в определенной степени способствуют объяснению специфики культурологического подхода к лингвистическим исследованиям. Вполне закономерно появление смежных дисциплин, направленных на параллельное исследование языка, мышления, поведения и культуры как единого механизма отражения реальной действительности.

1.3 Концептология как учение о виртуальных единицах ментальности и культуры в языке

Лингвистическая концептология – новое научное направление в исследовании языка, его ментальной базы и культурного фона. Это мультидисциплинарная отрасль, возникшая на стыке когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Появление и развитие этого направления стало возможным благодаря актуализации исследования концепта как минимальной единицы ментального мира.

Концепт – межотраслевой термин, имеющий разные аспекты его определения – философский, психологический, культурологический, логический, интегративный и др. В современной науке выделяется две позиции в понимании и исследовании концепта – когнитивная и лингвокультурологическая.

С точки зрения когнитивной лингвистики, концепт определяется как ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивная структура, «оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [7, с.90].

В лингвокультурологии концепт определяется как сгусток культуры, локализуемый в сознании, «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [21, с.43].

Представителями этих направлений отмечается сложность структуры концептов и наличие следующих компонентов:

- чувственного образа (И. А. Стернин, З. Д. Попова);
- ценностного, фактуального, образного компонентов (В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин);
- эмотивности, аксиологичности, национально-культурных коннотаций (В. А. Маслова);
- категориальных, функциональных, неметафорических, метафорических и других признаков (М. В. Пименова).

Истоки учений о концептах восходят к трудам начала XX века в области исследования языка художественной литературы.

Лингвистами были отмечены некоторые семантические образования, получившие разные варианты названий: символ, экспрессема, стилема, концепт и др.

Так, В. В. Виноградов раскрывая смысл понятия «символ», определяет его как стилистическую единицу, «элемент словесной ткани отдельных художественных произведений», который «необходимо отыскивать путем анализа художественного произведения. Их нельзя вырезать из художественного произведения механически, аналогично словам языка: это не слова, а «символы» [24].

В. П. Григорьевым используется термин «экспрессема» для обозначения особой поэтически-выразительной функции слов, в которой отмечается признак «преобразованная и преобразуемая потенциально художественная языковая единица».

В 70-е гг. прошлого века в казахстанской лингвистике предмет лексической трансформации описывался Х. Х. Махмудовым следующим образом: «Те изменения, которые претерпевает слово, попадает в контекст, изменения, позволяющие говорить об авторской индивидуализации языка художественной литературы, обусловлены достижением или недостижением стилистической достаточности слова как результата различной степени развития авторской функциональной значимости» [25, с. 78] Анализируя стилистические средства языка, ученый приходит к выводу о том, что «речевые средства, выраженные писателем в контексте, становятся элементом стиля, стилистической единицей, или стилемой» [25, с. 72].

С. А. Аскольдов-Алексеев еще в 1928 году впервые употребил термин «концепт» в статье «Концепт и слово». Лишь в 80-е годы термин вошел в активный глоссарий для описания виртуальных единиц ментальности и психических ресурсов сознания в языке.

Первоначально термин «концепт» рассматривался в значении «понятие» (в соответствии с термином «concept»), затем – «смысловые элементы» («concepts»), позже – «семантически ориентированный» («conceptually based»).

Возросший интерес к исследованию концептов обусловил многочисленные исследования концепта:

- как ключевого термина и понятия в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии;

- в русле экспериментального исследования ряда концептов.

Благодаря научным изысканиям и описанию теории концептов В. В. Колесова, М. В. Пименовой, понятие о концепте и выделение концептума стало представляться самостоятельной лингвистической категорией, осознаваться отдельной сферой изучения языка и его ментальной базы.

О концепте заговорили как о ведущих научных единицах постижения картины мира, представляющих собой «опорную сеть коренных понятий национальной культуры, существующую вне времени и пространства», которые «даны как помысленные сущности параллельно с вещным миром», которые «познаются интуитивно и всеми носителями данной культуры воспринимаются одинаково, но с разной силой, энергией и отдачей» [5, с. 5].

Определяя значимость концепта в поле ментального пространства, В.В. Колесов отмечает, что «именно концепт «держит» единство слова во времени и пространстве». [5, с. 46]. Ученый уточняет: «Поскольку «значений» слова может быть несколько, и все они проявляются контекстно («каждое употребление слова – самостоятельное слово»), то только концептуальный его смысл создает единство слова, подчеркиваемое на письме формально – отдельной лексемой» [5, с. 46].

Учение о концепте получило развитие в научных лингвистических школах, организованных в разных городах России, Украины, Казахстана и Кыргызстана. В настоящее время учение о концептах представляет собой отдельную область исследований и можно со всей определенностью констатировать, что концептология представляет собой самостоятельное научное направление, ориентированное на исследование концептов и концептуальной системы, выявление их признаков, классификацию, типологию и т.п.

В. В. Колесов, М. В. Пименова выделяют три базовые черты, отличающие концептологию от других направлений научной когнитивистики:

- ономазиологичность, «это речь говорящего, а не слушающего»;

- лингвальность, т.е. «подается со стороны речевой деятельности, а не логических суждений»;

- историчность, «ибо рассматривает концепты в развитии, в семантическом преобразовании» [5, с. 5].

В современных исследованиях расширяются границы изучения эволюционных и трансформационных возможностей концепта. Учеными выделяются основные признаки, позволяющие очертить траекторию исследования концепта как виртуальной единицы ментальности и культуры, воплощенной в языке.

В. А. Маслова называет следующие инвариантные признаки концепта: «минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру», «основные единицы обработки, хранения и передачи знаний»; «имеет подвижные границы и конкретные функции»; «социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику»; «основная ячейка культуры» [9, с. 47].

Следовательно, концепт, по В. А. Масловой, обладает признаками абстрактности, лингвальности, аккумулятивности, подвижности, функциональности, социальности, прагматичности, культуры.

М. В. Пименова также приводит целый ряд признаков концепта, квалифицируя его как ментальную единицу, объективирующуюся в языке. Концепт «является идеальным объектом», «служит элементом концептуальной системы», «не существует изолированно, он находится в тесной взаимосвязи с другими концептами», «обладает национально-культурной спецификой», «обладает достаточно сложной многоуровневой структурой» [4, с. 70–71].

Таким образом, концепт – явление сложное, абстрактное (виртуальное), локализуемое в сознании, характеризующееся наличием культурного компонента, способное самоорганизовываться или дифференцироваться в группы, обрастать новыми признаками, развиваться или останавливаться на определенном этапе, вступать в системные связи с другими концептами и т.д. Из сказанного следует, что, концепт – это синергетическая поликомпонентная виртуальная единица ментального ресурса и культурного фона.

Концепт обладает признаками голографичности. По своей сути концепт содержит информацию о картине мира; любой его признак отражает фрагменты представления о реальности, между которыми, в свою очередь, существует невидимая связь.

Если проанализировать концепт по принципу «Вселенной» путем выявления комплекса признаков в его структуре, то появляется возможность воспроизвести фрагменты картины мира и восстановить целостность человеческого мировосприятия.

Любые речемыслительные действия связаны с актами познания окружающей реальности и ее отражения в сознании. В свою очередь, эти акты предполагают проявление многообразия человеческого «Я». Отсюда многомерность и многоплановость концепта, в составе которого выделяются различные признаки:

- рациональные и эмоциональные;
- абстрактные и конкретные;
- универсальные, этнические и индивидуальные;
- категориальные, функциональные, ценностно-оценочные;
- неметафорические, мотивирующие, понятийные;
- метафорические, образные, символические и др.

Согласно методологии концептуальных исследований Кемеровской школы (М. В. Пименова), выделяются классы базовых концептов (космические, социальные, духовные), концептов-дескрипторов (димерсиональные, качественные, количественные), концептов-релятивов (оценки, позиции, привативы).

Таким образом, имеющиеся научные достижения в области концептуальных исследований доказывают, что одним из актуальных аспектов языкового анализа является концептологический, в рамках которого в числе наиболее частотных репрезентантов концепта признано слово.

1.4 Словарно-фразеологический фонд языка как проводник человеческой информации: современные методы анализа

... нам дано свыше слово.
Все что происходит в нас и с нами,
вершится через слово.
И все, что рукотворно, в конечном счете –
это реализация слова.
Я большее скажу, слово – потенциал
вечности, заключенный в нас.

Ч. Айтматов

Современная методика преподавания языка испытывает влияние различных направлений, сформированных в лингвистике. В связи с этим появляется новое описание языка как средства отражения картины мира.

Рассуждая о природе языка, В. фон Гумбольдт высказывает мысль о богатстве содержания языка, который «не просто переносит какую-то неопределенную массу материальных элементов из природы в нашу душу; он несет в себе еще и то, что предстает нам во всей совокупности бытия как форма». [13]. По мнению ученого, язык – есть чувственное отражение окружающего мира. Он также многообразен как многообразна природа, развертывающая «перед нами богатую образами всех чувственных восприятий пестроту явлений, озаренную лучезарным сиянием; наша мысль открывает в ней созвучную форме нашего духа закономерность; отделенная от телесного бытия вещей, словно одного лишь человека затрагивающее волшебство, облакает их очертания внешняя красота, в которой закономерность заключает с чувственной материей союз, остающийся необъяснимым, но захватывающий и влекущий нас. Все это, в аналогических созвучиях, мы снова находим и в языке; все это он способен воссоздать» [13].

Язык – явление развивающееся и процветающее в результате контакта с другими языками. Одним из семантически значимых уровней языка является лексика и фразеология. Его словарно-фразеологический фонд пополняется путем появления новой лексики, заимствований, новых значений.

Именно в словах и фразеологизмах содержится информация о сущности реальных предметов и явлений и мировоззрении человека.

Современный путь осмысления картины мира отличает взгляд на язык с точки зрения человеческого «Я».

«Я» – многомерная, коммуникативно разноаспектная языковая личность, выполняющая различные роли в соответствии с внелингвистическими условиями и факторами общения. В. А. Маслова отмечает наличие Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное. Например, фразеологизм «пройти сквозь огонь и воду» может отражать следующие мысли:

- Я-физическое, «огонь – жарко, вода – приятно»;
- Я-интеллектуальное, «огонь и вода – природные стихии»;
- Я-социальное, «рассказал о человеке, испытывавшем трудности»;
- Я-эмоциональное, «выразил свое отношение»;
- Я-речемыслительное, «сказал, чтобы передать свои мысли и впечатления» и т.д.

В составе фразеологизма компоненты «огонь» и «вода», метафорически и символически выражая разные значения, создают несколько иной смысл. Образное представление древних людей об

этих стихиях как о разрушительной и грозной силе природы содержит смысл – «испытать, перенести в жизни многое, побывать в различных трудных положениях, переделках». Символическое *огонь* – *сила жизни, вода* – *сила небытия, забвения* послужило появлению другого значения – «познать и жизнь, и забвение».

Итак, становится очевидным, что анализ плана содержания слов и фразеологизмов, отражающего человеческое мировоззрение, должен производиться на стыке лингвистики с другими науками. На первое место выдвигается человеческий фактор в языке, а лексика и фразеологизмы рассматриваются как проводники информации.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем внедрять и развивать методы, позволяющие обнаруживать скрытые за значениями те или иные представления и знания о картине мира.

В контексте антропоцентрической парадигмы разработаны методы когнитивно-семантического, лингвокультурологического, концептуального анализа. Рассмотрим их.

Центральным объектом внимания является концепт. Методика его исследования строится на материале языка. Из всего многообразия языковых средств репрезентации концепта признано слово.

В методическом плане считаем целесообразным наряду с понятием «слово» использовать понятие «концепт» и разграничивать слова и концепты.

Исследования когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концептологии еще раз доказывают, что это единицы разных механизмов: концепт – единица мышления; слово – единица вербализации. Иначе говоря, «было бы неверно говорить «концепт дерево» или «концепт дерева», более точно говорить: концепт, репрезентируемый в языке словом *дерево*, представленный в системе языка словом *дерево*, вербализуемый словом *дерево* и т.д.» [10, с. 29].

Концепт – виртуальная единица ментального пространства. Основным знаком репрезентации концептов выступает слово. Слово – материальное, языковое воплощение мысли, чувств, верований, представлений, ассоциаций. Именно слово «является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, непосредственно данным словом не названные. Языковая номинация, таким образом, это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности» [10, с. 55].

Концепт характеризуется наличием в структуре ряда признаков; в процессе мыслительной деятельности актуализируются разные признаки, они могут эволюционировать или исчезать, обрастать новыми признаками и т.д. Слово имеет значение или несколько значений, зафиксированных в словарях, может употребляться в прямом или переносном значении, вступать в парадигматические, синтагматические, деривационные отношения и т.д.

Концепт объективируется системой лексико-фразеологических средств. Совокупность этих средств, репрезентирующих концепт в определенный период развития общества, в когнитивной лингвистике получила название «номинативное поле концепта» [10, с. 47]. Номинативное поле концепта составляют слова-репрезентанты, производные номинации, однокоренные слова, окказионализмы, устойчивые и фразеологические сочетания, метафорические номинации, слова-ассоциаты, словарные статьи и толкования (данные в словарях, справочниках, энциклопедиях и др.).

Для каждого языка характерно наличие слов, не имеющих переводных соответствий в других языках. В данном случае можно говорить о безэквивалентных словах, следовательно, и о безэквивалентных концептах.

Например, в представлении казахского народа нет концепта, выраженного словом «воевода» (воин, князь, правитель славянских народов), как в русском нет концепта, вербализованного словом «төре» (человек ханского происхождения).

В свою очередь, в казахской ментальности нет концептов *граф, князь, дворянин, помещик, король, священник*; как в русской картине мира нет концептов *хан, бай, бий, мулла, визирь* и т.п. Эти концепты носят историко-этнический характер.

Еще один аспект изучения лексико-фразеологических средств – национально-специфический, когда анализируются концепты, общие для разных языковых картин мира. Продемонстрируем это на примере природных концептов *солнце* и *луна*.

Концепты *солнце* и *луна* есть в русской (славянской) и казахской (тюркской) языковых картинах мира.

С древних времен существует представление о небесных телах: *солнце* и *луна* являются уникальными объектами, значимыми для всех живущих на Земле людей. В русской и казахской мифологических традициях также существует дифференциация небесных тел. *Солнце* и *луна* – светила небесного пространства, воспринимаемые в древности как существа, наделенные душой, выполняющие особые функции, обладающие определенными ценностями. Поэтому в славянских и

тюркских мифах представлены образы и персонажи, олицетворяющие *солнце* или *луну*.

В мифологии древних славян присутствует множество персонажей, связанных с луной и солнцем. В результате изучения мифов древних славян выявлено более 21 персонифицированного героя, наделенного солнечными и лунными характеристиками. Каждый из персонажей обладает особыми признаками в соответствии с выполняемыми ими функциями.

1) Авсень (Овсень, Говсень, Усень, Баусень, Таусень): божество, возжигающее солнечное колесо и дарующее свет миру; открывает путь новому лету, несет из райских стран щедрые дары плодородия.

2) Белун (Неумойка): божество, сочетающее в себе черты бога-солнца и бога-громовника. Как первый прогоняет ночь, так последний – темные тучи.

3) Божич (божик): в южнославянской мифологии персонаж, поминаемый в колядах наряду с символами и обрядами, обозначающими начало весеннего солнечного цикла.

4) Дажьбог (Дажбог, Даждьбог): бог солнца, сын Сварога.

5) Дева-Солнце: взирая на весеннее солнце, выступающее в грозовой обстановке, древние поэты рисовали это явление в двух различных картинах (в виде белого лебедя купалась в водах облачного моря; сами облака изображали лебедиными девами, а солнце их воинственным атрибутом – блестящим щитом).

6) Дед-Всевед (Дедо-Господь): солнце, божество весенних гроз в южнославянской мифологии.

7) Денница (утренница, зарница): Утренняя богиня зари. Различали Утреннюю и Вечернюю Зарю, называя их сестрами. Денница предвещает восход солнца, ведет солнце на небо и тает в его ярких лучах. Ночью Денница светит ярче всех, помогает месяцу.

8) Жареница (жареник): полуденный дух, воплощение солнечного удара, а также жары; могла выступать не только в женском, но и в мужском облике; про жареницу говорили, что она «вся так и горит, и светится»; она считалось иногда и персонификацией жара вообще.

9) Зимстерла: богиня рассвета, утренней зари, весны и светов.

10) Коляда: солнце-младенец, в славянской мифологии – воплощение новогоднего цикла, а также персонаж праздников, сходный с Авсенем. Она праздновалась в зимние святки: с 25 декабря по 6 января.

11) Полудница (полуденица, полудянка): тождественна с солнцевыми девами и белыми женами, а в полдень показывается у колодцев и расчесывает свои длинные косы.

12) Ситиврат (Ситомир, Препадник): бог поворачивающий солнечное колесо на лето и вместе с этим возвращающий земле силу плодородия.

13) Солнцевы девы: в русских сказках Солнце владеет 12 царствами (12 месяцев); словаки говорят, что Солнцу как владыке неба и земли, прислуживают 12 солнцевых дев.

14) Хорс (Корша, Корс, Корш): древнерусское божество солнца и солнечного диска; бог собственно солнца.

15) Числобог: богиня луны; поселяне выходили встречать новый месяц и обращались к нему с мольбами о счастье, здоровье и урожае.

16) Ярило: бог солнца, плодородия земли; имя Ярило происходит от славянского корня «яр» – сила. Ярило – центральный персонаж весенней сельскохозяйственной обрядовости и др.

Итак, в славянской мифологии присутствуют женские и мужские образы, олицетворяющие *луну* и *солнце*. С женским началом связаны образы Дидилии, Девы-Солнца, Денницы и др. С мужским – Ярило, Дажьбога, Деда-Всеведа. Жареница могла выступать не только в женском образе, но и в мужском – Жареник.

Часто персонажи в мужском облике являлись старцами (Ситиврат, Дед-Всевед), молодыми персонажами (Ярило, Солнцевы девы, Полудница, Полуденица, Дева-Солнце). Единственным младенцем среди других персонажей является Коляда.

Отмечены родственные связи по горизонтали и вертикали: солнце-луна = брат-сестра; солнце-отец => солнце-сын, дети. В образах *солнца* и *луны* наблюдается наличие признака представителей разных поколений: отец=>сын=>младенец // старшее, среднее и младшее поколение.

Древние славяне, как мы уже отметили, обожествляли *Солнце* и *Луну*, воспринимали их как источник жизни, света, тепла и плодородия.

Есть поговорка, связанная с Белуном – темно в лесу без Белуна.

У болгар существует поверье, что Дедо-Господь (Дед-Всевед) ходил некогда по земле и поучал людей пахать и возделывать поля.

В древнетюркской мифологии имеется описание «солнцеголовых существ», выступающих символами Солнца и Луны. Исследователями наскальных рисунков обнаружены целые галереи, в которых изображены огромные головы-диски, имеющие лучи, расходящиеся по радиусу.

В поэме Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» – «Благодатное знание» дано описание города Солнца, олицетворяющего идеальное государство, в котором все построено на справедливости, разуме, счастье, непритязательности. Главные герои правитель Кюнтогды («Взошедшее солнце») и Айтолды («Полная луна») в образах Солнца и Луны символизируют справедливость, закон, мудрость, процветание.

Семантика имени Кюнтогды элик («Кюн» – «Солнце», «тогда» – «взошло») отражает признаки солнечного тепла и света, благодатные лучи которого согревают каждого на земле. Так и правитель должен обладать ясным умом, мудростью, светлыми помыслами для того, чтобы верно служить людям и словом, и делом:

Взгляни, как на небе светило горит,
На жар, что с нетленною силой горит.
Деянья мои на светило похожи:
Моя справедливость немеркнуца тоже.
Как Солнцу со дня сотворения дано
Светить для людей – и не меркнет оно!
Так я и закон мой не знаем предела,
И дар для людей – мое слово и дело.

Образ Кюнтогды уподоблен солнцу: сущность его как правителя заключается в незыблемости, твердости, нетленности, вечности.

Незыблемо солнце на небе всегда –
Недвижность его в Зодиаке тверда.
В созвездии Льва место солнца бессменно:
Созвездие недвижно, суть солнца нетленна.
Как солнце, незыблема сущность моя:
Сияю всегда неизменно и я!

Основное назначение солнца – служение земле, миссия правителя – быть справедливым, достойным своего назначения человеком.

Имя Айтолды, производное от «Ай» («луна») – «толды» («полный»), в переводе означает «Полная луна», «полнолуние». Это персонаж, наделенный функциями хасс хаджиба, советника, первого помощника правителя. Образ Айтолды олицетворяет счастье, которое может прибывать или убывать, которое может подарить или развеять прекрасные мгновенья. Счастье недолговечно, изменчиво и нужно ценить его:

Сказал Айтолды: «Это имя – не ложь:
Мудрец говорил, что с луною я схож.
Луна поначалу едва лишь видна,
Потом, подрастая, восходит она.

А в день полнолуния весь мир озарит,
Она для людей, словно светоч, горит.
Нальется сияньем, сверкая с высот,
И меркнет красою, идя на заход.
Сияние меркнет, и вот его нет,
И снова из мрака рождается свет.
Мне так же дано мою сущность менять:
Я то появлюсь, то исчезну опять.
Едва обращаю я к убогому лик,
Прекрасным становится он в тот же миг.
Растут его слава, величье, почет,
А я лишь уйду – все со мною уйдет.
И все, что имел он, развеется враз.
Убогость к нему возвратится тотчас...».

В поэме Ю. Баласагуни Солнце и Луна представлены в образах, связанных с мужским началом. Управление государством находится в руках человека, обеспечивающего мир и гармонию в своей стране.

В тюркской мифологической картине мира Солнце и Луна ассоциировались с женскими образами двух сестер (солнце – луна = сестры); отмечается родственная линия по горизонтали: Солнце – старшая сестра, Луна – младшая. Не случайно у казахов наблюдается большое количество мужских и женских имен, в корне которых есть слова «ай» («луна») или «күн» («солнце»).

Женские имена: Күнсұлу, Күнсана, Күнім, Күнсара, Күнжаркын, Күнсәуле, Күнзада, Күншолпан, Күнайым, Айжан, Айғаным, Айсұлу, Айдана, Айсана, Айгерім (Айкерім), Алтынай, Күмісай, Айсара, Айгүл, Айнұр, Айару, Аймира, Айнель, Айтолқын, Айжаркын, Айжарық, Айым, Айсәуле, Айжанар, Айнар, Айзада, Айшолпан, Айымгүл, Жасай, Нұрай, Айза, Айназ, Айнаш, Айгүлім, Айман.

Мужские имена: Айтуар, Айсұлтан, Айбек, Айбол, Айбар, Айдын, Айдынбек, Айхан, Айдар, Айдос, Айболат, Айдархан, Айдарбек, Айғали, Айымбек, Айбалта, Айтұмар, Айжас, Аймұрат, Айкуат, Айшуақ, Айәділ, Айназар, Күнтуар, Күншуақ, Күнсұлтан, Күнімхан, Күнболат, Күнхан, Күнұзақ и др.

Кроме этого, в казахском языке встречаются такие имена с компонентом «нұр» – («луч»), аналогичным «ай» и «күн»: Нұрым, Нұрсұлтан, Нұрбек, Нұргүл, Нұрхан, Нұржан, Нұргүл, Нұрсәуле, Сәуле, Нұрсұлу и др.

В русском языке аналогичных имен с компонентами *солнце* и *луна* не встретилось.

Таким образом, концепты *солнце* и *луна* в русской и казахской картинах мира обладают общими и национально-специфическими признаками. Общими являются поклонение небесным светилам как божественным существам, очеловечивание, наделенность функциями дарить тепло, свет, благоденствие, мир. Вместе с тем наблюдаются и национально-специфические черты. В русской языковой картине мира концепты *солнце* и *луна* наделены обрядовыми, праздничными признаками. В казахской картине мира эти концепты отражают признаки философии управления государством и служения народу.

Итак, анализ концепта может быть ориентирован на выявление историко-этнических и национально-специфических характеристик.

Концепты одного народа могут заимствоваться концептуальной системой другого народа. Исследование этих концептов возможно на материале заимствованных слов и фразеологизмов. По мнению Олжаса Сулейменова, заимствования «никоим образом не являются признаком бедности языка, это естественный фактор его развития» [26, с. 40]. Заимствование – естественное и необходимое явление, способствующее языковому развитию. Оно обогащает язык, знакомит с культурой, расширяет кругозор. Изучение и обучение языку на основе взаимодействия и взаимовлияния языков и культур становится сегодня одним из актуальных аспектов.

В процессе преподавания необходимо «внушать одновременно с любовью к своему языку сознание того, что он является только одним среди других. И без них существовать не мог.

Основы такой истории языка в своих наиболее доступных выражениях должны приобретаться на школьной скамье. Тогда, надеюсь, англичанин не надорвет свою душу, узнав однажды, что его словарь, которым он бесконечно гордится, больше чем наполовину состоит из романских слов. И француз не отчаётся, узнав, что язык Виктора Гюго и Стефана Малларме содержит 30 % арабизмов и 30 % германизмов» [26, с. 40].

В когнитивной лингвистике разработаны свои методы анализа и описания концепта. В настоящее время используются логический и семантико-когнитивный подходы к исследованию языковых единиц. Каждый из подходов активно развивается, взаимодополняя друг друга. Различаются эти направления целью и векторами исследования.

Логический подход ориентирован на исследования «от смысла к языку». Методика анализа концепта состоит в следующем:

- выбор концепта;
- подбор всевозможных языковых средств его выражения;

- анализ языковых единиц;
- описание концепта.

Семантико-когнитивный подход предполагает исследование «от языка к смыслу». Методика анализа концепта заключается в следующем:

- выбор ключевого слова или группы слов;
- анализ семантических признаков;
- когнитивная интерпретация семантических признаков;
- выявление и описание структуры концепта, объективируемого данными языковыми средствами.

В современных исследованиях используются и логический, и семантико-когнитивный методы анализа лингвистических единиц. Каждая из методов располагает множеством приемов. Среди них наиболее частотными являются исторический анализ концепта, этимологический анализ слова, построение семантемы слова.

Исторический анализ концепта позволит изучить путь развития концепта, выявить изменения имеющихся признаков и появление новых, установить взаимосвязи между ними и их иерархию.

Благодаря этимологическому анализу слова можно исследовать механизм становления и раннюю стадию развития концепта, изучить его исходные формы и значения, раскрыть внутреннюю форму слова.

Построение и анализ семантемы ключевого слова даст возможность определить последовательность становления семантических признаков, узнать незафиксированные в современном употреблении слова звенья семантемы, выпавшие в результате исторических изменений.

Концепция трехязычного образования ставит задачи формирования поликультурной личности. Это означает обучение языку должно осуществляться в непосредственной связи с культурой, народными обычаями и традициями, социальной структурой общества, нации или этноса.

Известно, что в культуре каждого народа присутствует универсальное и национально-специфическое. «Универсальные значения, одинаково осмысляемые всеми людьми в мире или представителями определенных цивилизованных типов, создают почву для межкультурной коммуникации, без них межкультурное взаимопонимание было бы в принципе невозможно. В то же время в любой культуре имеются присущие только ей культурные значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т.д.» [27, с. 28]. Национально-этнические представления

знакомы в общении внутри родной культуры, и в процессе контакта культур разных народов эти особенности становятся очевидными.

Знания о родной культуре передаются из поколения в поколение, в результате чего формируется этнокультурное мировидение. Опыт и традиции каждой культуры закрепляются в системе языка данной общности: лексике, фразеологизмах, афоризмах, пословицах, поговорках и др. Известно, что источниками национально-культурных и этнических ценностей являются лингвистические атласы, словари (диалектные, этимологические, словари разговорной речи), исторические памятники литературы, тексты записей народной речи и художественных произведений. Исследование языка источников этнокультуры способствует более глубокому проникновению в собственно национальный и этнический мир.

Обучение языкам должно базироваться не только на понятиях языковой, речевой системы, но и на понятиях культуры (национальной, этнической, духовной, нравственной), представляющей ценность и достояние общества. В этом аспекте помогает этнолингвистическое направление, изучающее связь языка и культуры.

Методика этнолингвистического анализа лексики и фразеологии заключается в том, чтобы построить работу над языковыми фактами с учетом специфических этнических и национальных признаков, особенностей национальной культуры. Под термином «национальная культура» традиционно понимается «совокупность символов, верований, убеждений, ценностей, норм, образцов поведения, которые характеризуют духовную жизнь человеческого общества в той или иной стране» [27, с. 25].

В многонациональном государстве сосуществует несколько культур разных национальностей и этносов. В этом случае следует говорить о диалоге культур как средстве познания культуры другого народа, средстве формирования толерантности и взаимоуважения народов, проживающих на одной территории.

С другой стороны диалог культур – это средство «и более глубокого проникновения в свою родную культуру. Диалог культур способствует социализации личности как носителя языка с его этническими особенностями» [28, с. 5]. Следовательно, через диалог культур решаются задачи изучения языка в контексте собственно национальной культуры и в условиях взаимодействия нескольких культур.

Этнолингвистический аспект позволяет увидеть фрагмент картины мира конкретной языковой общности с ее традициями,

национально-культурным и историческим опытом. Содержанием языковой дисциплины предусмотрена работа над лексико-фразеологическим составом, паремиями (поговорицами, поговорками, загадками и др.), в которых содержится этнокультуроведческий компонент.

Метод этнолингвистического анализа лексики и фразеологизмов служит для изучения духовной этнической культуры и картины мира согласно данным языка.

Наибольшую ценность в плане наблюдения за языковым материалом представляют тексты, в которых отражены облик народа, история обрядов, традиций, верований, географических наименований и т.п. Анализ лексики позволяет более полно и детально воспроизвести жизнь и быт, профессиональную деятельность общности, так как лексика несет информацию о происхождении национальности, вероисповедании, взглядах человека и общества.

Приведем пример этнолингвистического анализа языковых единиц на материале поэтических текстов казахского этнографа, фольклориста, философа, просветителя, поэта Машхура-Жусупа Копеева.

Язык произведений М-Ж. Копеева отличается богатым репертуаром в этническом плане лексических выражений. Выделение тематического поля лексических единиц (слов, сочетаний, фрагментов высказываний) позволило выстроить систему следующих единиц:

- топонимы (Сары-Арка, Нура, Есиль, Едиль, Жаик, Иртыш, Баян-аул, Кзылтау, Сырдарья, Джасыбай);

- религиозные слова (Всевышний, суры Корана, аяты Корана, Священная книга народов Ислама, Хазрет, хаджи, ишаны, мечеть, мулла, жайнамаз);

- названия исторической действительности начала XX века (Алаш-Орда, царь русский, октябрь 1905, рабства года, царский указ; Колонией большой державы стали мы; царский манифест; колониальное ярмо);

- слова, выражающие патриотизм (Родина, дети гордых степей, тюрок славное племя, История наша знала иные времена: В страхе произносили наших предков имена; Нет в Азии богаче народа моего; Униженность стала частью души, Гордостью не горят сердца сынов степи; великая земля; мастер кюи ценит землю свою);

- высказывания о дружбе (дружба верная, настоящий друг, Если изменил дружбы узам друг, Не торопись принять и простить его вдруг. Нужно время подумать и понять наедине: А была ли дружба между вами вообще?);

- слова, отражающие быт и культуру казахов (алға, Наурыз, бата, ақсақал, той, дастан, күлік, айдабол, арғын, күй, кумыс, бай, арлан, дастархан, бий);

- хозяйственно-бытовые наименования (скот, караван, пастбища, джут, кочуем по стране, овцы, кони, коровы, верблюды; народ любит скот пасти; многотысячные табуны скота; казахи устраивают великий той);

- семейно-бытовая лексика (жена, кодекс семьи, уют, приют, женщина, хранительница очага семейного; мужчины не от семьи, а от жен бегут; рушатся устои, сиротеют дети; отчий дом; Дорогами дедов напутственного наследства);

- морально-этические слова (вера, разум, ум, терпение, прилежность, хамство, зависть, неряшливость; Сплетни и пересуды – степняков увлечение, подлость, благородство, благодарность судьбе за все; у народа нашего открытая душа).

Этническое своеобразие отражается во всем:

- в названиях географических реалий;

- в описании исторических событий;

- в культуре и веровании;

- в описании семейных отношений (преемственность поколений, верность и покорность женщины мужчине и др.) и уклада жизни (размеренный, кочевой, ведение скотоводческого хозяйства);

- в осознании своего происхождения (принадлежность к определенному роду, название корней, истоков) и др.

Стоит отметить, что в первоисточниках Машхура-Жусупа Копеева (казахский вариант) наблюдается обилие архаической лексики, требующей глубокого и основательного исследования. В конечном счете, результатом исследования может послужить создание этнолингвистического словаря казахского народа.

Таким образом, обращение к этнокультурным источникам, тематический отбор и анализ лексики позволяют воспроизвести картину быта и духовной культуры народа на рубеже XIX-XIX вв. Ярким образцом могут послужить источники, представляющие особый интерес с точки зрения этнолингвистических красок и деталей. В конечном счете, именно этнолингвистическое чтение произведений способствует обогащению и воспитанию внутреннего мира, национальной культуры личности.

Исследуя лексику с помощью этнолингвистического метода можно познакомиться с особенностями мировоззрения и уклада жизни этноса или народа. Применение этого метода служит одним из

эффективных средств выявления специфики, наиболее полно выражающей этническую картину мира.

Особенность обучения лексике с позиции антропоцентрического подхода заключается в необходимости учета как семантических и смысловых характеристик, так и концептуальных структур изучаемой языковой единицы.

Семантические признаки определяются на основе толковых словарей, указываются значение или лексико-семантические варианты многозначного слова.

Смысловые признаки раскрываются в определенном контексте/ дискурсе (предметно-научном, политическом, медиадискурсе и др.). Концептуальная структура складывается из разных признаков, отражающих категориальные и ценностные признаки. Выявление и описание этих признаков осуществляется путем реконструкции языкового материала и разностороннего изучения слова как средства вербализации семантических образований, представлений, ассоциаций и др.

Приведенные характеристики помогут установить ряд ценностных составляющих. Например, проанализируем слово «природа» и определим ценностные признаки в структуре природных концептов.

Семантические признаки:

1) совокупность естественных условий на земле (поверхность, растительность, климат, животный мир);

2) все существующее во Вселенной, органический и неорганический мир;

3) все существующее на земле, не созданное деятельностью человечества;

4) весь неорганический и органический мир в его противопоставлении человеку;

5) места вне городов

6) перен. основное свойство, сущность.

Смысловые признаки:

1) в области географии – материальный мир Вселенной, основной объект изучения естественных наук;

2) в области биологии – биологическая система, живая природа;

3) в области физики – (от др.-греч. φύσις) природа;

4) в области медицины – живые организмы, тела неживой природы;

5) в области экологии – окружающая среда во взаимодействии с живым организмом (человеком, животными); среда обитания и деятельности человека;

б) в области химии – вещества, частицы, молекулы и т.д.

Ценностные характеристики в структуре природных концептов связаны с душевными, эстетическими, нравственными, архитектурными, этическими, соматическими и другими признаками.

Душевные признаки ценности – «Не то, что мните вы, природа: Не слепок, *не бездушный лик* – В ней *есть душа*, в ней есть свобода, В ней *есть любовь*, в ней есть язык... (Ф. Тютчев), «Последняя туча рассеянной бури! Одна ты *наводишь унылую тень*, Одна ты *печалишь ликующий день*» (А. Пушкин).

Эстетические признаки ценности – «*белеет гора*», «*синют морские края*», «*под голубыми небесами*», «*блестя на солнце, снег лежит*» (А. Пушкин), «И было все на небесах *Светло и тихо*» (М. Лермонтов), «*Всё красное лето Мы были в красе*» (Ф. Тютчев), «*Смотри, как роща зеленеет*» (А. Фет).

Этические признаки ценности – «*Природа жаждущих степей*», «*Вечор, ты помнишь, вьюга злилась, На мутном небе мгла носилась*», «*Здесь тучи смиренно идут подо мной*», «*Шумят и пенятся валы*», «*И алчную землю поила дождем*» (А. Пушкин), «*Как весел грохот летних бурь*», «*Бегут и блещут и гласят...*» (Ф. Тютчев).

Нравственные признаки ценности – «*Еду, еду в чистом поле*», «*Почернело синее море*» (А. Пушкин), «*Луга побледнели*» (Ф. Тютчев), «*Сад обнажил свое чело*», «*Рассказать, что солнце встало, Что оно горячим светом По листьям затрепетало*», «*Грязи нет, весь двор одело, Посветлело, побелело – Видно, есть мороз*» (А. Фет), «*Голубенький, чистый Подснежник-цветок!*» (А. Майков).

Признаки **семьи** – «*Теперь младая роща* разрослась, *Зеленая семья*; кусты теснятся Под сенью их *как дети*. А вдали Стоит один угрюмый их товарищ, Как старый *холостяк*» (А. Пушкин), «*Там, где сливаясь, шумят, Обнявшись, будто две сестры, Струи Арагвы и Куры*» (М. Лермонтов).

Соматические признаки ценности – «*Из душистой келейки медовой* вылетала первая пчелка», «*Зацветет черемуха душиста*» (А. Пушкин), «*От лип душистым мёдом тянет*», «*Лишь ты одна, царица роза, Благоуханна и пышна*» (А. Фет), «*Пахнет сеном над лугами*», «*Степной травы пучок сухой, Он и сухой благоухает!*» (А. Майков)

Признаки драгоценности – «Сребром сияют воды, рубином облака», «Алмазна сыплется гора», «Жемчугу бездна и сребра кипит внизу», «Лучом кристалл твой загорится» (Г. Державин), «Вся комната янтарным блеском озарена» (А. Пушкин), «Столбом уж крутился песок золотой» (М. Лермонтов), «Золото, золото, падает с неба!», «Наутро ... озлатились гор вершины» (А. Майков).

Таким образом, перечисленные признаки природных концептов позволят успешно работать в изучении природной картины мира и сделать следующее заключение: природа – окружающий мир живых/неживых существ/сущностей, обладающих признаками нравственной, эмоциональной, эстетической, этической оценки (положительной и отрицательной).

Принцип антропоцентризма дает возможность рассматривать язык с точки зрения запечатленных в нем семантических образований.

Метод концептуального анализа, предложенный Кемеровской школой (М. В. Пименова), открывает возможности разноаспектного рассмотрения языкового арсенала.

Проблема соотношения слова и концепта остается до конца не разработанной. Однако факт репрезентации концепта словом отмечается в работах М. В. Пименовой. В частности, ученым утверждается, что «основным репрезентантом концепта является все-таки слово», «один концепт может реализоваться с помощью нескольких слов» [4, с. 65]. В силу своего абстрактного, виртуального характера концепт развеван в объективирующих его языковых знаках. Для восстановления структуры концепта, необходимо подключить как можно больше имеющийся в языке арсенал, включая лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд, систему метафор и других устойчивых сравнений, в которых запечатлены образы-эталоны, свойственные определенному языку.

Воспроизведение концепта основано на разноаспектности исследования языкового материала, включая данные разных отраслей наук.

Отмечая сложность и многокомпонентность структуры концептов, М. В. Пименова предлагает выделять в его структуре ряд признаков:

- категориальных (функциональных, ценностно-оценочных);
- неметафорических (мотивирующих, понятийных, признаков, объективированных синонимическим рядом);
- метафорических (образных, символических).

Такое выстраивание методики анализа концептов предопределяет поэтапную работу над выявлением всех его признаков с помощью

лексико-фразеологических ресурсов. Это позволит восстановить некоторые фрагменты представлений и в итоге воспроизвести хотя бы в общих чертах более полную картину мира.

1.5 Анализ слов-репрезентантов и фразеологизмов с точки зрения отражения ценностных признаков

Мы теперь придаем особое значение слову, как основному свидетельству доисторического прошлого. По названиям местностей, рек, гор, островов можно определить и маршруты продвижения языков по материкам и океанам. Если мы научимся читать слово...

Олжас Сулейменов

Научный интерес в лингвистике к проблеме ценностей обусловлен тем, что язык исследуется в контексте фундаментальной парадигмы, основанной на принципе антропоцентризма. Точкой отсчета в анализе языковых явлений становится «человек», его мышление, интеллект, эмоциональное состояние, отношение к действительности и др. В этом плане актуализируется изучение ценностного компонента концепта, такой части ментального мира знаний, представлений, верований индивидуума и общества, в которой отражено интеллектуальное и эмоционально-эстетическое состояние.

Понятие ценности пришло из философии (аксиологической гносеологии), в которой оно рассматривается в плане интенциональной структуры личности. Философская теория ценности строится на утверждении чувственного, обладающего смыслом, субъективно-объективного начал. Так, в Новой философской энциклопедии находим следующие суждения:

1) «Без чувств субъекта ценности не существуют, т.к. не могут принадлежать вещам самим по себе, что, однако, не означает, будто ценности лишь субъективны. В пользу «объективности» свидетельствует их интерсубъективный характер, соответствующий их общезначимости для «надэмпирического» трансцендентального субъекта; то обстоятельство, что оценивающие суждения обуславливаются оцениваемыми объектами; тот факт, что ценностные чувства не находятся в распоряжении субъекта, но «противостоят» ему в виде уже сложившейся системы» (согласно учению Р.Г. Лотце) [29];

2) «любое связное знание не только сопровождается, но и направляется чувством, и поскольку внимание необходимо для

реализации цели познания, воля становится носителем познавательной цели. Но мотивом воли является чувство, делающее вещь или деятельность достойной желания» (А. Ритчль) [29];

3) душевные переживания «ответственны за чувства удовольствия и неудовольствия, испытываемые субъектом по отношению к объектам» (Ф. Brentano) [29];

4) «переоценка всех ценностей», суть которой состоит в переориентации сознания с целью истинного определения ценностей (Ф. Ницше) [29].

Из приведенных примеров видно, что категория ценности сложная, сопряженная с умственной, психологической, социокультурной природой человека, его эмоциональным состоянием. Это одна из центральных категорий аксиологии – науки, специально занимающейся исследованием ценности как в аспекте разных отраслей наук, так и в более широком понимании – «всего спектра социальной, художественной и религиозной практики, человеческой цивилизации и культуры в целом» [29].

В последние десятилетия понятие «ценность» вошло в терминологию лингвистической аксиологии – направления, в котором разрабатывается «концепция подлинного человеческого бытия как основания философии универсального гуманизма» [30, с. 11]. Ряд ученых, определяя современный мир как мир «информационной войны» в силу доступности и всеохватности информационного воздействия, приобретающего глобальный характер, высказывает мысль о том, что «создается ситуация, когда слово становится важнее реальности» [30, с. 12].

Слово – центральная единица языка, в которой аккумулируется социально-культурная, интеллектуальная, эмоционально-оценочная, историческая и актуальная информация общечеловеческого и национального характера. Необходимость обращения лингвистов к смысловому пространству, отражающему понятийные, образные, символические, аксиологические и др. признаки, – это не случайность, а закономерность. Сегодня язык рассматривается в контексте глобального мышления, когда происходят значительные перемены в обществе и разных его сферах: политической, экономической, социально-культурной. Именно в таком дискурсе проводятся лингвистические исследования, убедительно доказывая необходимость разностороннего научного взгляда на язык как носителя информации. Следует также отметить активное развитие новых направлений, возникших в результате соединения лингвистики со смежными отраслями наук: лингвогносеология,

лингвокультурология, этнолингвистика, лингвопрагматика, психоллингвистика и т.п.

В контексте антропоцентрического подхода, позволяющего интегрировать имеющиеся достижения разных отраслей наук, возможно изучение концептуальной стороны языка, обусловленной разными формами мышления и представлениями об окружающей действительности. Центральным звеном современных направлений – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии – признан концепт в качестве одного из основных элементов картины мира. Как ментальное образование, характеризующееся сложностью и многослойностью структуры, концепт является благодатной почвой для выявления разных признаков, включая и ценностные. В нашей работе предпринята попытка рассмотреть ценностные признаки через призму лингвоконцептуальных исследований, т.е. описание структуры концептов путем разностороннего изучения слов-репрезентантов в ретроспективном и перспективном векторе (в диахронном и синхронном измерениях).

Рассмотрение концептов в ретроспективном и перспективном ценностном векторе приобретает особую актуальность в условиях развития современного общества, ориентированного к достижению высших ценностей. Например, концепт «ландшафт» в ретроспективном ценностном плане связан с признаками красоты (*красивый пейзаж*), созерцательности и картинности («*деревья в синем серебре*» А. Пушкин, «*широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов*» А. П. Чехов), оценки природных географических особенностей («*прославленный в поэзии Иран может показаться ужасающей пустыней, а Турция – земным раем*» А. Вамбери), ориентированности («*Солнце и Луна сменяют друг друга на небосводе, по их движению люди ведут отсчет часам и дням*» А. Бисенбаев, «*у меня было достаточно времени, чтобы изучить на досуге путь Керванкуша и Первин (Плеяд), и я то и дело с нетерпением поглядывал туда, где должны были появиться Сухейл (Орион) и Сетареи – и собх (Утренняя звезда)*», *ибо тогда мы доберемся до станции*» А. Вамбери).

В перспективном ценностном плане концепт «ландшафт» дополняется новыми признаками, связанными с антропогенными, техногенными и др. явлениями и процессами. В основном это признаки отрицательного оценочного характера («*люди варварски обдирали кустарники, калечили растения, ломали ветки деревьев, доставая плоды, жгли по ночам костры*» Ч. Айтматов «*Плач охотника над пропастью*»). Вместе с тем актуализируются признаки

экологичности, улучшения взаимоотношений человека с окружающей средой (*солнечные батареи, концепция зеленой экономики, зеленая химия – искусство, экологические долги перед природой*).

Таким образом, обращение к прошлому, настоящему и будущему в рамках лингвоконцептуальных исследований позволяет проследить развитие концепта и его признаков, включая ценностные. Особенность данного подхода состоит в многоаспектности изучения, предусматривающего разносторонний взгляд на язык как феномен человеческого сознания и культуры. Сказанное означает, что при изучении ценностного компонента концепта принимаются во внимание научные положения, представленные в разных аспектах, включая философский, психологический, экономический и др.

Следует отметить, что при всем разнообразии подходов к исследованию концепта ученые единодушно отмечают ценностный компонент в его структуре. Так, И. А. Стернин и З. Д. Попова выделяют «чувственный образ», В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин отмечают наличие ценностного компонента наряду с фактуальным и образным. В. А. Маслова высказывает мысль о том, что концепт «обладает эмотивностью, коннотациями, аксиологичен по своей природе» [9, с. 51]. Выделяя в концепте «эмоциональное», ученый утверждает, что центром его «всегда является ценность, поскольку концепт тесно связан с культурой, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип» [9, с. 54]. М. В. Пименова высказывает идею о том, что «концепт отражает категориальные, ценностные и символические характеристики знаний о некоторых фрагментах мира» [4, с. 114].

По мнению ученого, к признакам ценности относятся «образные признаки материальных средств, ресурсов, драгоценностей», признаки имущества, связанные «с одной стороны, с предметными признаками, с другой, с категорией «ценность». При этом отмечается, что «признаки имущества обычно объективируются глаголами, обозначающими разного рода манипуляции с собственностью (владеть, иметь, терять, передавать, лишиться), дарить, обладать, обмениваться, завоевать, отдавать, приобретать, наследовать» [4, с. 117].

В монографии М. В. Пименовой «Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ» [31] представлены когнитивные модели концепта «сердце» с признаками ценности: «сердце – имущество / собственность», «сердце – владение», «сердце – вещь», «сердце – богатство», «сердце – золото», «сердце – драгоценность», «сердце – подарок», «сердце – товар», «сердце – деньги». Как видим,

выявленные в результате исследования ценностные признаки рассматриваемого концепта неоднородны. Категория ценности содержит дополнительную коннотацию-эмоциональную (доброе, отзывчивое сердце), качественную (золотое сердце), имущественную (овладеть сердцем), экономическую (сердце свое не продашь).

Разделяя точку зрения Н. Д. Арутюновой по типологии общеоценочных и частнооценочных значений, М. В. Пименова анализирует оценочные признаки концепта «сердце», в структуре которого отмечает наличие общей оценки (доброе / злое), оценки физического, эмоционального, нравственного состояния (отличное, прекрасное, честное). Выделяются категории частнооценочных значений – рациональные, эстетические, этические, нормативные, утилитарные, гедонистические [31, с. 422–425].

Концепция аксиологических лингвистических исследований развивается в трудах казахстанского лингвиста З. К. Темиргазиной [32]. По мнению ученого, исследование проблем ценностной картины мира предполагает раскрытие сущности жизни человека и общества, определение возможностей достижения гармонии с окружающим миром. З. К. Темиргазина констатирует, что в аксиологии «сосредоточиваются все узловые проблемы, обозначенные сегодня антропо- и этноцентрической парадигмой в лингвистике и в гуманитарной отрасли наук в целом. Это, во-первых, попытка человека взглянуть на себя со стороны и изнутри, осмыслить свое место и роль в историческом развитии, во-вторых, воссоздать идеальный образ человека, «схваченный» этническим языковым сознанием и отвечающий оптимальным представлениям народа, и, в-третьих, определить через эту воссозданную модель личности систему ценностей, ценностные приоритеты и ориентиры» [33, с. 8].

В результате анализа определений понятия ценности ученым выделяются ценностно нейтральные и ценностно значимые субъектно-объектные взаимодействия, оппозиция плохое/хорошее – (оценочно) безразличное. Вместе с тем З. К. Темиргазина предлагает сгруппировать типы частнооценочных значений по признаку доминирующего вида психологической деятельности человека. Так, в группе сенсорных оценок выделяются сенсорно-вкусовые, психологические, эмоциональные; в группе сублимированных – эстетические, этические; в группе рационалистических – утилитарные, нормативные, телеологические.

В соответствии с данной классификацией ценностно-оценочных значений лингвистом проанализированы интеллектуальная, эстетическая, наивно-этическая, эмоциональная оценки человека,

оценка внутреннего состояния. В частности, ученым констатируется, что обращение к изучению ценностной картины мира на основе фольклорных источников разных народов привело к идее «о соединении в человеке двух различных начал: внешнего и внутреннего, тела (плоти) и души (духа). В русскую ценностную картину мира входят, во-первых, внешние признаки человека («тело») и, во-вторых, внутренние свойства («дух»): состояние человека, моральные и интеллектуальные качества, профессиональные характеристики, а также деятельностная сторона личности – поведение и речь» [33, с. 94].

Таким образом, категория ценности распространяется на разные спектры человеческой деятельности – интеллект, культуру, религию, историю и др., что обуславливает возможность ее многостороннего изучения. Являясь одним из основных объектов аксиологических и лингвоконцептуальных исследований, категория ценности рассматривается во взаимосвязи с категорией оценки, выражающей посредством слов «хороший/плохой» позитивное или негативное отношение к объекту. В современной науке сложилась определенная система оценочных значений – эмоциональных, образных, эстетических, этических, интеллектуальных и др. – как проявление состояния субъекта и его отношения к частной ситуации.

Ценность считается высшим ориентиром как в общечеловеческой, так и в национальной культуре. В русском языке существует множество синонимов данного понятия: Идеал, Гуманизм, Благо, Счастье, Богатство, Истина, Красота, Вера, Добро и др. Наряду с этими понятиями аксиология изучает антиценности – измерения, представляющие антиномию ценности – «анти-гуманизм и а-гуманизм человека в возможности саморазрушающей и культуроразрушающей деятельности, столкновения ценностного как духовно-нравственного и анти-ценностного в ситуациях, когда *de facto* символом веры является анти-вера в ее социально-культурном обосновании (нет ничего святого, совесть есть фикция)». Такого рода концепции практически закрывают путь к диалогу, учета взгляда Другого» [30, с. 11]. Примеров языковых противопоставлений, содержащих ценностный / антиценностный признак, множество: нравственность – безнравственность, духовность – бездуховность, культура – бескультурье, ответственность – безответственность, добро – зло, красота – безобразия, гармония – хаос и др.

Различение ценностных и антиценностных признаков ведет к выбору жизненной позиции – либо проявить себя как личность, либо обезличить себя, превратившись в обычный элемент человеческой

массы. Такой тезис применим при описании ценностных признаков ландшафтных концептов.

С точки зрения анализа ландшафтных концептов целесообразно говорить о таких типах ценностей, как фундаментальные, исторические, географические, культурные, духовные, материальные.

Говоря о ландшафтных концептах, следует, в первую очередь, охарактеризовать концепты, представляющие собой класс фундаментальных ценностей. Понятие «фундаментальные ценности» рассматривается нами как общечеловеческие ориентиры, нормы, идеал, абсолютный стандарт для всех людей и общества в целом. К этому классу ценностей относятся концепты «природа», «Вселенная», «космос». Данные концепты переплетаются между собой, образуя единое целое. Определим связующее звено.

Итак, на основе материалов словарных и энциклопедических статей выявлены понятийные признаки.

Природа:

- 1) все сущее, подчиняющееся вечным неизменным законам;
- 2) воспринимаемый человеком внешний (окружающий) мир;
- 3) естественная среда;
- 4) основа бытия, не созданная человеком;
- 5) органический и неорганический мир;
- 6) растительный и животный мир.

Вселенная:

- 1) система мироздания;
- 2) мир;
- 3) Мегалактика;
- 4) земной шар;
- 5) совокупность существующих в природе миров;
- 6) макрокосмос и микрокосмос.

Космос:

- 1) миропорядок, гармония;
- 2) красота;
- 3) мироздание, мир, вселенная;
- 4) созидательная сила «некоего бога» (Овидий), демиург – «мастер», «строитель» (Платон), «духовный мир божества – эмпирей (Аристотель);
- 5) мир небесных светил, планетная система и др.

Как показывает набор признаков, точками соприкосновения являются такие ценностные ориентиры, как Мир, Созидание, Гармония (порядок, система, закон). Их можно охарактеризовать как основные общечеловеческие ценности, необходимые в формировании

особой формы единства человека и природы, человека и Вселенной, человека и космоса – мира и гармонии человека с окружающей действительностью. В противовес им существуют антиценностные ориентиры – война, разрушение, хаос. Ценностные антиномии подобного рода также представляют собой проблемное поле в плане изучения духовного и нравственного состояния общества в лингвистике как одной из гуманитарных наук.

К примеру, в последнее время дискутируется вопрос о взаимоотношениях мужчины и женщины. В этом случае уместно обратиться к фольклорным источникам, в которых речь идет о сотворении мира, где присутствуют мужские и женские образы (Адам и Ева, Отец-Небо и Мать-Земля, Тенгри и Умай), мотивы их любви, брака, совместной жизни, рождения детей и т.д. Для подтверждения приведем несколько из них.

Согласно библейским мифам о сотворении мира, «на шестой день Бог создал себе помощника – человека. Внешне он должен был походить на самого Бога. Сотворил Бог из праха земного мужчину и вдохнул в него жизнь, а через некоторое время создал женщину. И благословил их Бог».

В мифологических традициях тюркских народов супругой Тенгри (Бога-Неба) считается благодетельница Умай – «волшебная птица, тень которой оведала избранных судьбы и приносила удачу и славу... Тенгри олицетворял бесконечность, а Умай – конечное земное существование, состоящее из рождения, вступления в брак и ухода из жизни». В казахской легенде «Жер ана туралы аңыз», Земля («Жер») и Небо («Тәңірадам») полюбили друг друга («Күндердің бір күнінде Тәңірадам пайда болды. Жер оған ғашық болды. Ол да жерге ғашық болды, оның ұлылығы мен кеңдігіне, мейрімділігі мен көркемділігіне, асқақтағы мен тазалығына ғашық болды»).

Анализ фольклорного материала показывает, что самой природой / Вселенной / космосом провозглашается идея ценности существования мужского и женского начал, олицетворяющих гармонию и любовь.

Ценностный компонент космоса как идеала взаимоотношений полов отмечает В. А. Маслова: «Влечение и мужского и женского начал друг к другу – закон жизни Космоса. Не случайно в апокрифах Климента Александрийского, ученика апостола Иоанна, на вопрос о том, когда придет Царствие небесное, Иисус отвечает: «Когда два будут одно и мужское будет женским и не будет ни мужского, ни женского» (Мережковский Д. Тайна трех). Поэтому вопрос о взаимоотношении полов должен стать важнейшим в культуре, его

оборотная сторона – это падение нравов, с которого начинается гибель народов и цивилизаций (Содом и Гоморра)» [3, с. 131].

Таким образом, в структуре концептов «природа», «Вселенная», «космос» обнаруживаются признаки, позволяющие отнести их к числу фундаментальных ценностей. Эти признаки объективируются средствами, тесно связанными с нравственными категориями. Классическим примером подобного рода вербализации рассматриваемых концептов служит творчество писателей. Так, в стихотворениях Ф. И. Тютчева художественно описывается и философски интерпретируется тема природы, космоса и хаоса. Приведем примеры.

Не то, что мните вы, природа!
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

В приведенном фрагменте ценностью природы является душа, любовь, свобода, язык, обнаруженные поэтом в процессе личностного восприятия самой природы. Также Ф. И. Тютчев излагает свою точку зрения на космос и хаос.

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров –
День, земнородных оживление,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!
Но меркнет день – настала ночь;
Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна! («День и ночь»).

В данном контексте отмечается дихотомия «день – ночь». За концептом «день» закреплены признаки светлого начала, жизни, блага, душевной чистоты. Основу описания картины дня составляют слова и сочетания, выражающие положительные эмоции – «златотканый», «блистательный», «благодатный», «земнородных оживление», «души болящей исцеленье». Душевное состояние ночи

передается олицетворением «бездна безымянная», обнаженная «страхами и мглами».

Содержание этих концептов в данном случае своеобразно: день обладает признаками космоса с его жизнеутверждающим началом, ночь – признаками хаоса с его безликостью, но в то же время необходимостью для всякого развития.

Таким образом, изобразительность Ф. И. Тютчева отличается оригинальной эстетической интерпретацией космической темы посредством изображения дня и ночи, символизирующих гармонию и хаос.

Анализ русских пословиц и фразеологизмов в рамках темы «Вселенная» показывает, что мир Вселенной составляют:

- небо и земля («Небо – престол бога, земля – подножие», «как небо и земля», «между небом и землей»);

- небо и звезды («Небо – терем божий; звезды – окна, откуда ангелы смотрят», «небо в звездах»);

- солнце и луна («Солнце – князь земли, луна – княжна», «место под солнцем», «ничто не ново [не вечно] под луной»);

- кометы («Ме'тлы (кометы) небо подметают перед божьими стопами»);

- земля, вода, небо («Земля, вода останутся, а нас не будет», «земля уходит из-под ног», «темна вода во облацех (небесных)»);

- мир – огород («Мир, что огород: в нем все растет»);

- река, гора, дерево, зверь, птица («Всем рекам река Ерат (Евфрат). Всем горам гора Авор (Фавор). Всем деревьям дерево кипарис. Лев зверь всем зверям царь. Всем птицам птица орел», «растекаться мыслью по древу») и др.

Итак, как показывают примеры, представления об устройстве мира Вселенной связаны с космическими и земными ландшафтными реалиями, имевшими огромное значение в жизнедеятельности человека.

Теперь обратимся к рассмотрению ценностных признаков концепта «ландшафт» и ландшафтных концептов.

Понятие «ландшафт» широко употребляется в географии, экологии, искусстве. Это слово вошло в научный обиход из общелитературного языка.

На основе словарных и энциклопедических источников выявлены следующие значения:

- 1) вид местности;
- 2) картина природы, пейзаж;
- 3) часть природы, не испытавшая влияние человека;

4) территория (сельский, городской ландшафт);

5) гармоничное сочетание урбанизационных форм и природы (ландшафтный дизайн). Как видим, в языковом отношении слово «ландшафт» понимается в узком смысле – «вид земной поверхности».

В лингвоконцептуальном плане «ландшафт» рассматривается в более широком, развернутом семантическом плане – «вид природы и ее фрагментов», «вид окружающего мира, включая космический, Вселенский». Поэтому с позиции данного подхода ландшафт и его ценностные характеристики рассматриваются как система способов репрезентации окружающей среды, отражающих эмоциональные, эстетические, культурные, рациональные, материальные и другие отношения субъекта к объекту.

Широкий спектр изучения ландшафта возможен благодаря теории концептов, послужившей основанием выделения концептов небесной и земной ландшафтной сферы.

Так, ряд небесной ландшафтной сферы составляют астрономические и космические концепты *небо, облако, солнце, луна, звезды, созвездия* и др.

Земная ландшафтная сфера представлена группой концептов:

- степных (*земля, степь, равнина, луг, поле, сад* и др.);
- водных (*океан, море, река, водопад, речка* и др.);
- горных (*гора, утес, скала, холм* и др.);
- лесных (*лес, чаща, бор* и др.).

Это природные реалии, которым поклонялось человечество в древние времена, к ним достаточно часто обращались и продолжают обращаться художники, писатели, ученые и др. Начиная с древних времен, они являют собой класс духовных (гармония природы и человека), исторических (степь, горы и т.д. – хранители истории, немые свидетели происходивших событий) и географических ценностей.

С другой стороны, сознательно или подсознательно отношение к природе выражается с потребительской стороны («Природа – не храм, а мастерская», «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» и т.п.). В данном случае природа представляет собой материальную ценность, используемую для удовлетворения нужд человека.

Находясь в постоянном взаимодействии с природой, человек не замечает ее основных ценностей – тепла, света, энергии и др. Поучительна в этом плане древняя история: «У одного ученого спросили: «Солнце так прекрасно, так великолепно, почему, однако, нельзя сказать, что мы всегда одинаково сильно любим его?». Ученый

ответил: «Солнце светит каждый день. И только зимой, когда оно скрывается за тучами, мы начинаем его ценить» [34]. Природа может напомнить о себе в виде грозы, солнечного (лунного) затмения, наводнений и других природных явлений или катаклизмов, побеждая над интеллектом.

Таким образом, природа и ландшафт – носители и хранители ценностей. Они есть объекты ценностной характеристики.

В качестве другого элемента выражения ценностных признаков и оценки выступает субъект. Как пишет З. К. Темиргазина, «Объект есть носитель ценности, а субъект (человек или группа людей) осуществляет оценку объекта, т.е. устанавливает его ценность и придает ему определенный смысл. Иначе говоря, ценность есть значение объекта для субъекта – благо, добро, красота и т.п., а оценка есть эмоционально-интеллектуальное выявление этого значения субъектом – переживание блага, приговор совести, суждение вкуса и т.п. В формально-содержательном плане конкретное ценностное значение можно считать мировоззренческим смысловым содержанием ценностного отношения, а оценку – психологический процесс, в котором ценность «схватывается» сознанием, считать его формой» [33, с. 12].

Постоянная взаимосвязь человека с окружающим миром вырабатывает систему ценностей и формирует оценочное отношение к природе. В русском языке существует огромное количество слов со значением эмоции и оценки окружающей среды. Приведем фрагменты авторских произведений, где использованы лексические средства, содержащие ценностно-оценочную коннотацию. Распределим их в соответствии с частнооценочными значениями.

Сенсорные оценки окружающей среды: аромат – приятный, душистый запах, «*влажно-терпкий* дух полыни» (В. Цыбин); «*хмельной влажный* аромат» (Б. Полевой); «*винно-терпкий* аромат» (М. Шолохов); «*свежий* аромат земли, еще не высохшей после снега» (А. Куприн); «замечательный *гнилостно-грибной* аромат» (В. Боков); «липы разливали *медовый*, глубоко провинциальный аромат вечной весны» (В. Катаев); «*горькие* и *свежие* ароматы» (И. Бунин); «пахучий бор из вековых лиственниц» (П. Нилин).

Интеллектуальные оценки природного ландшафта: «О, кто, кто из твоих сынов Зрел без восторгов горделивых Красу реки твоей, *волшебных* берегов, Твоих палат, твоих садов, твоих холмов *красноречивых!*» (Д. Давыдов); «Хотя в наших морях не бывает приливов и отливов, земля детства; это мокрый, *загадочный* берег после отлива, на котором можно найти самые неожиданные вещи»

(Ф. Искандер); «Родина; это было понятно всем, хотя у одних она находилась за *таинственными* болотами юга» (И. Ефремов).

Эмоциональные оценки окружающего мира: «Степь под ветром могуче и мерно дышала во всю широченную грудь пьянящим и всегда немного *грустным* ароматом скошенной травы»; «*приятный* аромат свежескошенной, в цвету, чуть подсохшей травы» (М. Шолохов); «Невольно к этим *грустным* берегам Меня влечет неведомая сила» (А. Пушкин); «грежу, бледный мечтатель, над *задумчивым* берегом тихой русской реки» (Ф. Сологуб); «Скалы Финляндии пустой, Озер стеклянные заливы И бор *печальный* и глухой, Как милы вы, как вы счастливы Своею дикой красотой» (М. Лермонтов).

Эстетические оценки окружающего мира: «*Невероятные* ароматы земли и свежей зелени устремлялись в небо, и хотелось воспринимать мир с одной лишь *прекрасной* стороны» (Б. Окуджава); «Он бродит по твоим *красивым* берегам... И взор теряется с прибережных вершин В разнообразии богатом *Очаровательных* картин» (П. Вяземский); «Они выплыли на другой конец пляжа и пошли по горячей гальке, разглядывая курортных дам в темных очках, в немыслимо пестрых купальниках под китайскими зонтиками, весь этот кишачий людями, солнечными брызгами берег, *красочный*, шумный, тесный» (Д. Гранин).

Этические оценки природы: «*невинный* цвет и *грешный* аромат Левкоя» (Ф. Сологуб); «берега которого [Енисея] отсюда, с пугающей высоты, как в древности, видятся нетронутыми, *девственно чистыми*, погруженными в мохнатую тишину» (В. Астафьев); «Нарушали тишину отдаленные всхлипы воды о *жестокий* берег» (Н. Житкова); «Он семенил по *зловещему* берегу, исчезал во тьме» (Б. Окуджава); «Тяну и чувствую, как проваливается подо мной почва. И до чего же *коварное* это болото!» (И. Стаднюк).

Утилитарные оценки ландшафта: «вода, прибывая, тихонько терлась о *засоренный* берег» (М. Горький); «Прогуляться по *облагороженным* берегам речек Сосенка или Копытовка, вполне вероятно, смогут когда-нибудь москвичи» («Вечерняя Москва»); «Вы хотите осушить луг, если вы правильно провели каналы, луг осушен и получается хорошее пастбище, если провели неправильно, то, несмотря на массу потраченного для рытья канав труда, луг не высох и остается все же *бесполезное* болото» (А. Энгельгардт).

Нормативные оценки природного ландшафта: «А теперь ... никого, Двор, как осень, хмурый, Только берег *кривой* Да чужие куры» (И. Приблудный); «река с *кудрявыми* берегами» (В. Короленко); «Дон в зеленых *курчавых* берегах» (Б. Екимов); «Я не

беру и сыроватые, болотистые, кочковатые места, на которых растут *искривленные, уродливые, чахлые березки*» (В. Солоухин); «Участковый ... из переулка двинулся к той маленькой горлушке, где росли *прямые березы*» (В. Липатов); «*Ухоженный* хвойный бор обступал дом с трех сторон» (Т. Булевич).

Как показывают примеры, двойственный план содержания ценностно-оценочных значений (положительное – отрицательное, красивое – безобразное, радостное – грустное) в художественном контексте выполняет эстетическую функцию. Для мастера слова мир природы прекрасен и привлекателен во всех его проявлениях. Таков закон природы, таков и язык искусства.

Особая роль в изучении ценностных признаков ландшафтных концептов принадлежит фразеологии, которая, как известно, является «активным аккумулятором культурологической информации» [35]. Фразеологизмы, как вербальные единицы лингвокультурологической природы, представляют собой отражение народных наблюдений, представлений и опыта, познание которых остается актуальным, особенно когда идет поиск ценностных измерений человеческого бытия.

Ландшафтные концепты характеризуются как объект эмоционально-оценочного и интеллектуального отношения субъекта.

Наше наблюдение проводится в рамках концепции В. Н. Телия, М. Л. Ковшовой и др., ориентированной на изучение культурной семантики непосредственно через субъект – носителя информации. В рамках тематической классификации учеными выделены природный, антропный, соматический, пищевой, цветовой и другие коды культуры. Вместе с тем проанализированы культурные смыслы некоторых фразеологизмов, в составе которых имеются компоненты со значением природных реалий («краеугольный *камень*», «*звезд с неба не хватает*», «*свет клином сошелся*»). К примеру, описывая процесс интерпретации фразеологизма «*звезд с неба не хватает*», М. Л. Ковшова утверждает, что в его семантике наблюдается «культурный смысл – смысл особой отмеченности человека, его ярких достижений и побед. Этот смысл входит в семантику со знаком «минус»: *звезд с неба не хватает* – «Обычный; без выдающихся способностей; не достигший больших успехов». «Космический» компонент фразеологизма – *звезда* – является именем реалии, которая получила переосмысление в культуре, стала знаком особой отмеченности человека, знаком ярких достижений и побед независимо от фразеологизма. Об этом свидетельствуют другие знаки, принадлежащие по теме космическому коду культуры: предметы

материального мира, изображения природной реальности – звезды (наградной знак; узор на тканях; элемент архитектурного украшения и др.), различные действия (называние небесного тела именем выдающегося деятеля; ритуал награждения; установление именного знака в *Аллея звезд* и др.), литературные образы звезды (например, «И во лбу звезда горит» у Царевны-Лебедь в сказке А. С. Пушкина), вербальные знаки с символической семантикой (звезда, звездная дорожка и др.)» [36]. Как показывает комментарий, исследование фразеологизмов направлено на поиски культурных смыслов в их семантике. Вместе с тем отмечается и ценностно-оценочное значение лексемы «звезда»: знак «ярких достижений» – знак «минус».

Следует отметить, что структура концепта «звезда» отличается сложностью и многослойностью. Звезда характеризуется наличием разных в концептуальном отношении признаков – неметафорических (мотивирующих, понятийных), метафорических (образных, символических), категориальных (ценностных, функциональных). Поэтому в русском языке отмечается активное использование лексемы «звезда» в составе фразеологизмов («восходящая звезда», «путеводная звезда», «счастливая звезда», «родиться под счастливой звездой», «звезда первой величины», «до звезды», «звезда взошла», «звезда закатилась», «верить в свою звезду» и др.).

Известно, что в основе образа фразеологизмов лежит метафора, формирование которой связано с древними, мифологическими верованиями и представлениями человека. Так, в славянской и тюркской мифологии звезда соотносится с душой человека, перед звездой преклонялись и восхищались ею, по звездам составляли небесный календарь и т.д.

В аксиологическом плане данный концепт в составе фразеологизма может отражать положительное интеллектуальное оценочное значение («звезда первой величины» – «известный, прославившийся в какой-либо области знаний, деятельности человек»; «хватать звезды с неба» – «отличаться выдающимися способностями, дарованием, умом и т.п.»); отрицательное интеллектуальное оценочное значение («звезд с неба не хватает» – «ничем не выдающийся, средних способностей»).

Особый интерес представляют фразеологизмы «восходящая звезда», «звезда первой величины», «путеводная звезда», с помощью которых выражается эмоционально-оценочное значение (в словаре сопровождаются пометами «восторг», «экспресс.»).

Как видим, образ данных фразеологизмов основан на метафорическом сходстве со звездой:

- как небесным светилом, появившимся над горизонтом («восходящая звезда» содержит значение «человек, начинающий быстро получать признание, славу»);

- самой яркой по признаку видимости невооруженным взглядом. Древние астрономы различали звезды шести категорий: самые яркие звезды причислены к первой величине, самые тусклые – к шестой («звезда первой величины» передает значение «человек, прославившийся в какой-либо области знаний, деятельности»);

- указавшей путь волхвам к месту рождения Иисуса Христа. Согласно библейской легенде, три волхва узнали по звездам о рождении «сына божьего» на земле и направились в путь, чтобы поклониться ему. Дорогу указывала таинственная звезда, которая, как им показалось, двигалась вместе с ними («путеводная звезда» означает «то, что направляет, определяет чью-либо жизнь, деятельность»).

В содержании фразеологизма «родиться под счастливой звездой» имеется лексема «счастливая», выражающая положительную эмоциональную оценку. В древности человек, выделяя среди звезд счастливые и несчастливые, верил в ту, которая приносит счастье, сопутствует благополучию, успеху, удаче. Данное слово создает позитивный эмоциональный фон фразеологизма и означает «быть счастливым, удачливым во всех делах, начинаниях».

Исследование фразеологизмов с данным компонентом показало, что звезда отмечена ценностными признаками:

- 1) предсказатель божественного начала;
- 2) небесный обитатель (душа человека);
- 3) яркое светило;
- 4) предмет ориентира;
- 5) источник благословления и счастья;
- 6) указатель правильного направления, пути.

В русском языке существует ряд фразеологизмов, в составе которых имеются слова с ландшафтными наименованиями небесного и земного пространства. Это позволяет выделить фразеологизмы с «небесными ландшафтными образами», «земными ландшафтными образами», «небесно-земными ландшафтными образами».

Группу фразеологизмов с «небесными ландшафтными образами» составляют идиомы с лексемами «небо», «солнце», «луна», «звезда», «облако», «зенит».

Другую группу – с «земными ландшафтными образами» – составляют фразеологизмы со словами, называющими земные, водные, горные, лесные и другие ландшафтные реалии.

К третьей группе фразеологизмов относятся языковые единицы, в которых наблюдается параллельное использование слов «небо» // «земля». Это фразеологизмы, созданные на основе архетипических представлений о небе и земле в рамках оппозиции верх/низ.

В мифологических традициях древних славян и тюрков небо отождествлялось с верхним миром божества, земля – с средним и нижним. Такое представление легло в основу фразеологизмов сравнительно-оценочного характера «как небо и земля» («ничего похожего, полная противоположность»), «как небо от земли» («очень сильно, резко отличаться»).

Основу многозначного фразеологизма «между небом и землей» составляют признаки:

1) неценностные, лишенные ценности: бедность, отсутствие жилища как основного места обиталища человека (ср.: небо и земля – обиталище богов, небожителей, ангелов, духов, пери и т.п.). Возможно, этим объясняется значение «Без жилья, без крова жить, существовать»;

2) антиценностные, находящиеся в бинарной оппозиции определенности / неопределенности, постоянства / непостоянства, стабильности / нестабильности в деятельности или внутреннем психологическом состоянии (ср.: небо – олицетворение верхнего мира, земля – среднего и нижнего миров, между ними – вакуум, невесомость, неопределенность, «подвешенное состояние»), поэтому в таком переосмыслении фразеологизм означает «Без определенных занятий, быть / находиться в неопределенном положении».

Говоря о фразеологизме «на седьмом небе», означающем «высшую степень радости, счастья, блаженства», следует обратить внимание на категорию числа «семь», ценность которой заключается в идее общего мироустройства Вселенной, его божественности и совершенства. Это число значимо для всех народов, в том числе славянских и тюркских.

Известный казахстанский этнограф А. Т. Толеубаев отмечает, что «число семь как один из универсальных параметров модели мира различных культурных традиций связано с религиозно-мифологическим характером видения мира» [37, с. 168].

Число семь активно употребляется в русских пословицах о Вселенной: «На семи поясах бог поставил звездное течение». «Над семью поясами небесными сам бог, превыше его покров». На 1-м поясе небесные ангелы, на 2-м архангелы, на 3-м начала, на 4-м власти, на 5-м силы, на 6-м господства, на 7-м херувимы, серафимы и многочестия» [38, с. 228].

В книге Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной «Крылатые слова» названы источники выражения «на седьмом небе», которые восходят к Корану («О семи небесах упоминается в различных местах Корана; самый Коран был якобы принесен ангелом с седьмого неба»), к греческому философу Аристотелю, который в своем сочинении «О небе» объясняет устройство небесного свода («Он полагал, что небо состоит из семи неподвижных кристалльных сфер, на которых утверждены звезды и планеты») [39, с. 402].

Таким образом, вполне возможно, что ценностно-оценочные признаки этих фразеологизмов основаны на древних верованиях и представлениях о небе и земле, когда человек считал себя частью природы и не отделял себя от нее. Ответы на многие вопросы о сущности бытия он искал в сравнении и сопоставлении с окружающим миром, находил много общего между собой и природой, интерпретировал и вкладывал определенный смысл в языковые знаки.

Анализ фразеологизмов с компонентами «луна / месяц», «солнце» с точки зрения отражения языческих представлений древних славян об этих небесных существах позволил определить ценностно-оценочные признаки каждого из них, положенных в основу создания образа фразеологизмов.

Как известно, в источниках фольклора окружающий мир описывался в противопоставлениях неба и земли, суши и воды, огня и влаги и т.д. Луна / месяц и солнце – это пара мифологических и сказочных персонажей, каждый из которых наделен определенными характеристиками.

В славянских мифологических традициях луна ассоциируется с образом ночной половины мира, солнце – с образом дневной половины [40]. Солнце почиталось как светлое, чистое, облагораживающее земную жизнь, высокое, благое, милосердное небесное существо. В русском языке есть поэтическое выражение «и на солнце бывают пятна», использованное в поэме М. М. Хераскова «Россияда»: «И в солнце, и в луне есть темные места!». Смысл его состоит в том, что «никто не безупречен и безупречным быть не может».

Метафорический образ фразеологизма создан путем использования в одном контексте языковых единиц, в когнитивной структуре которых отмечается наличие категории ценности «чистота» и «совершенство» («солнце», «луна»), и лексем со значением «пачкаться, мараться» («пятно», «темные места»). Иносказательно в данном случае речь идет о том, что «в мире нет ничего совершенного, люди с безупречной репутацией могут совершать ошибки». В

процессе употребления данного фразеологизма может проявляться этическая оценочная коннотация.

Образ «солнца» в многозначном метафорическом выражении «место под солнцем» исходит из функционально-ценностных признаков данного концепта. В семантическом варианте – «право на существование» – актуализируется основной признак солнца – «источник жизни» («каждому человеку не только найдется место под солнцем, но и необходимые материальные условия для того, чтобы наслаждаться жизнью, полноценно развиваться физически и духовно» А. Опарин. Наука и мир). [41, с. 245].

В другом семантическом варианте – «прочное, высокое положение в обществе» – ведущим признаком становится признак, связанный с оценкой нравственных достоинств («Я писал о людях, отличающихся отважностью, выносливостью... И все они, завоевав место под солнцем, тянулись к знанию» В. Бахметьев. У порога) [41, с. 245].

История происхождения этого выражения неизвестна. В книге Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной «Крылатые слова» лишь отмечается: «Это выражение встречается уже у Паскаля (1623-1662), хотя, возможно, что он не является автором его» [39, с. 372].

Следует сказать о наличии других вариантов переосмысления этого выражения. Так, в употреблении этого выражения отмечается отпечаток социального («Я всего лишь бедняк, ничего не желающий, кроме своего места под солнцем» О. Бальзак), политического характера («В это время Россия уже завоевала себе место под солнцем... это признали державы, ранее смотревшие на неё свысока» А. Горбовский, Ю. Семенов «Без единого выстрела») и др.

Такая многообразная интерпретация, возможно, является результатом разносторонней трансформации концепта «солнце».

Глубинный смысл и многозначность оценочной коннотации фразеологизма определяются тем, что солнце, наряду с другими ландшафтными реалиями, представляет собой мифологический образ бога, пробуждающего земную жизнь, почитаемого «божеством благим и милосердным; имя его сделалось синонимом счастья» [42, с. 29]. Солнце издревле было объектом внимания и наделялось разными характеристиками. Согласно славянской мифологии, в языческом божественном пантеоне солнечные боги располагались на высшем уровне. «Ипостасей у бога Солнца было четыре, по числу времен года Хорс (Коляда), Ярило, Дажьбог (Купайла), Сварог (Световит)» [43]. Все божества выполняли свои функции на протяжении всего сезона, за который он нес ответственность. Люди ценили круглогодичную

солнечную активность, верили в его вечность существование и высокое предназначение.

Иносказательный смысл выражения «место под солнцем» может быть связан с категориями ценностей «жизнь», «вечность», «свет», «добро», «милосердие», «благо», «счастье» и т.д. Также следует отметить активное употребление данного фразеологизма в разных оценочных значениях – интеллектуальном, эмоциональном, этическом и др.

Оценка действий человека содержится в группе фразеологизмов с компонентами «луна», «небо», «небесный»: «как с луны свалился» («не понимает того, что очевидно, что понятно всем»), «коптитель неба» («никчемный, бесполезный, живущий бесцельно человек»), «коптить небо» («жить бесцельно, без пользы для других, не делать ничего полезного»), «как птица небесная / как птица божия» («беззаботно, беспечно»), «олух царя небесного» («глупец, дурак, тупица, болван»), «попадать пальцем в небо» («отвечать невпопад, объяснять что-либо несуразно, бестолково»).

Согласно архаическим представлениям, небо и луна – явления верхнего мира с его обитателями (птица, бог, царь). Луна служит олицетворением высоты, отдаленности от всего сущего; небо – олицетворением чистоты, заботы о живых существах (птица божия – посланница бога). В сочетании этих слов с лексемами, обозначающими конкретное действие («свалился», «коптить», «попадать пальцем»), или с лексическими единицами, имеющими разговорную окраску («коптитель», «олух»), проявляется метафорическое значение – оценка интеллектуальных, физических и других действий человека.

Итак, формирование фразеологизмов связано с архетипическими, мифологическими, религиозными представлениями о природе, которая занимала особое место в наивной картине мира. Закономерно, что семантическую основу переносного значения фразеологизмов составляют лексемы с ландшафтными наименованиями.

Таким образом, изучение ценностных признаков ландшафтных концептов позволило воспроизвести древние верования и ассоциации о Вселенной, о природных реалиях. В мифологических и религиозных традициях небесное и земное, все окружающее являются фундаментальной ценностью, на фоне которой развивается человечество. С одной стороны, мир воспринимается как органичное сочетание природного и человеческого; с другой – осмысливается в противопоставлении духовно-созидательного и материально-потребительского.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в структуре ландшафтных концептов отмечаются ценностные, неценностные, антиценностные признаки. Исследование этих признаков возможно лишь при многоаспектном рассмотрении ландшафтных концептов. Это одна из основных перспектив исследований в свете антропоцентрической парадигмы

2 Теория, методика и практика анализа лексико-фразеологических единиц в контексте современной полипарадигмы

2.1 Вопрос о новых парадигмах в исследованиях языка

Творить можно словом.
Да, да. На то нам и дано свыше слово.
Все что происходит в нас и с нами, вершится через слово.
И все, что рукотворно, в конечном счете – это реализация слова.
Мост через реку – вначале это было словом.
Я большее скажу, слово – потенциал вечности, заключенный в нас...
Но я ведь о другом.
О другой как раз, совершенно диаметрально противоположной ипостаси бытия –
об изначальном отсутствии слова.
А это – вся природа...
Ч. Айтматов

Современная лингвистика представляет собой сложную систему научных направлений, исследующих язык в контексте человека и окружающего его мира, человека и космоса, человека и бога. В настоящее время актуальны антропоцентрическая и теoантропокосмическая парадигмы, каждая из которых располагает особой научно-методологической базой изучения языка. Эти направления формируются на основе философии языка, исторически связанной с идеей о мудрости (от греч. – «мудрость»). Особенностью философии языка является познание духовной природы слова, социально-культурного фактора в языке и языкового фактора в общечеловеческой / национальной культуре, сущность языка в триадах «человек – природа – культура» и «человек – бог – космос». Философия языка позволяет рассматривать феномен языка в более широком экзистенциальном и понятийном контексте, включая бытие, знания о мире, культуру человека. Философия языка делает возможным исследовать язык и в максимально широком экзистенциальном и понятийном контексте, включая Бытие и духовный мир, выходящие за пределы существования реального мира. Опираясь на теоретические идеи философии языка, лингвисты новейшего времени акцентируют внимание на образ языка как хранителя знаний, проводника информации, источника связи с представлениями о мире, космосе и Вселенном. Сегодня эти проблемы находятся в центре внимания названных выше лингвистических парадигм.

Научные достижения в области языкознания второй половины XX – начала XXI вв. позволяют говорить о сложившейся методологии, определенной рамками антропоцентрической и теoантропокосмической парадигм. Остановимся более подробно на описании методологической системы данных парадигм.

Формирование антропоцентрической парадигмы связано с новыми научными установками, целями, принципами и методами исследования языка, способами конструирования предмета лингвистического исследования. Антропоцентрическая парадигма расширяет сферы имеющихся в науке лингвистических подходов и создает новые подходы к исследованию языка.

Поворот лингвистических исследований к языку как важнейшему составляющему человеческого интеллекта является одним из основных научных установок данной парадигмы. Взгляд лингвистов направлен не на объект познания – язык, а на субъект – человеческий интеллект, отраженный в языке. Язык становится объектом научных интересов с точки зрения отражения в нем понятийных, категориальных, ценностных и других признаков, свойственных индивидуальной, национальной и общечеловеческой картинам мира.

Из сказанного следует, что в последние десятилетия внимание ученых направлено на постижение природы языка с позиции его носителя – человека и общества, на исследование интерпретации сущности языка и «отражения бытия через язык» [44, с. 119].

Для языка отдельной личности, определенной социальной общности и человеческого общества в целом характерны свои способы концептуализации действительности, отражающие специфическую, национальную коннотацию и универсальные черты. Выделение общечеловеческого и национального в языке становится одной из актуальных проблем современных научных исследований. На первый план выдвигаются задачи рассмотрения когнитивной структуры языка, определения этнических особенностей, описания картины мира на основании семантического, лингвокультурологического, этнолингвистического, концептуального и других способов анализа вербальных средств.

Основным принципом лингвистических исследований в рамках данной парадигмы признается принцип антропоцентризма, суть которого состоит в том, что он предписывает необходимость рассмотрения языка как феномена истории и культуры человека. Данный принцип предполагает погружение в исследуемую языковую действительность человека, представляющего собой средоточие языковой информации.

Описание факта языка дается всесторонне, включая объяснение его возникновения и функционирования как средства общения, выявление семантических признаков, изучение языковых единиц в тексте. Появляется потребность в использовании научных сведений из области психологии, социологии, прагматики, этнологии, биологии и др. Сфера лингвистических исследований не ограничивается собственно языковой системой, а расширяется за счет имеющихся данных других областей наук.

Антропоцентрический взгляд на язык непосредственно связан и с лингвистическими принципами экспланаторности, экспансионизма, функционализма, семантикоцентризма, текстоцентризма. Эти принципы конкретизируются в содержательном плане в соответствии с областью лингвистических исследований. Так, в когнитивной лингвистике они рассматриваются в контексте взаимоотношения языка, человека и мышления; в лингвокультурологии – в рамках взаимосвязи языка, человека и культуры.

В настоящее время в лингвистике накоплен обширный материал, в котором отражены новые идеи и теории интегрального характера. Глубокое и всестороннее описание современных лингвистических концепций, истории возникновения и развития научных направлений в контексте антропоцентрической парадигмы дано в работах В. А. Масловой, В. И. Карасика, А. Ю. Масловой, М. В. Пименовой и др.

Анализ имеющихся источников показал, что новые направления представляют собой совокупность концепций и школ, исходящих из идей В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. В лингвистике, по мнению И.П. Сусова, исследуется «языковой промежуточный мир» (*sprachliche Zwischenwelt*), представляемый свойственной родному языку «картиной мира» (*Weltbild*). Промежуточный языковой мир понимается как духовная, умственная структурирующая инстанция, связывающая неупорядоченный реальный мир вещей с соответствующей языковой общностью и направляющая динамический процесс освоения мира через родной язык, через процесс «вербализации мира» (*Worten der Welt*) путем понятийного развертывания словаря. Подчеркивается категоризирующая познавательная функция языка в построении словаря (представление в нем созвездия Ориона не как материально существующего объекта, а как результата умственного приема). Акцентируются отличия мира языковых содержаний от языка к языку» [45].

Развитие антропоцентрической парадигмы обусловлено осознанием двойственной природы языка: язык – семиотическая

система; язык – продукт индивида и социума. Подтверждением сказанному являются данные лингвистического энциклопедического словаря.

Понятие «язык» определяется следующим образом: «язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающего человека действительности и самого себя, т.е. формой хранения знаний о действительности (эпистемическая функция), а также средством получения нового знания о действительности (познавательная или когнитивная функция)», «в единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека», «языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности, так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса» [46].

Мысли об антропоцентризме восходят преимущественно к европейским традициям исследования языковой сущности. Язык, по мнению Э. Бенвениста, – «особая символическая система, организованная в двух планах. С одной стороны, язык – «физическое явление», требующее «посредства голосового аппарата при своем производстве и посредства слухового аппарата для восприятия... С другой стороны, язык – «нематериальная структура, передача означаемых, которые замещают явления окружающего мира или знание о них их «напоминанием»...Он организует мысль и реализуется в специфической форме» [47].

Идея В. Гумбольдта заключается в следующем: «Язык с необходимостью возникает из человека, и, конечно, мало-помалу, но так, что его организм не лежит в виде мертвой массы в потемках души, а в качестве закона обуславливает (bedingt) функции мыслительной силы человека; следовательно, первое слово уже предполагает существование всего языка. Если эту ни с чем не сравнимую способность попытаться сравнить с чем-нибудь другим, то придется вспомнить о природном инстинкте (Naturinstinct) у животных и назвать язык интеллектуальным инстинктом разума... Именно из самого первобытного природного состояния может возникнуть такой язык, который сам есть творение природы – природы человеческого разума» [48].

Современная научная литература располагает огромным фундаментальным материалом, представленным трудами лингвокогнитологов и лингвокультурологов Е. С. Кубряковой, А. Е. Кибрика, А. А. Кибрика, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика,

З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Г. Г. Слышкина, А. П. Бабушкина, В. Н. Телия, Н. Н. Болдырева, В. А. Масловой, Е. А. Пименова, М. В. Пименовой и др.

Выражая единодушное мнение в когнитивной сущности и природе языка, ученые представляют разные подходы к исследованию. Можно сказать, что это не взаимоисключающие, а взаимодополняющие направления, различающиеся векторами описания языка по отношению к его носителю. Представителей научных школ когнитивной лингвистики Москвы, Волгограда, Краснодара, Воронежа, Тамбова, Кемерово «объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают» [49].

Лингвокультурологи акцентируют внимание на культурном факторе в языке, направляя исследование от культуры к человеческому сознанию.

Схематично сказанное можно представить следующим образом:

Когнитивная лингвистика: сознание => человек => культура.

Лингвокультурология: культура => человек => сознание.

Многосторонний спектр лингвистических исследований способствует формированию синкретичных научных направлений в лингвистике. Так, в результате исследований языка на основе междисциплинарного синтеза оформились психолингвистика, социолингвистика, прагматическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика и др. Каждое из названных направлений отличается научными подходами к исследованию языка и «содержит свое рациональное зерно, свои открытия и взлеты, но охватить все «лики» языка ни одна из них пока не в состоянии. Язык практически неисчерпаем в выборе различных аспектов его описания, поэтому сейчас стали говорить о полипарадигмальном подходе к языковым явлениям» [23].

Интенсивное развитие лингвистики привело сегодня к полипарадигмальному подходу, когда в центре внимания находится язык как исторически сложившаяся знаковая система, эволюционирующая в смысловом отношении на определенном этапе своего функционирования.

В конце XX века ученые заговорили о теоантропокосмической парадигме, основоположником которой является российский лингвист В. И. Постовалова – последователь учений школы Всеединства П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева.

В частности, В. А. Масловой отмечено, что «крупнейший русский методолог языка В. И. Постовалова в работе «Наука о языке в свете идеала цельного знания» говорит о теoантропокoсмической парадигме, исследующей язык в максимально широком контексте «Бог – Космос – Человек» [23]. Теоретические взгляды В. И. Постоваловой направлены на изучение языка в религиозно-космическом аспекте. Анализируя философию языка А. Ф. Лосева, В. И. Постовалова отмечает особенно мощную энергетическую природу человеческого языка в слове, которое «в основе своей есть заряд, но заряд не «физический», а «коммуникативно-смысловой», причем такой заряд, «физические размеры» действий которого часто невозможно бывает даже и предусмотреть» [50].

Одним из основных задач лингвистических исследований в рамках данной парадигмы является реконструкция религиозных и космических концептов, представляющих собой смысловые образования в разные периоды человеческого бытия. Исследование языка в рамках данной парадигмы позволяет наиболее полно представить и систематизировать имеющиеся знания о человеке и окружающем его мире. В качестве примера приведем концепт, вербализованный сочетанием «Вифлеемская звезда», который в религиозной картине мира соотносится с духовной силой, ангелом Божиим, шедшим впереди волхвов. Из Евангелия известно, что рождению Христа предшествовало особенное астрономическое явление, названное Вифлеемской звездой. В интервью один из духовных наставников отец Иов так прокомментировал это явление: «Это чудо. Даже есть одно маленькое подтверждение, которое ученые, почему-то игнорируют. Звезда – это не просто астрономическое явление, это духовная сила, это ангел Божий, который шел впереди волхвов. И этому есть доказательство. Вы знаете, как движутся звезды: ни одна звезда не идет с Севера на Восток, но эта звезда шла с Севера на Восток, указывая путь волхвам. Она светила даже днем» [51].

В научной картине мира это явление объясняется как уникальное астрономическое явление:

- яркое свечение, наблюдающееся в результате выстраивания в один ряд Солнца, Луны, Юпитера и Сатурна в созвездии Овна;
- комета Галлея, космическая странница, которая пролетает близко от нашей планеты каждые 75 лет;
- взрыв сверхновой звезды, смерть звезды, когда звезда в конце эволюции «фактически падает сама на себя и превращается в

нейтронную звезду с выделением огромного количества энергии» [51].

Как видим, существуют разные интерпретации языковых явлений и явлений окружающего мира. Само мироздание имеет свое природное начало, которое объясняется человеком по-разному, включая религиозные, научные, мифологические и другие представления. Примечателен в этом плане концепт «космос», как один из многогранных и сложных по своей структуре концептов, эволюционирующий на протяжении, можно сказать, всего существования человечества. Своими корнями космос уходит в исторически древнюю культуру разных народов с их первобытным представлением, сказочными и мифологическими образами.

Описание значений данного концепта в разных языковых картинах мира отмечается общими признаками: с одной стороны, признаками гармонии, стройности, миропорядка, с другой – признаками неорганизованного хаоса, беспорядка, беспорядочного смешения физических элементов и т.д. Вместе с тем, как рассуждает В. В. Колесов, наблюдается разница в том, «что русский народ видит эту стройность в нравственном единстве вселенной, разумемой наподобие человеческого общества, – как мир-общество, а греческий народ – в эстетическом строе ее, причем вселенная воспринимается как совершенное художественное творение» [52].

Не однозначно в этих языках и этимологическое объяснение. «Греческое *kosmos*, – пишет далее В. В. Колесов, – происходит от корня, дающего с другой стороны глагол *kosmew* «украшаю», попавшего в слова косметический, косметика и т.д. *Kosmos* значит, собственно, украшение, произведение искусства и т.д.» [52].

В исследованиях казахского ученого Серикбола Кондыбая вариантов слова «таң» (казахского эквивалента слова «космос») и его праформ дается следующее объяснение: «Т (іт,ті) – а) «жизнь, существование» (Шумерское слово «ти», означающее «жизнь, существование» и «ребро», и прототюркское слово «ті / тіг / тің / тінг» являются однокоренными: из прототюркского «тігір / тінгір» произошло современное тюркское «тір» (корень со значением «жизнь»); б) «движение, действие, направление. Поэтому прежде всего значение слова «таң / танг» (производных от которого множество) можно объяснить как «основа, порождающая, приводящая в движение изначальную жизнь, мир (космос), время и пространство» [53].

Как видим, концепт «космос», вербализованный в казахском варианте праформой «таң / танг», соотносится с понятиями «мир» и

«жизнь». Небезынтересным, на наш взгляд, является семантический ряд, представленный исследователем:

- Танг – название протокосмоса и космоса вообще.

- Танг – изначальные воды, (начальный, мировой) океан. Эти два значения дали нам слова «тәңір» (тангар, тангир, тенгир – тенгри) и «теңіз» (тенгиз, тангиз – море).

- Танг – первоформа, то есть круг: корни слов «шеңбер», «тегер», «дөнгелек», «донғалак», «домалак», «донғал» и других, означающих круг, дугу и другие геометрические фигуры, а также движение, создающее геометрические формы, представляют звуковые варианты этой праформы.

- ТАНГ – мировое дерево («тал»).

- Танг – Дорога птиц (Млечный путь).

- Танг – мировая гора («тау»). [53].

В заключении автором поясняется, что «в одном знаке «спрятаны» и порождающее начало (точка, абак, протокосмос, основа), и порожденный результат (космос)» [53]. Можно полагать, что в данном случае речь идет о космосе как процессе и результате сотворения мира.

В славянских и тюркских мифологических источниках описание протокосмоса и космоса представлено ландшафтными реалиями.

Приведем примеры славянского и тюркского мифов.

В начале начал существовало в полной пустоте МИРОВОЕ ЯЙЦО, внутри которого в тумане спал БОГ. И по прошествии времени туман рассеялся – влага осела вниз, а воздух поднялся вверх. Образовался МИРОВОЙ ОКЕАН – МОРЕ и воздушное пространство. И СУЖДЕНО БЫЛО БОГУ ПРОСНУТЬСЯ. И куда бы ни бросил свой взор БОГ, <...> на небесном куполе загоралась неподвижная точка – ЗВЕЗДОЧКА. <...>

... увидел БОГ в неподвижном зеркале вод свое отражение, а так как ему было грустно одному, то решил Он оживить свое отражение, но из-за того что его отражение было зеркальным, новое божество оказалось во всем зеркально противоположным. Сварог (он же Бог, Дый – И.Ш.) был белым и добрым – новое божество получилось темным и злым <...> Потому и имя он получил соответствующее – БЕС (от БЕДС – «приносящий беду») (1). <...> И вот между небом и водой сами собою выросли два дерева – СВЯЩЕННЫЕ ДУБЫ, державшиеся на силе божией. Из желудей Священных Небесных Дубов вылупились две птицы, это были УТКИ-ГОГОЛИ.

Утки стали нырять на дно Моря и доставать со дна ил и песок. Илом они склеивали веточки и листья, опавшие с Небесных Дубов – строили ГНЕЗДО-ЗЕМЛЮ. БЕС тоже нырнул на дно МОРЯ-ОКЕАНА, набрал ила под ногти и набил им полный рот, после чего вынырнул и бросил все это на строящуюся Землю. Так образовались горы и скалы. Рассердился Бог на Беса за то, что мешает он строить гнездо священным птицам, сломал один из священных Дубов и сделал из него ДУБИНУ (то есть палицу из дуба), этой дубиной наказал Беса и загнал его под землю. С тех пор на небе осталось только одно МИРОВОЕ ДЕРЕВО. <...> Земля же плавала по поверхности Мирового Океана. И чтобы она не утонула, Бог создал Трехголового змея (Змея Горыныча), который свернулся кольцом под горой Триглав, что на острове Руян...» (Славянская мифология).

Это было Время до Времени, когда царили темнота и хаос. Затем хаос стал сгущаться и появился Великий океан. Из темноты выплыли гигантские и бессмертные железные рыбы, несущие на себе мироздание.

От начала начал, от дней сотворения мира Великий океан плавно нес свои волны, которым не было предела и преграды. Сколько это продолжалось – не знает никто. Ибо не было тогда солнца и луны, а значит восхода и заката, дня и ночи, не было самого Времени.

Но однажды неведомо откуда прилетела птица Умай. Долго летала она над водной гладью на восток и запад, север и юг. Но нигде не нашла даже маленького клочка суши. И решила она снести яйцо прямо в воздухе. Но яйцо упало в волны океана, и утонуло в его глубинах. Так продолжалось несколько раз. И, наконец, птица опустилась на воду и решила свить свое гнездо на волнах. Вырвала она перья из своей груди и стала вить гнездо. Но сильные волны разбили его и уносили перья в черную глубину океана. И поняла Умай, что сначала нужно сотворить земную твердь. Набравшись смелости, нырнула птица так глубоко, что достигла дна Великого океана. Взяла она в свой клюв глину и вытащила ее на поверхность. Из этой глины появилась земля, которая постепенно стала расти и расти, и превратилась в Великую сушу. Так Умай сотворила Землю.

Так все было или не так не знает никто. А потому говорят, что мир сотворил Великий Тенгри. В древнем мире не было ничего, кроме Великого океана. Неведомо откуда появился бог, спящий в священном яйце. Это был Тенгри. Проснулся Тенгри, и стало ему скучно во мраке. Решил он сотворить из воды и хаоса младшего брата – Эрлика. Потому у Эрлика настроение переменчиво как вода, а мысли бывают

черными как мрак. Долго они кружили над первородным океаном и поняли, что настало время творить мир. Превратились братья в двух уток. Тенгри нырнул глубоко под воду и вынес в ключе ил, из которого и создал гладкую и ровную землю. Своенравный Эрлик вышел на сушу и стал разбрасывать камни, которые прорыли глубокие впадины, а сами превращались в скалы и горы.

Чтобы созданная суша не утонула в Океане, Тенгри поместил её на трех огромных железных рыбах, у которых верхние губы касаются неба, а нижние – земли. Поднимая или опуская головы, эти рыбы вызывают землетрясения и наводнения. А чтобы рыбы не утопили землю в океане, великий Тенгри привязал крепкий аркан к средней рыбе и управляет ими.

Кто бы ни сотворил землю, тюрки знали, что мир не вечен. Придет время, и небо начнет давить землю. Тогда солнце сожжет все живое. Затем луна найдет великий дождь и ветер. Сын восстанет против отца, брат пойдет войной на брата. Правители начнут воевать друг с другом. Реки и озера наполнятся кровью. Океан затопит мир, а освободившиеся гигантские рыбы, на которых стояла земля, довершат разрушение. Все живое погибнет. Снова придет хаос, из которого через много веков вновь появится земля.

По воле Великого Тенгри возник мир, состоящий из Верхнего – Неба, Среднего – Земли и Нижнего – подземного. Верхний мир стал крышей – голубым небосводом. Здесь обитает Тенгри и другие боги. Здесь каждое утро рождается Солнце – воплощение Тенгри. На смену ему по ночам приходит отражение лика Тенгри – Луна. В знак уважения к великому богу двери юрт великих правителей тюрков – каганов – всегда были направлены на восток, туда, где рождается Солнце. Тюркские каганы и их предки, хуннские шаньюи утром выходили из юрты приветствовать восходящее Солнце, а вечером – поклониться Луне.

Небо в виде купола возвышается над землей, имеющей четыре угла, и соприкасается с ней краями. Иногда края неба и земли сходятся друг с другом и возникают землетрясения, смерчи, громы и молнии.

Тенгри поселил людей в Среднем мире. А злые духи и иные зловредные существа поселились в Нижнем мире. Вход в подземный мир находится далеко на западе, там, где заходит Солнце. Но иногда тюрки говорили, что вход в Нижний мир расположен в стране холодного мрака – на далеком севере. Подземный мир отделяет от Среднего мира река. И зовется та река Ненасытной – Тоймадым, потому что питают ее кровь и слезы людей и зверей.

Наши предки знали, что есть и другие миры, которых никто не видел, и никто не знает, как они устроены. Знали лишь то, что в этих мирах все по-другому, даже Солнце и Луна светят иначе.

Созданная Тенгри земля была четырехугольным пространством, в центре которого он поселил тюрков. По краям мира обитали враждебные им народы. Стороны света тюрки называли углами мира.

Прошло много лет, и это деление мира на четыре стороны люди стали связывать с именем Чингиз-хана. У Чингиз-хана было четыре сына, между которыми он и разделил завоеванный мир. Улус каждого сына представлял собой одну четвертую часть населенных культурных стран и пустынь завоеванного мира.

Центром мира была священная Отюкенская чернь, хребет в верховьях великой матери-реки – Ени-сая – прародина тюрков. Здесь была ставка каганов, отсюда тюрки начали завоевание четырех углов мира. Это прекрасный край с горами, лесами и реками, где совсем нет горя, и где ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз.

*Каган, в ком порчи нет, тот держит Отюкен,
Тот может удержать весь тюркский каганат.*

С того времени, чтобы возвеличить свою Родину, тюрки стали воздвигать огромные курганы – оба, которые видны издалека. Они напоминают горы предков, на которых обитают Тенгри. Радуется воин, когда, возвращаясь домой, видит родное оба – курган.

Мир тюрков также отмечен пограничными курганами. Их строили в виде каменных башен. Оба насыпали также в священных местах, чтобы умилостивить духов местности. Каждый тюрк, увидев оба, должен был сойти с коня и произнести молитвы, совершить жертвоприношение, положить еще один камень или горсть земли на курган. Если же он спешил по важным государственным или иным неотложным делам, то должен был вынуть ногу из левого стремени, в знак того, что он остановился у оба. Разве могут духи предков или духи, охраняющие родную землю и воду обидеть воина, спешащего на защиту Отечества! (Тюркская мифология).

Как видим, в данных описаниях процесса мироздания называются все виды ландшафта – море-океан, суша, земля, горы, скалы и т.д., образовавшиеся в космическое время.

Модель этого времени в славянской и тюркской картинах мира аналогична: преобразование мира хаоса в мир природы и гармонии.

Однако есть некоторые отличия в представлениях о процессе сотворения мира. Продемонстрируем разницу в таблице.

Славянская картина мира	Тюркская картина мира
Пустота, туман => влага, осевшая внизу, и воздух, поднявшийся вверх => Мировой Океан – Море и воздух => небесный купол и звездочка => два дерева, священные Небесные Дубы, желуди => птицы – Утки-Гоголи => веточки и листья => гнездо-земля, горы и скалы => и т.д.	1) Темнота, хаос => Великий Океан => железные рыбы => птица Умай => яйцо => гнездо и земная твердь => Великая Суша, Земля; 2) Великий Океан => мрак => вода и хаос => утки => земля, горы и скалы, курганы (оба) => железные рыбы => мир: Верхний – небо, Средний – земля, Нижний – подземный мир => солнце – воплощение Тенгри, луна – отражение лика Тенгри и т.д.
Хаос => БОГ (в священном яйце) => Океан => Небо и Земля => небесные, водные и земные обитатели => растительный мир => животный мир => гнездо (дом) и т.д.	

В традициях космогонических мифов славянского и тюркского народов космос связан с идеей сотворения мира и вечного его существования: рождение новой жизни в вакуумном пространстве и ее продолжение в безграничном мире. Так, в мифах содержится мотив мирового или священного яйца, внутри которого спал БОГ. Яйцо в представлении древних славян и тюрков – это мир, в котором есть жизнь, природа и вселенское пространство. Известно, что одним из главных персонажей фольклора разных народов является птица. В тюркской мифологии, в частности в ногайском фольклоре существует легенда о космической Лебеди Ак-ку, снесшей яйцо, внутри которого находится Вселенная (Алем Дуныя). В казахском фольклоре сохранилась легенда о Великом дереве Байтерек, на вершине которого «расположено гнездо двуглавого орла», «там же, в этом гнезде, орлица выносит священное яйцо, из которого вновь возродится мир» [54].

Таким образом, концепт «космос», вербализованный словосочетаниями «мировое яйцо», «священное яйцо», «яйцо мироздания» «космическая Лебедь», объективируется признаками природы, имеющими для человека жизненно важное значение. Актуализируются признаки окружающего мира («Вселенная»); природной среды («воздух», «воздушное пространство»); природных явлений («туман», «дождь», «ветер»); природных катаклизмов («землетрясение», «наводнение», «пожар»), ландшафта («океан», «море», «суша», «скалы», «горы»); строения («небесный купол»,

«мироздание»), деления («Верхний мир», «Средний мир», «Нижний мир») и др.

Концепт «космос» реализуется гендерными признаками. Древние религиозные верования и мифологические характеристики связаны с миром Вселенной, созданной в результате соединения мужского и женского начал. Сказанное подтверждается концепцией «Небо-Отец» – «Земля-Мать» в мифологии разных народов. В последнее время дискутируется вопрос о взаимоотношениях мужчины и женщины. В этом случае уместно обратиться к фольклорным источникам, в которых речь идет о сотворении мира, где присутствуют мужские и женские образы (Адам и Ева, Отец-Небо и Мать-Земля, Тенгри и Умай), мотивы их любви, брака, совместной жизни, рождения детей и т.д. Для подтверждения приведем несколько из них.

Согласно библейским мифам о сотворении мира, «на шестой день Бог создал себе помощника – человека. Внешне он должен был походить на самого Бога. Сотворил Бог из праха земного мужчину и вдохнул в него жизнь, а через некоторое время создал женщину. И благословил их Бог». В мифологических традициях тюркских народов супругой Тенгри (Бога-Неба) считается благодетельница Умай – «волшебная птица, тень которой оевала избранников судьбы и приносила удачу и славу... Тенгри олицетворял бесконечность, а Умай – конечное земное существование, состоящее из рождения, вступления в брак и ухода из жизни». В казахской легенде «Жер ана туралы аңыз», Земля («Жер») и Небо («Тәңірадам») полюбили друг друга («Күндердің бір күнінде Тәңірадам пайда болды. Жер оған ғашық болды. Ол да жерге ғашық болды, оның ұлылығы мен кендігіне, мейрімділігі мен көркемділігіне, асқақтағы мен тазалығына ғашық болды»).

Анализ фольклорного материала показывает, что самой природой / Вселенной / космосом провозглашается идея ценности существования мужского и женского начал, олицетворяющих гармонию и любовь.

Ценностный компонент космоса как идеала взаимоотношений полов отмечает В. А. Маслова: «Влечение и мужского и женского начал друг к другу – закон жизни Космоса. Неслучайно в апокрифах Климента Александрийского, ученика апостола Иоанна, на вопрос о том, когда придет Царствие небесное, Иисус отвечает: «Когда два будут одно и мужское будет женским и не будет ни мужского, ни женского» (Мережковский Д. Тайна трех). Поэтому вопрос о взаимоотношении полов должен стать важнейшим в культуре, его

оборотная сторона – это падение нравов, с которого начинается гибель народов и цивилизаций (Содом и Гоморра)» [3, с. 131].

В казахской культуре сохранились элементы доисламских представлений о боге Тенгри. В казахском языке существует пожелание «Кутты болсын» – «Пусть будет успех». Для тюркских народов очень важным было значение надежды на поддержку Тенгри и духов предков. В легенде «кут» отождествляется со звездочкой: «Кут посылается Небом в виде звездочки. Утрата кута – утрата жизни. Кут может отделяться от человека и блуждать по разным местам в виде маленького огонька. Это происходит во сне» [54].

Так, в представлении древних тюрков Бог Тенгри олицетворял Высший мир – Небо – бесконечное в пространстве и вечное во времени (отсюда выражения «Сын Неба», «Вечное небо тюрков»). Богиня Умай служила олицетворением Земли, земного мира, пространства и времени с характерными актами рождения, сохранения и продолжения жизни. Смерть человека воспринимается как уход из земной жизни и возвращение души его к жизни небесной. Поэтому в казахском языке существует выражение «қайтыс болды», что означает в дословном переводе «возвращение». Душа человека остается бессмертной, и жизнь ее продолжается в Верхнем мире. Свидетельством такого верования является понятие «аруах» у казахов – дух умершего, к которому обращаются как к живому существу. Часто при совершении каких-либо добрых поступков казахи говорят: «Аруахтар риза болсын» – «Да благословят нас аруахи (духи предков)». Время содержит сакральный смысл вечного – незримого присутствия человека даже после его смерти. Таким образом, Небо и Земля, сливаясь друг с другом, представляют собой единый целостный организм мужского и женского, который служит эталоном жизни человечества. В культуре разных народов сохранилось множество традиций и обычаев поклонения Небу-Отцу и Земле-Матери, что говорит о предпочтении жить в гармонии с Космосом, природой, Вселенной.

Оригинальна интерпретация космоса в контексте художественного мира Чингиза Айтматова, идеалом которого является гармония человека, природы, космоса. Этот идеал раскрывается через изображение земных и вселенских трагедий, позволяющих героям по-философски взглянуть на мир. Так, в романе «Тавро Кассандры» центральное место занимает космос, концептуализирующийся посредством признаков человека. С одной стороны, через образ Роберта Борка, футуролога, увлекающегося фотографиями небесного пейзажа, – представителя земной

цивилизации; с другой, – через образ космического монаха Филофея, отправившего послание папе римскому и обращение ко всем людям об ответственности каждого человека и всего человечества за образ жизни на земле.

Итак, перед нами далеко не полное описание структуры концепта «космос». Мы коснулись лишь этимологических и мифологических сторон его исследования, которые позволяют выделить мотивирующие признаки – беспорядок / миропорядок, хаос / гармония; образные – Небо-Тенгри, Умай ана, космический отшельник, ученый, монах; архаичные – боги Вселенной, прародительница Умай; символические – птица (утки-гоголи, лебедь, орлица), мировое яйцо, священное яйцо, яйцо мироздания; категориальные – Земля – низ, Небо – верх, Верхний, Средний, Нижний миры, бог, богиня. Трудно, конечно, назвать и описать все аспекты этого концепта, однако можно сказать, что познание космоса через язык есть познание целостной картины мира, основной ценностью которой является жизнь человека по законам Космоса, в гармонии с окружающим миром Вселенной и природой.

Таким образом, исследования языка в рамках теoантропокосмической парадигмы одна из перспективных и актуальных проблем лингвистики, затрагивающих вопросы исследования языка с позиции отражения в нем человеческого представления о космосе-Боге, космосе-Вселенной, космосе-Бытия и Жизни, космосе-Вечности, космосе-Гармонии и т.д.

Учитывая вышеизложенное, необходимо принять во внимание, что антропоцентрическая и теoантропокосмическая парадигмы в современных исследованиях языка дополняют друг друга и служат ориентиром в поиске отражения человеческого интеллекта в языке и воспроизведения, хотя бы в общих чертах, картины мира разных народов. Итак, в контексте данных парадигм ведущее положение занимают человек, сознание, мышление, а язык рассматривается как вербальное средство выражения человеческой мысли.

2.2 О статусе концептуальных исследований в контексте современных научных парадигм

Язык – не данность от отца и матери.
Язык в своем тысячелетнем существовании
перетерпел тысячи контактов, от этого стал
ярче, богаче, и любой патриот своего языка
должен стремиться к такому многообразию
контактов.

О. Сулейменов

Каждый язык имеет богатую многовековую историю и складывается на протяжении разных эпох в национальный литературный язык. Вопрос о формировании литературного языка всегда оставался в поле зрения ученых. Известно, что изучение литературного языка связано с философией и историей культуры определенного народа, литературой и древнейшими памятниками письменности. Концепция исследования литературного языка в контексте антропоцентрической и теoантропокосмической парадигм ориентирует на поиск сведений о путях его формирования через источники, позволяющие, по словам В. В. Колесова, «взглянуть на дело с иной стороны, с точки зрения древнерусского книжника, как бы изнутри той общественно-политической, идеологической и социальной борьбы, которая велась вокруг идеи литературного языка на национальной основе, – так называемые азбуковники» [55]. Из сказанного следует, что объектом внимания современных исследований является живой язык, язык первоисточников древней письменности, в котором отражены представления о действительности и национальная культура.

Понятие «литературный язык» связано с социальными факторами и той ситуацией, которая сложилась вокруг языка. Сегодня принято говорить не только о языковой ситуации, но и о полиязыковом, поликультурном, поликонфессиональном пространстве, в котором параллельно функционируют разные языки.

Говоря о современном поликультурном пространстве Казахстана, президент Н. А. Назарбаев отметил, что на этой земле «сформировалось уникальное поликультурное пространство» с евразийскими корнями, позволяющими «соединить восточные, азиатские, западные, европейские потоки и создать уникальный казахстанский вариант развития поликультурности» [56].

Взаимодействуя друг с другом, языки способствуют установлению общих культурных связей, сохраняя при этом свою национальную и этнокультурную коннотацию.

К примеру, в современном многонациональном казахстанском обществе представители разных этносов, народов и конфессий имеют возможность ознакомиться через казахский язык с обычаями, традициями, культурой и религией представителей коренного населения – казахов. Русский язык, являясь активным средством межнационального и межэтнического общения, дает возможность изучить историю, культуру и религию славянских и других родственных ему народов. Иностранные – европейские языки и языки

восточных народов – позволяют получить знания об особенностях культуры мира и отдельных его государств.

При полиязыковой ситуации изменяются подходы к исследованию языка с учетом выполняемых им функций в данном обществе. Язык рассматривается как с точки зрения коммуникативной функции (язык – средство общения), так и с точки зрения информативной (язык – носитель информации), гносеологической (язык – средство познания), аксиологической (язык – хранитель ценностей), эстетической (язык – средство формирования культуры) и др. функций.

Любой язык можно рассматривать в контексте поликультурного пространства, которое позволит определить универсальное, характерное для всей лингвокультурной общности, и специфическое, проявляющееся в национальной коннотации. Это стало возможным благодаря современной антропоцентрической парадигме, анализирующей языковую систему в аспекте «человек в языке и язык в человеке». В центре внимания находится человек с его ментальностью и культурой, созданными в процессе физического и интеллектуального труда для удовлетворения их разнообразных материальных и духовных потребностей.

Разноаспектный подход, обозначивший проблему глубинного исследования языка, нашел отражение в современных трудах по теории ментальности в рамках новых научных направлений – концептологии и концептуальных исследований.

Что означает понятие «ментальность» и как определяется данный термин в лингвистике?

Ментальность – термин, заимствованный лингвистикой из гуманитарно-исторических наук, в частности исторической антропологии. Этимологически это слово пришло из латинского языка: *mens* – «ум», «мышление», «образ мыслей», «душевный склад». В философской энциклопедии ментальность определяется как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом» [57]. Это один из уровней сознания, который характеризуется архетипичностью и относительной устойчивостью в мировидении и мировосприятии. Являя собой уровень, на котором складывается картина мира «определенным образом» в соответствии с общественно-субъективными установками и предрасположенностями, ментальность по своей сути обладает двусторонней функциональной

характеристикой. С одной стороны, она «формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды жизнедеятельности человека», и, с другой стороны, «сама в свою очередь их формирует, выступая как порождающее начало, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики» [57]. Таков закон философии, когда все вокруг взаимосвязано и находится в состоянии развития.

Понятие ментальности рассматривается в разных отраслях наук и может быть интерпретировано в широком смысле. Ментальность связывается с природными, психологическими, интеллектуальными, культурными и другими человеческими ресурсами. Так, в психоаналитической концепции К. Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного отмечены основные элементы ментальности – мышление, чувство, ощущение, интуиция. В традициях гуманитарно-исторических исследований, в частности французского историка Ж. Лефевра коллективная и индивидуальная ментальность представляют собой «биологически обусловленные константы» (Новая философская энциклопедия). Другая трактовка ментальности связана с теорией наследственности. Сторонниками этой позиции являются французские ученые Л. Февр, И. Мейерсон, З. Барбу и др. В манифесте школы «Новых Анналов» Л. Февр отмечает, что «мыслительные привычки и установки, навыки восприятия и эмоциональной жизни наследуются людьми от прошлых поколений без ясного осознания их» (Новая философская энциклопедия).

Ментальность рассматривается как исторически развивающаяся структура в сознании, которая определяет мысли, чувства, поведение людей, их ценности и «жесты».

Таким образом, проблема ментальности имеет разноаспектный характер научных исследований. В целом общая картина ментальности может быть представлена оппозицией природного и культурного, рационального и эмоционального, общественного и индивидуального. На основании сказанного можно лишь констатировать, что ментальность как своеобразная система мышления обладает признаками природно-биологического, социально-исторического, национально-культурного плана.

С точки зрения лингвистики ментальность рассматривается через призму языка, этимологическое изучение которого позволяет выявить и проследить генетическую связь родственных языков и самобытность национального языка. Нередко в исторических корнях хранится информация о специфике национальной ментальности.

Показательны в этом отношении работы В. В. Колесова по исследованию русского языка. Ученым дан глубокий анализ ряда концептов, представляющих собой ключевые категории жизни человека в обществе. К примеру, проанализированы концепты «дурак и юродивый», «судьба и счастье», «любовь и свобода», «честь и совесть», «правда и истина», «душа и личность» и др. в русской ментальности, систематизированы материалы к Словарю Русской Ментальности и др.

Говоря о ментальности, В. В. Колесов отмечает, что ментальность «в своих признаках есть наивно целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных (постоянно меняющихся) экономических и политических условий, и притом основана на этнических предрасположениях и исторических традициях, проявляемых в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества – и все это на основе общности языка и воспитания» [5, с. 24].

Важным моментом в понимании ментальности является то, что язык рассматривается в качестве ее основополагающего фактора. Вместе с тем отмечается и культурный фон. По мнению ученого, ментальность есть «часть духовной народной культуры», создающей «этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [5, с. 24].

Для В. В. Колесова благоприятным полем исследования является история становления и развития нации и языка. В одной из своих работ он отмечает необходимость понимания того, «что именно и каким образом когда-то открывали для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картину их познания мира и объяснить себе эти достижения как успех цивилизации и человеческого духа в их национальных формах – потому что любая культура ... рождается и развивается в национальных формах» [5, с. 8].

Корни русской ментальности В. В. Колесов находит в древнерусском языке, в некоторых его словах, позволяющих проследить историю русского народа и специфику национального языка. Так, прослеживая развитие русской ментальности, он заключает, что традиционным русским ее эквивалентом является «духовность», указывающая «склонение русской ментальности в область этики» [5, с. 24]. Не случайно в русском языке наблюдается огромное количество слов-репрезентантов этических концептов (слава, честь, долг, грех, достоинство, совесть, вина, позор, стыд, срам и др.).

По В. В. Колесову, «духовность онтологична, она предсуществует в русском характере, воспитанном веками, тогда как ментальность предстает в качестве саморефлексии о духовности; ментальность гносеологична» [5, с. 24].

Выражая идею изучения текста «в его заданности автором», ученый утверждает, что «при чтении древнерусских текстов, оценивая их содержание, мы должны сознавать, что современное восприятие старинного произведения через древнерусское «слово» должно стремиться к тому, чтобы «идею» его понять и осмыслить в полном соответствии с тем, что было и почему совершилось» [52, с. 27]. В логико-философской концепции В. В. Колесова, можно отметить характер историзма в теории ментальности.

Для современных лингвистических теорий характерны другие определения понятия «ментальность», данные в соответствии с логикой научного направления. Так, в лингвокультурологии ментальность трактуется как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»; «незримый минимум духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества» [3, с. 49]; «совокупность мыслительных процессов, включающих построение особой картины мира» [9, с. 32]. Ученый обращает внимание на интеллектуальную, социально-духовную, национальную стороны, отражающиеся в картине мира и родном языке.

В работах М. В. Пименовой, посвященных теории концептуальных исследований, отмечается, что ментальность – это «мировидение народа, отображенное в его языке» [4, с. 113]; «фундамент картины мира народа, представляющей собой систему категорий и субкатегорий, т.е. концептуальную сетку, с помощью которой носители языка воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их языковом сознании» [52, с. 96].

Таким образом, можно сделать заключение о том, что ментальность обладает признаками индивидуального, социокультурного, национального, аксиологического, гносеологического, историко-этнического плана.

Антропоцентрическая парадигма привела к расширению области лингвистических исследований. В настоящее время язык изучается в разных научных направлениях:

- когнитивном (В. А. Виноградов, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Карасик,);

- лингвокультурологическом (В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, В. А. Маслова, В. В. Воробьев, А. Т. Хроленко);
- прагматическом (А. М. Шахнарович, Г. Н. Складарская, З. Т. Темиргазина);
- этнолингвистическом (А. С. Герд, Н. И. Толстой, К. В. Чистов, С. А. Арутюнов) и др.

Исследование языка в русле этих направлений является актуальной и в условиях полилингвистического и поликультурного пространства, так как каждый язык, располагая разными способами концептуализации действительности, способен выделить на фоне других языков универсальные и национально специфические черты.

В настоящее время четко обозначились новые синкретичные направления – когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Эти направления представляют собой не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга научные позиции, каждая из которых отличается векторами описания языка по отношению к его носителю.

Особенность когнитивной лингвистики заключается «в ее материале – она исследует сознание на материале языка», и «в ее методах – она исследует когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования» [10, с. 9]. Для когнитивной лингвистики характерно стремление к анализу языковых фактов и языковых категорий в динамической системе «сознание – человеческий опыт» (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, А. Е. Кибрик, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, Е. В. Рахилина, И. А. Стернин, Г. Г. Слышкин и др.).

Рассматривая язык как «важнейшее хранилище коллективного опыта» [44, с. 103], лингвокультурология выдвигает на первый план «проблемы культуры как универсального кода и коммуникации – фундаментального вида взаимодействия между людьми» [23, с. 5].

Для лингвокультурологии свойственна тенденция к исследованию языка в динамике «культура – человеческое сознание» (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, В. М. Шаклеин и др.).

В контексте названных направлений разрабатываются новые теории и подходы, связанные с объяснением языковых фактов, рассматриваемых на междисциплинарном уровне (этнолингвистика, этнопсихоллингвистика, политическая лингвистика,

лингвофилософский, семантико-когнитивный подходы к лингвистическим исследованиям и др.).

Следовательно, в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии для сбора и обработки информации о фактах языка используются научные результаты из других областей наук – этнографии, истории, географии, психологии, социологии, политологии, философии и т.д. В таком ракурсе наиболее актуальными являются концептуальные исследования, направленные на экспертизу концептов, начиная с их реконструкции в этимологическом плане и заканчивая системным описанием структуры концептов с указанием мотивирующих, образных, понятийных, ценностных, функциональных, символических признаков. Выход в концептуальные исследования подсказан разнообразием подходов и многоаспектностью изучения языка как феномена культуры и ментальности народа.

Концептуальные исследования активно развиваются в российской лингвистике, в частности представлены в научных трудах М. В. Пименовой «Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ» [31], «Концептуальные исследования. Введение» [2], «Языковые основы русской ментальности» [52], «Языковая картина мира» [58], сборники материалов международных конференций «Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения» из серии «Концептуальные исследования» и др.

М. В. Пименова дает более подробное описание признаков. В одном из источников отмечается: «Концептуальная структура формируется шестью классами признаков: мотивирующим признаком слова – репрезентанта концепта (иногда могут существовать несколько мотивирующих признаков, это зависит от истории слова), образными признаками (выявляемыми через сочетаемостные свойства слова – репрезентанта концепта), понятийными признаками, объективированными в виде семантических компонентов слова – репрезентанта концепта, ценностными признаками (актуализируемыми как в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом – репрезентантом концепта), функциональными признаками, символическими признаками – выражающими сложные мифологические, религиозные или иные культурные понятия, закрепленные за словом – репрезентантом концепта. Понятие есть часть концепта; понятийные признаки входят в структуру концепта. Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны и переплетены между собой. Эти процессы помогают нам вычленить некий объект – реально или виртуально существующий –

из общего фона подобных объектов, наделить его общими с другими и присущими только ему одному признаками» [31, с. 17].

Итак, целью концептуальных исследований является всестороннее описание концептов, их эволюции, трансформации когнитивных структур и признаков для изучения картины мира, отраженной в языке.

Сущность концептуальных исследований заключается в описании теории концептов, проведении лингвистического анализа в диахронном и синхронном измерении, исследовании когнитивной структуры концептов, включающих знания из разных областей наук. Подобная тенденция к интеграции позволяет говорить о мультидисциплинарном подходе к лингвистическим исследованиям.

Мультидисциплинарный характер концептуальных исследований выражается в разноаспектном анализе концептов, обладающих ретроспективно-перспективными измерениями.

Для данного направления также характерно наличие понятийного аппарата: концепты (базовые концепты, концепты-дескрипторы, концепты-релятивы; исконные и заимствованные, развивающиеся и застывшие, постоянные и трансформировавшиеся, первичные и производные, ведущие и второстепенные), картина мира (языковая картина мира, концептуальная картина мира, наивная картина мира, мифологическая картина мира, фольклорная картина мира, религиозная картина мира, философская картина мира, индивидуально-авторская картина мира), теория концептуальной метафоры, метод концептуального анализа, признаки концептуальных структур (мотивирующие, образные, понятийные, ценностные, функциональные, символические) [4].

Таким образом, концептуальные исследования помогают познать язык «как путь, по которому можно проникнуть в представления людей о мире» [4, с. 7], дать, если не исчерпывающую, то наиболее полную картину мира (наивную, научную, философскую, религиозную, индивидуально-авторскую и др.) путем изучения концептов.

2.3 Опыт анализа ландшафтных концептов в рамках методики концептуальных исследований

2.3.1 Концепт «небо» в мифах, литературе, фразеологии

Ты прожил, как молния,
однажды сверкнувшая и угасшая.
А молнии высекаются небом.
А небо вечное.
И в этом мое утешение.
Ч. Айтматов

Концепт «небо» входит в класс космических ландшафтных концептов.

В традиционном представлении *небо* – это:

- 1) атмосфера, бесконечное пространство, окружающее землю (до неба высоко, далеко; все можно, нельзя только на небо взлезть; как ни мостись, а на небо не влезешь; сколько до неба высоко, по земле широко, до мертвых далеко);
- 2) Вселенная (звездное небо; по небу тучи, облака; солнце на небе; восход и закат солнца на небе; перемены луны; затмения);
- 3) одежда (небо – нетленная риза господня);
- 4) рай, небесное царство (души умерших; духовный мир; душа его в небесах; на 1-м поясе небесные ангелы, на 2-м архангелы, на 3-м начала, на 4-м власти, на 5-м силы, на 6-м господства, на 7-м херувимы, серафимы и многочестия);
- 5) трон, царствие, власть (небо – престол бога; небесам угодно; власть небес);
- 6) жилое помещение (небо – терем божий, купол неба);
- 7) счастье (на седьмом небе);
- 8) мечта (упасть с небес на землю).

В языческом веровании и в христианской мифологии представление о небе связано с ангелами, которые являются безупречными воинами Бога, кроме некоторых из них, когда-то выступивших против Бога. Согласно славянской мифологии, ангел – «дух, созданный Богом, назначение которого служить Богу и нести его волю стихиям и людям» [59, с. 151].

Внешне они обладают «духовным» телом, «огневидны», тела и одежды как бы состоят из чистого сияния, обладают легкостью, быстротой и блистательностью света, «будучи бестелесными, они невидимы для людей», «клик их светлбожественный» (Н. С. Лесков «Запечатленный ангел») [59, с. 151-152].

Ангелы наделены символическими признаками: «Увидеть ангела во сне считалось знаком величайшего счастья и радости».

Ангелы «описуемы, ибо когда находятся на небе, их нет на земле, и посылаемый Богом на землю – они не остаются на небе но они не ограничиваются стенами и дверями, и дверными запорами, и печатями, ибо они – неограниченны» (Преп. Иоанн Дамаскин, VIII в.) [59, с. 151-152]. Среди ангелов выделяются ангелы пустыни, ангелы смерти, ангелы-хранители, архангелы, занимающие более высокое положение в системе ангельской иерархии.

Небесная иерархия представлена девятью чинами, воспринимавшаяся триадами. Первую триаду составляла высшая иерархия, к которой относились серафимы, херувимы, престолы; вторую триаду составляла средняя иерархия – господства, силы и власти; третью – низшую представляли начальства, архангелы и ангелы.

Небо наделено признаками жилища: «ангел-хранитель наблюдает за человеком с неба, из оконца Божьего терема» [59, с. 155].

Своеобразно художественное осмысление концепта «небо» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Описанию неба посвящен следующий фрагмент: «Что это? я падаю! у меня ноги подкашиваются», – подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба, – высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!...».

Как видим, в данном фрагменте небо описывается когнитивными моделями «высокий + небо», «бесконечный + небо»: «высокого неба», «неизмеримо высокого неба», «по этому высокому бесконечному небу», «как же не видал прежде этого высокого неба», «все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба». Перед героем открывается новый мир – мир неба – мир высокого, бесконечного служения человечеству. В данном контексте раскрывается

ценностный признак концепта «небо», связанный с богатством души и внутреннего мира человека. Это и есть то духовное начало, служение всему миру, доброта, открытость, широта, простор, ясность, чистота, которые открыл для себя Андрей Болконский. В душе героя происходит переосмысление ценностей жизни: мечты о своем Тулоне, о славе, которые заставили бы людей почитать его, оставляют его. Теперь перед ним новая дорога...

В древнетюркской мифологии Небо – Верхний мир (в казахском языке вербализуется лексемой «Көк аспан» означает «Синее небо»), Верхнее Божество, связанное с культом Тенгри. В мифах о происхождении тюрков Тенгри – покровитель народа, определяет и вершит судьбу каждого. Слово «Небо-Тенгри» выражает одно из древнейших понятий, принадлежащих мифологическому фонду тюркских народов. Тюркоязычные народы использовали прилагательное «Тенгри», что означает «небесный, божественный» [60]. В монгольском языке это понятие соотносилось с верховным божеством неба. Будучи основателем монгольского государства, Чингисхан «называл источником своей власти волю Тенгри, и начинал свои указы словами «по воле Вечного Синего Неба». Небесному отцу поклонялись как неподвластному времени и бесконечному синему / голубому Небу» [60]. Совсем другое дело – Небо-Тенгри, олицетворяющее Вечность и Бесконечность. Это понятие имеет отношение к мифическому пространству и времени. В тюркской мифологии созданная Тенгри земля была четырехугольным пространством, в центре которого он поселил тюрков. Позже деление мира на четыре стороны света стали связывать с именем Чингисхана (в тексте употребляются собственные наименования «Повелитель Четырех Сторон Света», «Властелин Четырех Сторон Света»), который разделил между своими четырьмя сыновьями завоеванные земли.

Концепт «Небо-Тенгри» занимает особое место в произведении киргизского писателя Ч. Айтматова «Белое облако Чингисхана». Это мифологический образ, представленный в одном из устных преданий кочевья о Чингисхане, представляющем собой, по словам самого писателя, «миф, мало соотносимый с исторической реальностью, но много говорящий о народной памяти...» [61, с. 212]. Проследим, как в данном литературном тексте метафоризируется небесное пространство.

В легенде неоднократно повторяются слова «небо» и «Небо-Тенгри».

Лексема «небо» встречается в легенде о белом облаке Чингисхана несколько раз: «над головой Чингисхана плыло в небе белое облако», «Вновь взглянув на небо и обнаружив то же самое облако над собой, Чингисхан опять не подумал ничего особенного», «Тревожно и тщетно обозревал хаган небеса, прислонив дрожащую ладонь к глазам». В данных фрагментах эта лексема употреблена в значении «необозримое в вышине пространство». Понятие «небо» в данном случае относится к реальному пространству.

Итак, центральным понятием легенды является понятие «Небо-Тенгри», оформленное собственным именем существительным. Известно, что слово «Тенгри» является синонимом слов «Бог» и «Небо». Тенгри мыслится как бог, единый, благодетельный, ведающий «земными судьбами и движением миров». Ему подчинялось все в мироздании, в том числе все небожители, духи, люди и, конечно, Чингисхан.

Так, в легенде дается следующий перечень признаков: «непостижимое Небо, было ему неподвластно, неуловимо и недоступно», перед Небом-Тенгри «он и сам был никем – ни восстать, ни утратить, ни двинуться походом», «оставалось только молиться и поклоняться Небу-Тенгри».

Считая себя могущественным и достойным среди людей, Чингисхан все же находится в состоянии полного подчинения воле Тенгри: «нет-нет, да и закрадывались в душу тяжкие сомнения и опасения, как бы не прогневить Небо, как бы не навлечь на себя небесные кары. И тогда великий хан замирал на некоторое время, подавлял себя в себе, давал подданным слегка передохнуть и готов был принять справедливый укор Неба и даже покаяться».

Чингисхан преисполнен покровительством Неба-Тенгри, который, по его мнению, помогает владеть миром: «В своей безграничной милости Небо не чинило ему помех в его завоеваниях, в приращении господства, и чем дальше, тем больше укреплялся он в уверенности, что у Неба он на особом счету, что верховные силы Неба, неведомые людям, на его стороне. Все ему сходило с рук, а ведь какие только яростные проклятия не призывались на его голову из уст вопиющих во всех краях, где прошелся он огнем и мечом, но ни одно из этих жалких проклятий никак не сказалось на его все возрастающем величии и всеустрашающей славе. Наоборот, чем больше его проклинали, тем больше пренебрегал он стонами и жалобами, обращенными к Небесам»; «Но Небо не гневало, ничем не проявляло своего недовольства и не лишало его своей безграничной милости»; «И Небо терпело! И из этого он делал вывод,

что ему все дозволено. И с годами укреплялся в уверенности, что он и есть избранник Неба, что он и есть Сын Неба». Как видим, в данном фрагменте актуализируется новый признак концепта «небо» – Небо-Отец.

Почитая себя носителем силы, Чингисхан видит объяснение такого покровительства в признании Небом-Тенгри силы: «Божественное Небо покровительствует ему во всех делах потому, что он отвечает помыслам самого Неба-Тенгри, иначе говоря, он – проводник воли Верховного Неба на земле. А Небо, как и он, признает только силу, только проявления силы, только носителя силы, коим он себя и почитал...».

В мировоззрении Чингисхана, который «утверждался в намерении мечом и огнем создать вожделенную мировую империю», Небо-Тенгри предстает как символ власти – владения множеством подлунных миров во Вселенной. Во внутреннем «голосе» Чингисхана звучит мысль о земной власти над людским миром, и потому, «как и всякий смертный, в искренних заверениях и жертвоприношениях умолял он Небо благоволить к нему и покровительствовать ему, помочь твердо владеть людским миром, и, если таких подлунных миров, как утверждают бродячие мудрецы, великие множества во Вселенной, то что стоит Небу отдать земной мир ему, Чингисхану, в полное и безраздельное господство, во владение его роду из колена в колена».

Бог Тенгри «все видит, а дальше судьба зависит только от самого человека, от его мыслей и поступков – каков человек, таким и будет к нему Бог» [60]. Поэтому кровавый пьедестал будущего владыки мира Чингисхана, на который он пытался взойти через жертвоприношение молодых влюбленных, стал последней чашей покровительства Неба: «Дойдя до Итиля, Чингисхан понял, что Небо отвернулось от него. Дальше он не пошел». Так заканчивается легенда о белом облаке Чингисхана.

Глубокий смысл легенды заключается, по нашему мнению, в мудрости изображения тюркского представления о Тенгри, «возвышающего человека, готовящего его к поступку, к подвигу» [60]. Образу Неба-Тенгри, возникающему в представлении Чингисхана как символ власти и силы, противопоставлен образ Неба – символ добра, блага, справедливости и спасения. Это Вечное Синее Небо, подарившее белую тучку кормящей матери, ставшей ею по воле Неба («Небо услышало нас, ты мое выстрадавшее дитя!»), и младенцу, только что лишившемуся кровных родителей. Оно служит творцом мира и жизни.

Таким образом, в структуре концепта «небо», изображенного в произведении, обнаруживается особый признак, связанный с религиозным началом, исходящим из «удвоения мира на земной, несовершенный и мир небесный, совершенный – мир Бога» [58, с. 57]. Вечное Синее Небо представляет собой божественную справедливую власть над миром земным.

В структуре концепта «небо» обнаруживается признак, который можно представить моделью «Небо и его посланники». Согласно мифам, на Земле (в Нижнем мире) посланниками Тенгри выступают птицы и звери: «Великий Тенгри, в образе ворона пролетая над миром, увидел несчастного и стал кормить его мясом. Через некоторое время послал Тенгри к нему волчицу, которая сберегла и вырастила его», «Народ не знал, кому верить. Тогда решили Камы, что встанут братья у подножия дерева и станут ждать знака Тенгри. Как только взошло утреннее Солнце, братья встали под кроной Байтерека. Через некоторое время могучий орел слетел с дерева и, совершив семь священных кругов, опустился на голову Ашины», «имя Ашина означает благородный волк», «в память о прамати, тюрки называют себя вскормленными молоком волчицы», «в знак уважения к ворону, который не дал прародителю тюрков погибнуть в болоте, золотой род Ашина стали называть родом золотой птицы или золотого красного ворона», «В давние времена, когда жил прародитель тюрков Огуз-хан, великий Тенгри с утренней зарей послал в его юрту луч, подобный солнечному. Из этого луча возник сивогривый волк, который передал Огуз-хану повеление Тенгри «Веди народ и беков, Огуз-хан. А я буду показывать дорогу». Долго шли тюрки за сивым волком, разбились они в пути на запад многих врагов. Нашли они землю с обширными пастбищами, полноводными реками, размножились их стада, были усмирены враги. А волк вернулся в Синее небо» [54].

В древних сказаниях фигурируют образы сокола, ястреба, божественного орла – сына самого Тенгри, который восседает на самом верху Байтерека и оглядывает своим взором все мировое пространство. Заметив врагов, он бросается навстречу им и вступает в битву. Существует поверье, если будущая мать видела во сне одного из этих птиц, то у нее родится сын.

Байтерек – дерево, символизирующее дорогу на небеса, к престолу Великого Тенгри: «Тот, кто взберется на Байтерек и окажется выше всех братьев, а значит и ближе всех к Тенгри, тот и станет каганом», «Тамга кипчаков – два столба, символ Байтерека. Они же символизируют Млечный путь.

Поэтому кипчаков называли млечнопутниками, а их ураном-кличем был «айбас». Одной из тамг племени канглы, жившего рядом с кипчаками, был тот же столб с изображением обрамленной лучами полной луны. Их ураном был Байтерек».

Также в мифах говорится о горе (Тянь-Шань подобно греческому Олимпу), вершина которой приближена к небу. Приведем пример.

«Один правитель имел двух дочерей. Он был таким гордым, что решил, что его зятем может быть только сам Тенгри. А где может обратить свое внимание на девушку Тенгри? Только на вершине горы, поближе к небу. Долго сидели девушки на вершине горы, но так никого и не дождалось. Но младшая увидела у подножья горы волка и решила, что это и есть сам Тенгри и вышла за него замуж. От этого брака произошел род теле...».

В Казахстане известен пик Хан-Тенгри – высочайшая точка Тянь-Шаня, о существовании которой упоминал известный путешественник и географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Это мифологическая вершина гор, сохранившаяся в легендах как обиталище Бога небес – Тенгри.

Приведем еще пример о сакральности неба в мировидении казахов. Название «Тенгри», пишет известный казахский этнограф А. Т. Толеубаев, «по мнению М. П. Хомонова, образовалось в период общности алтайских языков и состоит из двух компонентов: тэн (свод, арка, столбы) и гэр (юрта, дом, жилище). На наш взгляд, особая сакрализация шанырака объясняется его связью с двумя важнейшими древнетюркскими культами – Тенгри и предков» [62, с. 158–159].

Рассматривая семантику шанырака, ученый дает следующее объяснение модели мира казахов на примере юрты: «В культурном горизонте юрты также можно выделить четыре части: «төр», «есік», «оң жақ», «сол жақ». Таким образом, культурный горизонт юрты в плане представляет собой четырехугольник (квадрат), заключенный в круг, Купол, образуемый уыками и шаныраком, соотносясь с квадратным культурным горизонтом, символизирует соединение Неба и Земли» [62, с. 158].

В мифах обнаруживаем следующее: «Великие каганы рождались от солнечных лучей, которые проникали в юрту через шанырак. От солнечного света, проникшего в юрту, родились предки Чингиз-хана. Огуз-хан, предок тюрков, также был рожден от солнечного луча и сам женился на небесной девице». Знаком верховной власти является сгусток крови в руках родившегося младенца, что говорило об особом отношении Тенгри – кут (дар) к человеку. Подобный кут был «у Манаса, Чингисхана, Огуз-хана и других древних правителей Степи».

Считалось, что без предписаний Тенгри к человеку не приходит смерть («ажал»). Так, в казахской легенде о Чингисхане рассказывается о том, как бог Неба Тенгри повелевает назвать его. Также упоминается белый конь, летающий по небу. Прослеживается культовое значение белой лошади: согласно казахским воззрениям, «при избрании хана казахи производили над ним ритуальное омовение молоком белой кобылы (боз биенің сүтіне шомылдыру)» [62, с. 146]. Для подтверждения данных слов приведем полностью текст легенды.

В стародавние времена людей лечили знахари, которых в народе называли бахсы (латинское «вакх», древнегреческое «Бахус» – бог врачевания, вина и плодородия). Бахсы имели значительный вес у кочевников, чаще всего ими становились люди по призванию. Бахсы до прихода исламской религии в Великую степь исполняли роли святых провидцев и врачей. С ними весьма считались бии, ханы и батыры.

Когда каган монголов Темирши (Темучжин) приобрел значительную власть, появилась необходимость дать ему титул, подобающий его величию. Для этого был созван курултай, и мудрецы стали обсуждать разные предложения по присуждению титула вождю. Темучжину понравилось предложение бахсы Кокше из рода Кобырат, который обратился к молодому предводителю так: «Темирши теперь должен стать Великим ханом, и мне от бога Неба Тенгри было повеление называть его Шын кус хан. С той поры все стали называть Темирши Шынгысхан, Тенгизхан, Чингисхан.

Сам бахсы Кокше утверждал, что он летает на своем белом коне по небу и иногда привозит вести от бога Неба Тенгри. Люди называли бахсы Кокше «Олицетворением Небесного Тенгри», «Портретом бога Неба Тенгри», «Тангри буты».

Таким образом, в казахской мифологии Тенгри – бог неба, создатель мира земного, отправляющий на землю птиц и животных, не только оказывает помощь, но и требует активности от представителей земного мира. Поэтому казахский народ, как носитель древнетюркских верований, не ждет милостей от неба, а живет в гармонии с ним и действует сам при его поддержке.

Итак, в структуре концепта «небо» отмечены следующие когнитивные модели концепта «небо»: Небо – Бог, Небо – воинство, небо – общество, Небо – Отец, Небо – повелитель, Небо – жилище и др.

Вместе с тем для данного концепта характерны ценностные и колоративные признаки (бирюзовое небо, небо в алмазах, небо – голубое, синее, лазурное, светлое, свинцово-темное, иссиня-черное).

Материалом исследования концептов являются фразеологизмы, в основе которых заложены представления об окружающем мире. Так, фразеологизмы с компонентом «небо» и «земля» созданы на основе архетипических представлений о небе и земле в рамках оппозиции верх / низ. В мифологических традициях древних славян и тюрков небо отождествлялось с верхним миром божества, земля – с средним и нижним. Такое представление легло в основу фразеологизмов сравнительно-оценочного характера «как небо и земля» («ничего похожего, полная противоположность»), «как небо от земли» («очень сильно, резко отличаться»).

Основу многозначного фразеологизма «между небом и землей» составляют признаки:

1) неценностные, лишенные ценности: бедность, отсутствие жилища как основного места обиталища человека (ср.: небо и земля – обиталище богов, небожителей, ангелов, духов, пери и т.п.). Возможно, этим объясняется значение «Без жилья, без крова жить, существовать»;

2) антиценностные, находящиеся в бинарной оппозиции определенности / неопределенности, постоянства / непостоянства, стабильности / нестабильности в деятельности или внутреннем психологическом состоянии (ср.: небо – олицетворение верхнего мира, земля – среднего и нижнего миров, между ними – вакуум, невесомость, неопределенность, подвешенное состояние), поэтому в таком переосмыслении фразеологизм означает «Без определенных занятий, быть / находиться в неопределенном положении».

Говоря о фразеологизме «на седьмом небе», означающем «высшую степень радости, счастья, блаженства», следует обратить внимание на категорию числа «семь», ценность которой заключается в идее общего мироустройства Вселенной, его божественности и совершенства. Это число значимо для всех народов, в том числе славянских и тюркских.

Известный казахстанский этнограф А.Т. Толеубаев отмечает, что «число семь как один из универсальных параметров модели мира различных культурных традиций связано с религиозно-мифологическим характером видения мира» [62, с. 168].

Число семь активно употребляется в русских пословицах о Вселенной: «На семи поясах бог поставил звездное течение». «Над семью поясами небесными сам бог, превыше его покров».

На 1-м поясе небесные ангелы, на 2-м архангелы, на 3-м начала, на 4-м власти, на 5-м силы, на 6-м господства, на 7-м херувимы, серафимы и многочестия» [38, с. 228].

В книге Н. С. Ашукина, М.Г. Ашукиной «Крылатые слова» [39]. названы источники выражения «на седьмом небе», которые восходят к Корану («О семи небесах упоминается в различных местах Корана; самый Коран был якобы принесен ангелом с седьмого неба»), к греческому философу Аристотелю, который в своем сочинении «О небе» объясняет устройство небесного свода («Он полагал, что небо состоит из семи неподвижных кристалльных сфер, на которых утверждены звезды и планеты»).

Таким образом, ценностно-оценочные признаки этих фразеологизмов основаны на древних верованиях и представлениях о небе и земле, когда человек считал себя частью природы и не отделял себя от нее. Ответы на многие вопросы о сущности бытия он искал в сравнении и сопоставлении с окружающим миром, находил много общего между собой и природой, интерпретировал и вкладывал определенный смысл в языковые знаки.

2.3.2 Концепты «облако / тучка» в художественной интерпретации

Облако / тучка – ландшафтные концепты, в структуре которых обнаруживаются признаки метафорического характера. Традиционно в науке различают разные виды облаков: кучевые, слоистые, перистые, дождевые, высокие. По внешним признакам облака бывают пышные, дымчатые, объемные, плоские. Проследим описание данных концептов в художественном тексте.

Так, в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» дано описание бурана в зимнее время года. Приведем фрагмент.

«Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по снегу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

- Барин, не прикажешь ли воротиться?

- Это зачем?

- Время ненадежно: ветер слегка подымается; – вишь, как он сметает порошу.

- Что ж за беда!

- А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток).
- Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.
- А вон – вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!»... Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом – и скоро стали».

В данном контексте речь идет об облаке, предвещавшем буран. По каким признакам герой определяет о приближающейся снежной стихии?

Обратимся к народным приметам, предсказывающим непогоду такого характера: ветер к вечеру усиливается, к ухудшению и перемене погоды; солнце садится в большое облако – возможен буран; облака идут против ветра к снегу.

Действительно, в тексте встречаем «Солнце садилось» – дело идет к вечеру; «ветер слегка подымается... сметает порошу»; «белое облачко, по словам ямщика, предвещало буран»; «ветер становился сильнее»; «облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо»; «темное небо смешалось со снежным морем». Мы находим подтверждение тому, что эти приметы свойственны русскому народу и имеют многовековые корни на основе непосредственного опыта, наблюдений, представлений и верований народа. Эта национальная особенность нашла свое отражение в произведении русского писателя.

В изображении параллельных историй жизни героев и миров в повести Ч. Т. Айтматова «Белое облако Чингисхана» присутствует

образ-символ «белое облако» как художественное отображение небесного благословения действий человека.

В тексте понятие «облако» наделено следующими концептуальными признаками:

Облако – природное явление: «Над головой Чингисхана всю дорогу, заслоняя его от солнца, плыло облако. Куда он – туда и облако», «белое облако в вышине, никуда не отклоняясь, плавно плыло перед взором Чингисхана», «облачной ночью», «кружила над головой одинокая белая тучка», «И никому из идущих в походе облако не бросилось в глаза, никому не было до него дела, никто и не предполагал, что средь бела дня свершилось чудо», «Вновь взглянув на небо и обнаружив то же самое облако над собой, Чингисхан опять не подумал ничего особенного».

Облако – сбывшееся предсказание прорицателя: «Чингисхан снова обратил внимание на знакомое облако над головой – уже в третий раз. И тут только сердце его екнуло», «Вот оно перед взором, чудесное облако, заведомо предсказанное бродячим прорицателем, который чуть было не поплатился головой за свое юродство», «И лишь он, великий хаган, возглавляющий степную армаду и ведущий ее на новое покорение мира, понял великий смысл появления белого облачка и был поражен невероятной догадкой, и то верил, то не верил в возможность такого неслыханного явления», «Чингисхан случайно глянул ввысь, но не придал никакого значения небольшой белой тучке, медленно плывущей, а возможно, и замерзшей на месте как раз над головой, – мало ли тучек слоняется по миру».

Облако – спутница: «А белое облако в вышине, никуда не отклонялись, плавно плыло перед взором Чингисхана, восседавшего на своем знаменитом иноходце Хубе», «Под седлом у него шел размеренным тропом, любимый иноходец Хуба с белой гривой и черным хвостом, и, тайно радуя взор, подымая в сердце хагана и без того с трудом сдерживаемую гордыню, над головой его, как всегда, плыла неразлучная спутница – белая тучка».

В данном тексте в концепте «облако» присутствует постоянный эпитет «белый» (белое облачко). В казахском языке белое переводится «ак», что означает «белый, светлый, чистый». В структуре концепта «облако» цветовой признак «белое» вступает в оппозицию с признаком «черный» (В первый же день выхода в поход, когда все тумыны, обозы и стада двинулись на Запад, заполнив все пространство, подобно черным рекам в половодье, меняя в полдень на ходу притомившегося коня, Чингисхан случайно глянул ввысь, но не придал никакого значения небольшой белой тучке, медленно

плывущее, а возможно, и замершей на месте как раз над его головой...).

Облако – живое существо: «белая тучка, величиной с большую юрту, следовала за ним, точно живое существо», «облачко покинуло хагана», «маленькое белое облачко тихо кружило над головой».

Облако – «особый знак с высоты»: «– Я пришел к тебе, великий хаган, сказать, что волею Верховного Неба будет тебе особый знак с высоты.», «Какой знак, и откуда тебе это известно?», «что касается знака, то скажу, над головой твоей будет являться облако и следовать за тобой», «– Облако?! – не скрывая изумления, воскликнул Чингисхан, резко вскидывая брови», «Да, облако, оно будет перстом Верховного Неба, благословляющего твое высочайшее положение на земле. Но тебе надлежит беречь это облако, ибо, утратив его, ты утратишь свою могучую силу...», «Белое облако – послание Неба Небесному Сыну».

Облако – символ: «белое облако над головой как символ», «знак одобрения и благословения, провозвестник великих грядущих побед».

Облако – драгоценный головной убор, корона, символ власти: «белое облако..., как венец великой предначертанности». Слово «венец» в данном случае можно воспринимать как ореол белого и светлого в образе белой тучки.

Облако – вдохновение, внутреннее состояние, уверенность: «доволен, счастлив был Чингисхан», «Потом он снова укреплялся духом и верил, что это облако не пустое, что оно не исчезнет вдруг, что оно ниспослано Небом как знак, и тогда его охватывала радость, ощущение могучей окрыленности, веры в свою прозорливость, в безошибочность предпринятого им похода на завоевание Запада, и он еще больше утверждался в намерении мечом и огнем создать вожделенную мировую империю».

Облако – спасение: «Только мы с тобой в целом мире, только мы с тобой, горемычные, и только белая тучка в небе, даже птица не летит, только белая тучка кружит...», «Озираясь вокруг в том бескрайнем пространстве, не заметила, не увидела она ничего, ни единой души, ни единой твари, только солнце светило, и кружила над головой одинокая белая тучка».

«Белая тучка» в религиях тюркских народов является символом чистого, божественного начала. Поэтому, пока Чингисхан творит дела земные, небеса к нему благоволят. Однако, как только он начинает решать, кому жить, а кому умереть, небесная защита – тучка,

летевшая над головой великого хагана, закрывающая его от палящих лучей солнца, – исчезает...

Итак, концепты «облако / тучка» в художественной интерпретации обретают новые метафорические и категориальные признаки: образные, символические, ценностные.

2.3.3 Анализ концепта «звезда»

Звезда, являясь частью небесной ландшафтной сферы, светит одинаково всем и вызывает разные ассоциации. В «Словаре русского языка» находим следующее толкование:

1. Небесное тело, видимое простым глазом в форме светящейся точки на небе. Полярная звезда. Звезда первой величины (также перен.: о выдающемся деятеле искусства, науки). Верить в свою звезду (перен.: в свое назначение, в свою судьбу). Восходящая звезда (также перен.: о человеке: новая знаменитость). Звезд с неба не хватает (перен.: о заурядном, ничем не примечательном человеке).

2. О деятеле искусства, науки, о спортсмене: знаменитость. Звезда экрана.

3. Геометрическая фигура, а также предмет с треугольными выступами по окружности. Пятиконечная звезда. Морская звезда (животное) // прил. Звездный (к 1 и 3 знач.) Звездная карта. Звездная ночь (с хорошо видимыми звездами). Звездный поход (с разных направлений к одному пункту). Звездная болезнь (о самомнении, высокой самооценке знаменитостей, обычно в спорте; разг. шутол.). Звездный час (высок.) – момент высшего подъема, напряжения и испытания сил [63, с. 8].

На основе словарных статей выделены такие признаки концепта «звезда», как:

- 1) составляющая небесного ландшафта;
- 2) предназначение, судьба;
- 3) знаменитость;
- 4) геометрическая фигура, символ;
- 5) путеводитель (звездная карта);
- 6) животное;
- 7) характер, состояние;
- 8) интеллект.

Анализ источников позволил выявить когнитивные модели. Рассмотрим их.

Звезда – небесное тело.

Распространение света (сияние, свет, блеск, яркая, светящаяся точка, светило, маяк вселенной, пульсар, квазар), цвет (оранжевая звезда, бледно-оранжевое сияние, красный гигант, яркая, голубовато-белая звезда), расположение (на небе, вверху, над Землей, высоко, над головой, на востоке, в южной части неба), состав (ядро, запас водорода, раскаленные газы, плазмы), аналогия (сходно по своей природе с Солнцем), время суток (звезды ранним утром, ночная, вечерняя), время года (на темном весеннем небе, на ярком летнем небе, звезда на небе в долгие зимние ночи, осенним вечером найти 4 яркие звезды), возраст (старая / молодая, новая, 420 миллионов лет, в десять раз моложе Солнца), жизнь – смерть (умершая звезда, родилась звезда), фигуры из звезд (трапеция, равнобедренный треугольник, стрела, крест), видимость (видна с Земли только на ночном небе, в безоблачную ночь), величина (звезда-гигант, Малая звезда, звезда второй величины), количество (более 100 млрд. звезд, одинокая звезда, созвездие – группа звезд).

Звезда – геометрическая фигура, символ.

Звезда – это фигура с остроконечными выступами, равномерно расположенными по окружности; фигура с лучами, исходящими от центра. Различают звезды по количеству углов, расположенных симметрично и соединяющихся друг с другом способом правильного многоугольника: четырехконечная, пятиконечная, шестиконечная, семиконечная, восьмиконечная...

Четырехконечная звезда – знак месопотамского бога солнца Шамаша, символ путеводности и правильности.

Пятиконечная звезда или пентакль, символ защиты, охраны и безопасности. В исламе пятиконечная звезда символизирует соединение пяти столпов религии (свидетельство веры, намаз – молитва, зекет – пожертвование, ораза – пост в течение месяца Рамазан, хадж – паломничество к храму Каабы в Мекке). Пятиконечная красная или золотая звезда – символы Советского Союза, военная эмблема Красной Армии. С пятью и восемью лучами обычно изображается Вифлеемская звезда.

Шестиконечная звезда – звезда Давида – иногда служит обозначением Полярной звезды, а также символизирует рождение.

Семиконечная звезда – один из древних символов Востока, древних цивилизаций. В зарубежной эмблематике употребляется при желании выразить понятие звезды вообще, когда стараются избежать ее определения и как военной, и как религиозной.

Восьмилучевая звезда, связанная с созиданием и плодородием, была эмблемой богини Иштар в поздней ближневосточной традиции и

Венеры (на вечернем небе). Основные семантические признаки Вифлеемской звезды: символ отдельной человеческой жизни, отдельной человеческой судьбы, указатель пути к возвышенной цели, символ всеобъемлющей любви.

Пятиконечная звезда (пентаграмма) и шестиконечная звезда (гексаграмма) наиболее важны среди звездных символов, их значение требует специального рассмотрения.

Звезда – торжественное шествие, праздник.

В структуре концепта «звезда» можно определить признаки торжественного военного смотра и шествия. Парад звезд – это одно из астрономических явлений, которое происходит каждую ночь. Околополярные звезды совершают движения по определенной траектории, описывая круги вокруг небесного полюса. Особенностью парада планет 2012 года является выстраивание в линию не только планет солнечной системы, но и планет других звездных систем, при котором образуется линия от центра галактики.

Звезда – танец.

Признаки праздника достаточно разнообразны и связаны с танцевальными движениями: звездный бал, звездные танцы, звездный вальс, танцуют звезды и луна, на темном небе танцуют звезды и т.п.

Интересно в этом плане стихотворение П. Малова «Звездный вальс».

На небе тихо и темно –
Галактики веретено,
Лишь звезды яркие с Луной
Танцуют звездный вальс ночной.
Звезду рукой достать бы мне,
И с ней побыть наедине,
Но скажет мне звезда во тьме,
– Сегодня звезды не в цене!..

И вдруг неведомо куда
Пылающей стрелою
Сорвется, падая, звезда,
Вновь растворяясь мглою.
Я крикну в небо невпопад,
– Не падай, подожди!..
Красив, конечно, звездопад
И звездные дожди,
Но есть превыше интерес,
Чем, стоя на майдане,

Ждать по ночам паденья звезд,
Загадывать желанья.
Пусть недоступна высота,
Но нет её прекрасней,
Есть у меня одна мечта –
Кружиться в звездном вальсе.

Видны все звезды из окна,
Но мне нужна лишь та одна –
Упавшей числится она,
И стала больше не видна.
Эй, звезды!.. Попрошу я вас!?
Верните мне её сейчас!?
Приди на помощь мне, Пегас!?
Я доиграю звездный вальс!..

Признаюсь, я не астроном,
Найти звезду не просто,
Когда еще они при том
Рассыпаны, как просо.
Душа на небо улететь
Попросится беспечно,
Я знаю, что нельзя глядеть
Так долго в бесконечность.
Там в световых миллиардах лет,
Жизнь – лишь одно мгновенье,
И нас уже, быть может, нет –
Осталось звезд свеченье.
Искать начало всех начал!..
А все-таки не поздно,
Вернуть на этот дивный бал
Сгорающие звезды.

У всех созвездий на виду
Шагнул, и в небо я иду –
Не в пропасть, и не в пустоту –
Как можно выше – в высоту...
И тем дорога хороша,
Что не по лезвию ножа,
А ввысь летит моя душа
Живым подобием стрижа.

Огни земные вижу я,
А дальше – Млечный путь,
И стала маленькой Земля,
Назад мне не свернуть.
Безумны пусть мои мечты,
Лишь сил хватило мне бы,
Я долечу до той звезды,
Верну её на небо.

И вот, среди миров иных –
Заветный свет знакомый,
Звезд в небе много созданных,
Я лишь одной влекомый.
Играет музыка для нас –
Планетной флейты звуки,
Звезда со мной танцует вальс,
И обжигает руки.

В концептуальном отношении стихотворение построено на параллелях «Звезда – душа», «звезда – любовь».

Звезда – путеводитель (Звездная карта).

Звезда – животное (Морская звезда, собственное наименование животных «Звезда», «Звездочка», «Акжулдуз»).

Звезда – состояние человек (Звездная болезнь, звездная жизнь).

Звезда – интеллект (Хватать с неба звезды, не хватать звезд с неба).

Звезды – окна, откуда ангелы смотрят (Когда человек умирает, небесное оконце захлопывается и люди могут увидеть, как падает звезда «с выси небесной на грудь земную»).

Звезда – предназначение, судьба (Верить в свою звезду; где-то светит твоя звезда; путеводная звезда).

Звезда – знаменитость (Звезда первой величины; Ни одной зимы не проходило без того, чтобы не приезжала какая-нибудь звезда. А. П. Чехов «Живая хронология»).

Одним из основных мотивирующих признаков данного концепта является колоративный («сияние, свет, блеск», «светлый, ясный, чистый»), выделенный с помощью этимологического словаря. Однако этих сведений недостаточно, чтобы выявить наиболее полную структуру концепта, который значительно шире, сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова. Представим другие концептуальные признаки.

Ценностные признаки (Звезды – сокровища, золото, алмаз. Сокровища звездного неба. Небо, усеянное алмазами – звездное небо. Золотая россыпь на небе).

Также актуальна когнитивная модель «Золотая Звезда героя – мужество, отвага, героизм».

Мифические признаки. Звезды и созвездия наделены собственными именами: Альфард, Арктур, Альдебаран, Регул, Денебола, Сириус, Майя, Звезда Соломона, Алькор, Альтаир и т.п. В основе своем названия звезд и созвездий связаны с древнегреческими, арабскими, китайскими мифами. К примеру, звезду Альфард арабы называют «позвоночник Змеи» (Гидра – водяная змея, которую согласно мифам древних греков победил Геракл).

Многие названия звезд даны древними людьми, которые делили небо на воображаемые фигуры животных в соответствии с конфигурацией звезд (Большая и Малая Медведица, Большой Пес, Лев, Дракон, Кентавр, Лебедь, Орион). Звезду Акраб в созвездии Скорпиона греки называли Рафиас, что означает «краб». Другие имена даны в честь мифических персонажей (Андромеда, Кассиопея, Персей и др.) Андромеда в греческой мифологии – дочь эфиопского царя Цефея и царицы Кассиопеи. Персей спас Андромеду от морского чудовища, посланного Посейдоном. На небе все персонажи этой легенды расположены рядом.

Для казахского языка также характерны собственные наименования звезд – Темірқазық (Полярная звезда), Шолпан (Венера), Үркер (Плеяды), Жеті қарақшы (Большая Медведица), Айдахар (Дракон). В рукописях Юсуфа Баласагуни Темірқазық имеет дословный перевод – «Железный кол».

В представлении древних казахов звездный небосвод – это своеобразное отражение жизни на земле. Ежегодные сезонные кочевки (қыстау, жайлау, көктеу, күздеу) сопоставлялись с перемещениями ночных звездных светил. Например, выражение «үркерлі айдың бүрі қыс» в переводе означает «следом за месяцем, когда сияют звезды Үркер, грядет зима».

В казахском фольклоре существует несколько легенд, связанных с этими звездами. Вот одна из них «Жили братья Уркеры, и была у них единственная сестренка, которую звали Ульпильдек. Семь разбойников Кырана, похитив Ульпильдек, бросились в бега. С тех самых пор и бегут по небу похитившие девушку Семеро Разбойников, а братья Уркеры их преследуют».

Приведем другой интересный факт: звезды являлись объектами преклонения перед Вселенным, что наглядно отразилось на именах Шолпан, Венера (Утренняя звезда), Жұлдыз (Звезда), Альдаир (Альтаир). Казахи всегда вкладывали особый смысл в имя ребенка (пусть жизнь будет яркой, светлой, высокой как у звезд и др. смыслы). В русском языке нет собственного имени человека «Звезда». В украинском языке эквивалентом являются имена Зоряна, Зорян (от зори – звезда), в белорусском – Стела.

Знаковые признаки. Существует поверье, если увидишь падающую звезду и, пока она не погасла, успеешь загадать желание, оно непременно исполнится, так как ангел на этом своем пути никому и ни в чем не отказывает и исполнит желание, или, по другому поверью, донесет просьбу до Господа [59, с. 155].

Итак, в структуре рассматриваемого концепта можно выделить множество моделей: «звезда – подарок», «звезда – судьба», «звезда – любовь», «звезда – дорога», «звезда – известная, популярная личность», «звезда – спортсмен», «звезда – надежда» и др.

2.3.4 Анализ концепта «дорога»

Исходным материалом для изучения особенностей признаков концепта «дорога» послужили словари разных типов, в которых указаны основные значения, лексико-семантические варианты многозначных слов, их понятийное содержание. Литературная проза позволила провести анализ структуры концептов через их сочетаемостные возможности, определить сложившиеся и новые, «свежие» коннотативные признаки: образные, экспрессивные, эмоциональные, функциональные. Говоря о литературной прозе, мы имеем в виду литературные источники разных стилей.

При анализе концептов руководствовались принципами учета маркированности как способности к стилистическому видоизменению в зависимости от конкретной лексико-синтагматической связи и дискурса; принцип учета стилистической диахронии и синхронии. В русле традиционных исследований функционирования языковых средств стилистика изучает факты стилистической дифференцированности лексико-фразеологических единиц, их принадлежности к определенному стилю, универсальности или вариативности в разных стилях речи, специфику стилистических функций грамматических форм и синтаксических конструкций. В нашей работе речь идет о стилистической канве, обнаруживающей

специфику концептуальных признаков в научном, художественном, медиа и др. дискурсах.

Принцип учета стилистической диахронии и синхронии проявляется при выявлении языковых и концептуальных особенностей современной лексики, так как в последнее десятилетие появляются тенденции к новой интерпретации имеющихся в русском языке слов или активизации заимствованной лексики. Этот принцип определяет характер работы с новыми концептуальными признаками.

Так, сравним значение лексемы «дорожный» в сочетаниях «дорожное строительство», «дорожная карта».

В первом случае речь идет о строительстве, прокладывании дорог.

Во втором сочетании новый признак – «направление деятельности, пути развития бизнеса, занятости, пути снижения уровня безработицы» определяется в контексте антикризисной государственной программы.

Другим, немаловажным признаком считается употребление синонимов из класса современных заимствований или «слов-аналогов» [64, с. 19]. Например, наряду со словом «дорога» в русском языке активно употребляются соотносительные с данной лексемой по смыслу слова «автобан», «тракт», «хайвей», «шоссе», отражающие инокультурное представление о мире, зарубежную социально-экономическую систему.

Различные концептуальные признаки можно проследить на материале словаря заимствований [64]. Так, слово «автобан» (нем. Autobahn < auto автомобильный + Bahn дорога, путь) определяется как широкая магистраль для скоростного движения автомобилей. Хайвей (англ. highway главный путь, основная дорога) – скоростная автострада с односторонним движением (употребляется применительно к зарубежным странам). Шоссе (фр. chaussee) – дорога для автомобильного движения, имеющая твердое покрытие (из асфальта, бетона и т.п.). Тракт (польск. trakt, нем. Trakt < лат. tractus полоса, след. < trahere тащить, тянуть) – большая наезженная дорога. Первоначально такая дорога была почтовой. В представлении носителя языка, из которого заимствована данная лексика, складываются разные ассоциации – ассоциации с размерами, скоростью, покрытием и др. Как показывают примеры, концептуальные признаки каждой лексемы различаются, сохраняя при этом внутреннюю форму слова – «полоса земли, предназначенная для передвижения» [63].

Представим мотивирующие признаки слова «дорога» на основе этимологических словарей. М. Фасмер так объясняет происхождение данной лексемы: «укр. дорога; блр. дарога, сербск.-цслав. драга «долина», серб.-хорв. драга, словен. draga «овраг, лощина», др.-чеш. draha «дорога», польск. droga «дорога», в.-луж. droha «след, дорога, улица», н.-луж. droga «улица». // Из и.-е. *dorǵh – связано с дергать» и означает «продранное в лесу пространство» [65].

Н. М. Шанский указывает на образование слова «дорога» из общеславянского языка «с помощью суффикса -г(а) от той же основы, что и дор – «расчищенное место», дьрати – «драть». В свою очередь «драть» образовано «с помощью суффикса -ати от основы дьр-, соответствующей лит. dirti – «сдирать», дергать. Последнее восходит к общеславянскому индоевропейскому характеру от основы дьрг-, производной с помощью суффикса -ати [66].

Мотивирующими признаками лексемы «дорога» являются «долина», «овраг», «лощина», «след», «улица», «драть», «дергать». Внутренняя форма концепта «дорога» связана с пейзажем.

М. В. Пименова выделяет анализируемый концепт как ландшафтный в классе космических. Это один из активных, развивающихся концептов, составляющих фундамент языка и всей картины мира. Определим другие смысловые признаки на материале словарей, пословиц, художественного текста.

В. И. Даль указывает на следующие признаки: «ездовая полоса; накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяжение для езды, для проезда или прохода» [38, с. 217].

Вместе с тем автором выделяются виды дорог: «большие, т.е. общие, почтовые и торговые; малые – уездная, от городка до городка, в стороне от больших; проселочные – от селенья к селенью, в стороне от малых. Железная дорога – железянка или чугушка; шоссе – каменка или щебенка; простая, или битая, торная, накатная. Гужевая дорога – конная, где проезжают лошадьми; верховая и пешая или тропа. Столбовая дорога – мерная с верстами. Сажена или просадью – обсаженная деревьями. Дорога локтями – зубцами, частыми поворотами. Дорога пластом – прямая и уделанная» [38, с. 217].

С. И. Ожегов выделяет такой признак, как «узкая полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения» [63].

В соответствии с названными признаками используются пословицы, в которых наиболее ярко проявляются основные свойства анализируемого концепта. «Большая дорога не стоит (т.е. ее торят)» – ее прокладывают. «Долог путь, да изъездчив. И круты горы, да забывчивы» – о преодолении длинной дороги, об опасности горных

дорог. «Где дорога, там и путь. Где торно, там и просторно» – об удобстве проложенных дорог. «Не бойся дороги, были б кони здоровы» – о дороге на перекладных. «Дорога – хоть кубарем ступай». «Ночь, как день: дорога, как скатерть – садись да катись!» – о гладкой и ровной дороге. «Затем дорогу золотом устлали, чтоб железо ела» – об усовершенствовании строительства дороги с помощью каменного материала, щебенкой. «Ни конному, ни пешему ни проходу, ни проезду» – о непроторенной, нехоженой дороге. Определение смысла пословиц позволяет выявить характерные признаки концепта «дорога». Дорога – прокладывается, проводится, протапывается ходьбой; дорога – ровная, неровная, гладкая, изъезженная; дорога прокладывается щебенкой, измельченными камнями; опасная дорога в горной местности быстро забывается; дорога преодолевается при помощи средств передвижения, запряженных лошадьми.

Развитие экономики и транспорта расширило современное представление о дороге. В научном освещении концепт «дорога» является объектом строительства или организации дорожного движения. Сочетаемые возможности представлены терминами и определениями, свойственными научному дискурсу:

1) дорога как объект строительства – автомобильные дороги с твердым покрытием, цементобетонные и асфальтовые, черные гравийные, грунтоасфальтовые дороги; черное шоссе; благоустроенные дороги; транзитная дорога, магистраль; дороги республиканского и местного значения; скоростная трасса, автострада, автобан; дорога-серпантин – извилистая (с резкими поворотами, крутыми подъемами и спусками) дорога в горной местности; кольцевая дорога;

2) дорога как объект организации движения и перевозок – главная дорога, обозначенная специальными знаками по отношению к пересекаемой (примыкающей), автомобильная дорога общего пользования, хозяйственная автомобильная дорога, улица города и населенного пункта для движения транспортных средств.

В медиадискурсе «дорога» концептуализируется признаками социальной оценочности и актуальности события, происходящего в обществе. Например, сегодня в прессе актуализирована тема освоения космического пространства в связи с полувековой датой со дня полета человека в космос. В контекстах «Ю. Гагарин открыл для человечества дорогу в космос». «Звездная дорога началась 50 лет тому назад». «Дорогу в небо проложили первые летчики-испытатели» и др. данный концепт актуализируется в переносном значении – значении «начало космической эры, открытие космического пути».

Художественный текст вносит в концепт образный признак, который создается под углом зрения авторского размышления или восприятия литературного персонажа. В повестях А. С. Пушкина сочетание «дорога скверная» («Станционный смотритель») отражает отрицательную оценку дороги путешественниками, вымещающими на смотрителе всю досаду, накопленную во время долгой и скучной езды в непогоду. «Зимняя дорога» создает картину зимнего пейзажа, «скучная дорога» передает состояние тоски и грусти лирического героя.

В поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» наблюдаются другие образные признаки дороги. Дорога русской губернии, по которой едет Чичиков, – говорящая деталь. С одной стороны, перед губернатором он как-то вскользь намекает на то, что «в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные». С другой стороны, этот же персонаж наблюдает «чушь и дичь по обеим сторонам дороги; кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор»; пыльную почтовую дорогу, которая в грязь расползается во все стороны; длинную, скучную дорогу «с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными смотрителями... и всякого рода дорожными подлецами» и т.п.

В главе о помещике Ноздрева появляется новый экспрессивный признак – «гадкая дорога», как бы соответствующий основной черте характера Ноздрева – «нагадить ближнему», «тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам». Вся эта картина передана зрительно, Чичиков видит негативное... и спокойно перемещается в данном пространстве.

Наряду с этим оптимистична авторская мысль о развитии государства. Дорога обретает концептуальный признак движения и прогресса – «летят версты, летят купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль», «летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Совершенно иное представление о дороге в художественной интерпретации Н. А. Некрасова. Так, «железная дорога» – картина рабства, образ дороги, проложенной народом ценою жизни: «Прямо дороженька: насыпи узкие, Столбики, рельсы, мосты, А по бокам-то все косточки русские... Сколько их!» («Железная дорога»).

Таким образом, анализ концепта «дорога» на материале текстов разной стилевой принадлежности позволяет представить его в

развитии, пополнить новыми признаками в соответствии с дискурсивными разновидностями.

Помимо основного значения лексема «дорога» содержит несколько значений. Обзор толковых словарей и пословиц показал наличие других лексико-семантических вариантов:

1) «путь, стезя» – жизненный путь (путь Абая, стезя славы, по стезе правды и добра, тернистый путь, по дороге жизни);

2) «мешать, препятствовать кому-нибудь в чем-нибудь» (стоять на чьей-нибудь дороге, стать поперек дороги, перебежать дорогу, отрезать кому дорогу, не давать ходу в дороге);

3) «поприще» – сфера, область, мир, круг деятельности (всякому своя дорога, идти своей дорогой, сто дорог – одна твоя, быть на хорошей дороге);

4) «судьба» – жизнь (две дороги, два пути – две судьбы похожие);

5) «стремление к чему-либо» (дорога к счастью, к правде и истине, к знаниям, к просвещению, к искусству);

6) «падение личности» (дорога в пропасть, дорога в нищету, дорога в ад, дорога к преступлению);

7) «путина, путешествие, странствие» (дорога к морю, дальняя дорога, дорога по памятным местам);

8) «испытание» («печка дрожит (нежит), а дорожка учит», «тяжелый груз – проверка для верблюда, трудная дорога – испытание для человека»);

9) «пожелание и напутствие» (счастливой дороги, чтобы в дороге сопутствовали успех и удача, старикам – почет, молодым – дорога, пусть дорога будет светлой и чистой).

Концепт «дорога» в названных значениях отражает в основном абстрактные понятия, которые требуют глубокого и всестороннего исследования.

2.3.5 Анализ земных ландшафтных концептов. Признаки концепта «степь»

Земная ландшафтная сфера – это природное окружение, с которым человек находится в постоянном взаимодействии, оценивая состояние и роль в жизни. Поэтому в языке существует множество лексем, объективирующих земные ландшафтные концепты. Они могут быть наделены определенными признаками, исследование которых позволяет восстановить наиболее полно их структуру. В этом плане изучению данного класса концептов уделено гораздо меньше внимания. Факт их малоизученности с точки зрения концептуальных

исследований в контексте антропоцентрической и теoантропокосмической парадигм побуждает нас обратиться к исследованию.

Ландшафтные концепты земной концептосферы объективируются лексемами *земля, степь, пустыня, равнина, поле, луг, сад, бахча, целина, тайга, тундра, бор, чаща, лес, холм, гора, животный мир, растительный мир*.

Приведем соответствия на казахском языке, исходя из материала русско-казахского словаря [67].

Земля – жер; степь – дала; пустыня – шөл, қуаң дала, шөл дала; равнина – жазық, тегіс; поле – дала, егіс даласы, танап; луг – шабындық, шалғын, жайылым; сад – бау, бақ; бахча – бақша; целина – тың, тың жер, жыртылмаған жер; тайга – тайга (қоңыржай ендіктің солтүстігіндегі қылқан жапырақты қалың орман); тундра – тундра (солтүстіктегі ормансыз мұқ басқан дала), бор – қылқанды орман, қарағай орманы; чаща – жыныс, шатқал, қалың; лес – орман, тоғай; холм – төбе; гора – тау; животный мир – жануарлар әлемі; растительный мир – өсімдік әлемі.

Центральное место в земной концептосфере занимают лексемы *пустыня, равнина, поле, луг, сад, бор, чаща, целина, лес, гора, животное, растение*. Истоки этих слов восходят к славянским языкам. Обладая собственно русской коннотацией, они имеют тождественные значения в казахском языке.

Приведем их соответствия:

- пустыня // шөл, қуаң дала, шөл дала;
- равнина // жазық, тегіс;
- поле // дала, егіс даласы, танап;
- луг // шабындық, шалғын, жайылым;
- сад // бау, бақ;
- целина // тың, тың жер, жыртылмаған жер;
- бор // қылқанды орман, қарағай орманы;
- чаща // жыныс, шатқал, қалың;
- лес // орман, тоғай;
- холм // төбе;
- гора / /тау;
- животный мир // жануарлар әлемі;
- растительный мир // өсімдік әлемі.

Перед нами лексические единицы, поддающиеся переводу. В их содержании отражены ландшафтные концепты, представляющие собой географические реалии с присущим им национальным колоритом. Их следует определить как эквивалентные концепты,

«структуры которых полностью или частично совпадают, особенно в мотивирующей и понятийной своих частях, а их репрезентанты выступают равнозначными при переводе» [58, с. 78].

Среди них имеются концепты, обладающие ярко выраженной национальной коннотацией. Так, с русской культурой ассоциируется «образ равнинных просторов, полей, березы, рябины» [68, с. 29].

С казахской – образ степной земли как феномена среды обитания и культуры кочевого народа. Подобное восприятие продиктовано сложившимся веками человеческим сознанием неразрывности с родной землей. Родная земля – концепт, заключающий в себе универсальный фрагмент картины мира носителей разных культур. Земля в представлении русского и казахского народов ассоциируется с образом матери. Примером в русском языке является постоянный эпитет «земля-кормилица», «земля-матушка». Подобный эквивалент имеется и в казахском языке – «ана жер», «жер ана», что в дословном переводе означает «мать-земля».

В славянской мифологии известен языческий персонаж *Мать сыра земля*. Сравнение земли с женщиной основано на том, что земля, подобно женщине, воспринимается как воспроизводящая сила природы, дающая урожай, кормящая людей, помогающая продолжать род и т.д. В русском языке есть старинное пожелание, построенное на сравнительных оборотах: «Будь здорова, как рыба, красива, как вода, весела, как весна, трудолюбива, как пчела и богата, как земля святая» [69, с. 73].

В мифологии древних тюрков, образ матери является олицетворением земли, которая воспринималась как одна из составных частей мироздания наряду с водой, воздухом и огнем (ср. по выполняемым функциям мать-земля, мать-огонь, мать-вода). Так, по словам С. Кондыбая, «образ Великих Матерей связан с землей, земными глубинами, шире говоря – с женским творческим, порождающим началом в природе» [53, с. 9].

В структуре концепта «степь» актуализируются ценностные и функциональные признаки «Земля Мать» («Жер Ана»). Согласно казахской легенде «Жер ана туралы аңыз», Земля наделена признаками, свойственными матери: любит и любима (Күндердің бір күнінде Тәңірадам пайда болды... Жер оған ғашық болды. Ол да Жерге ғашық болды), дает жизнь (Уақыт өте келе олар балалы болды), живет во имя детей (Жер ана олар үшін өмір сүрудің, байлықтың қайнар көзіне айналды), терпит (Олар өздерінің қажеттіліктері үшін жер жыртып, тырмалап, егін егіп... Содан соң, алтын және басқа да қазба байлықтарды іздеп Жер ананың денесін ойып, үлкен шұңқырлар

казып..., бір-бірімен соғыстарда қолданды. Ал Жер ана осының бәріне шыдады) и т.д.

Таким образом, женские образы земли обусловлены ценностными и функциональными признаками – любить и быть любимой, заботиться, давать жизнь, растить, кормить, подпитывать, терпеть, быть выносливой и т.д.

В русской и казахской картинах мира «степь//дала» – географические понятия, связанные:

- с ровным земным пространством, протяженностью (*безбрежная, бесконечная, бескрайняя, беспредельная, необозримая, необъятная, неоглядная, огромная, открытая, просторная, широкая, ровная, плоская, нескончаемая, раздольная, безграничная*);

- рельефом (*бездорожная, волнистая, глубокая, холмистая*);

- климатом (*безводная, безжизненная, буранная, глухая, пустынная, сухая, засушливая, холодная*);

- травянистой растительностью (*безлесная, бестравная, пышная, девственная, голая, голодная, дикая*);

- фауной (*грызуны, стадные копытные, много хищников*).

Степь обладает ценностными (*богатая, великая, плодородная, заповедная, историческая, родная*), образными (*беззвучная, безмолвная, безотрадная, безрадостная, бесприютная, благодатная, богатырская, былинная, веселая, вольная, враждебная, дремлющая, дремотная, мирная, молчаливая, мрачная, немая, неслышная, печальная, прекрасная, привольная, сказочная, скучная, смиренная, суровая, тихая, тоскливая, тревожная, угрюмая, унылая, хмурая*), колоративными признаками (*бурая, голубая, густая, дымчатая, желтая, зеленая, золотисто-бурая, золотая, золотистая, коричневая, лиловая, розовая, рыжая, светлая, темная, туманная, цветущая, черная*).

У каждого народа своя «история его труда по преобразованию природы, среди которой он живет» [68, с. 33]. В этой связи особый интерес представляет своеобразие концепта «степь» в казахской картине мира. Степь в представлении казахов – не просто ландшафт, а природная ценность, данная для пользования в скотоводстве – основной деятельности кочевой культуры. В этой связи в лексике казахского языка зафиксированы слова, обозначающие сезонные пастбища: жайлау – летнее пастбище, қыстау – зимнее пастбище, көктеу – весеннее пастбище, күздеу – осеннее пастбище. В переводе на русский язык лексема «қыстау» означает «зима в горах» (қыс – зима, тау – гора). Қыстау располагался в горной местности. Местонахождение пастбищ зависело от климатических и

географических условий, качества и рода трав, благосостояния владельцев. Динамичность жизни в степи воспринималась казахами как вечное движение во времени и пространстве («Степная земля бесконечна как время...» Казтуган жырау). Степь – убежище для казахских аулов с бесконечными тайными тропами к оазису, известными только одному человеку (проводнику). Это пространство, позволявшее кочевникам «при любых превратностях судьбы уходить в глубь родной земли, откочевывать в самые глухие ее уголки, изматывая преследователя не только трудностями перехода, но и неожиданными ответными ударами и отступлениями врассыпную, исчезая также внезапно, как и появляясь» [70, с. 11]. Степь также осознается как испытание голодом, неблагоприятными погодными условиями для скотоводства, сильными морозами, буранами, внезапной оттепелью, дождями в зимнее время года, засушливостью летом, степными пожарами, массовым падежом скота – джутом и др.

В словарном составе казахского языка имеются лексемы с яркой коннотацией, отражающей картину мира кочевого народа. Среди них слова, обозначающие географические названия – Сары-Арка, Бетпақ дала, Кызылкум, Муюнкум, Сары-Ишикотрау. Рассмотрим, как в названиях отражается представление казахов о степных землях и пространствах.

В переводе с казахского языка на русский «Сары-Арка» означает «Золотая степь», «желтеющий хребет», «Бетпақ дала» – «голая (голодная) степь», «Кызылкум» – «красный песок», «Муюнкум», «Сары-Ишикотрау» – «песчаная пустыня».

Как видим, в названиях «Сары-Арка», «Сары-Ишикотрау», «Кызылкум» отражается колоративный признак: «сары» в переводе с казахского на русский «желтый», «желтеющий», «золотой»; «кызыл» – «красный». В период летней жары поверхность земли приобретает желтовато-золотистый оттенок в результате высыхания рек и выгорания травы. Пески в Кызылкумах имеют красноватую окраску. Географические реалии казахской степи позволяют выделить разновидности степного ландшафта – разнотравно-ковыльные и песчаные. К первым относятся степи Сары-Арка, ко вторым – Кызылкум, Муюнкум, Сары-Ишикотрау. Не случайно, в художественных источниках встречаем строки с использованием «песчаных» слов:

Теперь **песок** и зной от солнца,
Чернеют скалы, саксаул,
Зияют дыры как оконца,
Песчаных башен караул...

Поет по-новому здесь Ветер,
Точа **песчинками** дворцы;
Создал он своды и мечети,
Открыл с реликтами ларцы...
С водой и солнцем вместе он
«Построил» сказочный каньон (Чарынский каньон).

Бетпак дала – огромное пустынное пространство на территории Казахстана, которое представляет собой как бы созданную самой природой границу между центральной и южной частью. Выбор подобного рода наименования связан с природными реалиями: глинистые пустынные пространства, сухой климат, редкая растительность (разные виды полыни, дикого лука, большое количество перекасти-поле, в период влаги цветение тюльпанов).

Как видим, основной признак концепта «Бетпак дала» связан с пустыней. Вместе с тем в структуре этого концепта содержится и другой смысловой компонент – «Бесстыжая степь». Данный признак актуализирован в легенде «Бетпак дала». Бетпак дала – образ безжизненной пустыни, в которой погибли джунгары, вышедшие в поход, чтобы разбить казахские аулы. Из десяти тысячного отряда джунгар вернулись лишь два воина, от остальных не осталось и следа. Отправленные с двумя воинами всадники на поиски погибших вернулись ни с чем и сказали своему предводителю: «Это безжизненная пустыня – один песок да мертвый такыр, это бессовестная степь, не ведающая никаких правил, не признающая законов природы... Мы даже не смогли увидеть своих погибших сородичей...». Согласно легенде, с этих пор степи Центрального Казахстана стали называться «Бетпак дала» – «Бесстыжая степь». Новый концептуальный признак связан с отрицательной морально-этической оценкой, переданной метафорами «без стыда», «без совести».

О степной земле Бетпак-Дала сложены стихотворения. Так, в творчестве Олжаса Сулейменова встречаем следующие строки:

Бетпак-Дала
Всегда такая голая,
Что стыдно лошадям смотреть в глаза...
Моя кобыла,
Отупев от голода,
Не слышит повода,
Глядит назад.
Нет колеи,
Бетпак-Дала –

Дорога,
Ой, дорого ей заплатил казах,
Пустыня –
От порога до порога.
Все сто дорог
Вели его назад.
Размеренная смена поколений,
Спокойное широкое седло,
Скупое равнодушное движение,
Укачивая,
Всадника вело.
Над головою
Раскаленный камень,
Пустыня взбешена,
Копыта высекают желтый камень
Из белой глины...

Бетпак-Дала – огромное пространство, характеризующееся отсутствием водопоя и скудной растительности. Казахи преодолевали ее без остановки во время кочевки из одного пастбища в другое.

Особый интерес представляет описание концепта «степь» в английской, казахской, русской картинах мира.

На основе анализа словарей в рамках исследования концепта «степь» выявлены межъязыковые эквиваленты, выступающие в качестве инвариантных элементов. Так, в английском языке данный концепт вербализуется лексемами «prairie», «savannah», «jungle»; в казахском языке – «жер», «дала», «шөл», «қуаң дала», «шөл дала», «жазық», «тегіс», «егіс даласы», «шабындық», «шалғын», «жайылым», «тың жер», «жыртылмаған жер»; в русском языке – «степь», «пустыня», «равнина», «долина», «луг», «поле», «целина».

Проанализируем их.

В английском языке лексема «prairie» образована от «prairie» (франц.), «praerie» (старофранц.), «pratum» (простонародн. лат.), «prayer» (среднеангл.), «terra prataria» (позднелат.). Толкование значения этого слова позволяет выделить в семантической структуре следующие компоненты:

1) степное пространство, луг, поле – meadow, «tract of level or undulating grassland in North America» («it lay wide around the town, stretching tan to the far line of the sky» W. O. Mitchell);

2) пастбище для домашних животных – undulating grassland, a considerable area of meadow-like land suitable for pasturing cattle and sheep; Its first meaning in French was pasturage, any field with plants that

were suitable fodder for domestic animals. Для канадцев характерна фраза «Prairie wool – wild fodder for sheep consisting of graminaceous goodies like spear-grass, bunch-grass, and buffalo-grass»;

3) зона культурного земледелия, «хлебный пояс», дикий сад – Later such a drylander might decide to sow a domesticated grass called wheat, clumped with low buck brush and wild rose bushes.

Лексема «savannah», заимствованная английским языком в 1550 г. из испанского «sabana» (ранее «zavana»), буквально означает «степь».

Семантическая структура данного слова представлена компонентами:

1) территория США, Европы – in North America, port city in U.S. state of Georgia, from savana, name applied to the Native Americans in the area by early European explorers, perhaps from a self-designation of the Shawnee Indians, or from the European topographical term;

2) необработанная земля, дикое поле – treeless plain, uncultivated ground;

3) редкие деревья и кустарники – Bald-headed prairie – rolling plains with no trees; land which is without trees; arid, sparsely grown with trees.

Слово «jungle», вошедшее в состав английского языка из языка хинди «jangal» и языка санскрит «jangala-s», имеет значения «пустыня, лес, пустошь», «земли неизвестного происхождения». Основными компонентами семантической структуры этого слова являются:

1) запутанная чаща – tangled thicket;

2) травянистая равнина, густая растительность – plains, great natural meadows of long grass, a vastness of grasses, plants adapted to intermittent drought; but with much grass either tall or short; unkempt tropical vegetation.

Концепт «степь», актуализированный в английском языке лексемами «prairie», «savannah», «jungle», характеризуется наличием в его структуре признаков, связанных с географическими реалиями и особенностями биома. Каждая из названных лексем вносит новые признаки в структуру концепта «степь».

В смысловом отношении слово «prairie» соотносится с русскими словами «луг», «лужайка», «луговая земля», «поле». Это участок земли, хорошо обрабатываемый и используемый в сельскохозяйственных целях, например, для выращивания аграрных культур – пшеницы, кукурузы и др.

Слово «savannah» отождествляется с русским словом «пустыня» (корень слова «пуст-», что означает «пустой»). Значение этого слова привносит в структуру концепта «степь» дополнительный признак – «без растительности, за исключением некоторых трав».

Противоположный смысл отражен в слове «jungle», в семантической структуре которого содержатся компоненты «лес», «густые древесно-кустарниковые заросли», «необработанные, заброшенные земли», «пустырь». Как видим, степь в английской картине мира – это, с одной стороны, такая вегетационная зона США и Канады, которая позволяет возделывать почву, выращивать цветы и разные виды сельскохозяйственных культур. С другой стороны, – это земля, не поддающаяся обработке в силу того, что на ней растут высокорослые грубостебельные злаки – гигантский бамбук, сахарный тростник и др.

Этимология слова «степь» связана с понятием «низина» [65].

В русской языковой картине мира данный концепт объективируется в виде лексем «долина», «луг», «огород», «поле», «пустыня», «сад», позволяющих проследить признаки фрагментов картины мира. Преимущественно это слова древнерусского и старославянского происхождения. На основе анализа материалов этимологического словаря выявлены дифференциальные семы лексических значений рассматриваемых единиц. Так, в семантической структуре слова «луг» выделяются компоненты «ровное, низкое место под небольшим лесом, роща, кустарник» [65, с. 527].

Смысловой признак слова «поле» содержит компонент «открытый, свободный, полый» [65, с. 307–308], слова «пустыня» – «дикое место» [65, с. 411], «сад» – «дерево, растение, роща, насаждение» [65, с. 543-544]. Следовательно, у концепта «степь» в русской языковой картине мира отмечена одна из наиболее ярких признаков – «обрабатываемый кусочек земли, предназначенный для выращивания растений».

Своеобразен концепт «степь» в казахской картине мира и культуре.

Казахская степь – огромное и бесконечное пространство с непредсказуемыми погодными сюрпризами и природными явлениями: сильными морозами и внезапной оттепелью, дождями в зимнее время года и засушливостью летом, степными пожарами – была полностью освоена и подчинена кочевникам. Суровые условия степи способствовали воспитанию выносливости и терпения, необходимые во время ежегодных перекочевков или при неожиданных нападениях врагов. В казахской ментальности степь – это главное богатство.

Приведем фрагмент из исторического романа казахского писателя Б. Жандарбекова «Саки»:

– Бери! Сколько хочешь, бери! Все бери! Все тебе! Все тебе, пастух, бери! – Что стоишь, как столб? Хватай богатство, которого тебе хватит скупить всю твою степь со всеми ее кибитками! – не выдержав, завизжал Гобрий.

– Глупый ты, перс. Да разве *мою степь можно за золото купить?*

– Постой, ты не понял, пастух, – стараясь взять себя в руки, вразумительно заговорил Дарий. – Я же сказал, что ты выиграл, я не пойду в твою страну. Я отдаю тебе все мое золото за то, что ты выведешь меня отсюда, из этой *злой пустыни*, понял?...

Как видим из данного примера, для кочевника степь – ценность. А для чужестранца – злая пустыня, не позволившая завоевать ее («Персы сбили ноги в кровь, шагая по твердому грунту такыров». «Устав от жары и угнетающего единообразия пейзажа, Дарий пересел с коня в паланкин». «Персы с отвращением смотрели на эту вымершую землю, наверное, проклятую самим богом». «Идти в песках оказалось еще труднее, чем шагать по твердым, как камень такырам». «Проваливающиеся ноги налились невероятной тяжестью, а раскаленные песчинки, попавшие в обувь, казались остроконечными окалинами расплавленного металла». «Воины Дария истерли ноги в кровь, ступни покрылись волдырями». «Начались повальные галлюцинации, с ума сводящие миражи» и т.д.).

Таким образом, анализ языкового материала в рамках концептуальных исследований показал, что структура концепта «степь» сложна и включает в себя признаки пространства и времени (бесконечность, вечность, бытие, движение, событие), ценностно-оценочные (природное богатство, материнское поле, злая), этические (голая, бесстыжая, без совести) функциональные (родительница, кормилица, защитница), цветовые (желтый, золотой, красный, зеленый), признаки культуры (кочевье, пастбища), признаки занятий (скотоводство, земледелие, садоводство, овощеводство, бахчеводство), ландшафтные признаки (горы, холмы, чащи, кустарники, озера, реки) и др.

Слова, репрезентирующие концепт «степь», в английском, русском и казахском языках эквивалентны, однако компоненты, содержащиеся в их семантической структуре, разные. Это свидетельствует о том, что язык сохранил и донес до нас различные взгляды и воззрения. У каждого народа сложена определенная

система восприятия и осознания степи, составляющая все многообразие духовной, интеллектуальной и эмоциональной жизни.

Степь обладает метафорическими признаками. Прокомментируем образ сарозекских степей в контексте повести Ч. Айтматова «Белое облако Чингисхана».

Повесть к роману «Белое облако Чингисхана» начинается с описания сарозекских равнин: «Пробиваясь сквозь белую летучую мглу, беспрестанно вздымаемую ветрами с холодных сарозекских равнин, машинистам проходящих поездов в те метельные февральские ночи стоило немало усилий разглядеть среди снежных заносов в степи полустанок Боранлы-Буранный. Объятые клубящимися вихрями, ночные поезда приходили и уходили во мгле, как в беспокойном, тревожном сновидении...

В такие ночи, казалось, мир зарождался заново из первозданного хаоса – сокрытые стужей собственного дыхания, сарозекские степи походили на дымный океан, возникающий в кромешном борении тьмы и света...

И в том великом пустынном пространстве каждую ночь, не угасая до утра, светило одно окошко на полустанке, точно там, за этим окном маялась некая душа, точно там кто-то тяжело болел, не находя себе места, или страдал от жестокой бессонницы...».

Главное в данном фрагменте – живописное описание степи. Пейзажная картина предельно точно передает особенности степной природы в ночное зимнее время: «белая летучая мгла», «холодные сарозекские равнины», «метельные февральские ночи», «снежные заносы в степи», «клубящиеся вихри», «сокрытые стужей собственного дыхания». Этот образ наделен идеей вечности, борьбы и бесконечного обновления жизни: мир, казалось, «зарождался заново из первозданного хаоса», «сарозекские степи походили на дымный океан, возникающий в кромешном борении тьмы и света», «поезда приходили и уходили во мгле». На фоне такой пейзажной картины изображается жизнь людей, их внутренний мир, связанный с состоянием беспокойства и тревоги: «маялась некая душа, точно там кто-то тяжело болел, не находя себе места, или страдал от жестокой бессонницы». Параллельное описание состояния природы и человека представляет собой особую сюжетную линию, подготавливающую читателя к восприятию трагических событий, происходивших в конкретном пространстве – сарозекских степях.

Сары-Озек (в переводе с казахского языка «желтый песок», «желтая балка») – степь, простирающаяся по территории южного Казахстана (между Алматы и Талдыкорганом), характеризующаяся

суровыми климатическими условиями – пронизывающими ветрами, пыльными бурями, сухой растительностью (полынь, ковыль, перекасти-поле, карагач, тополь) и др.

Образ сарозекской степи занимает в повести особое место и воплощает авторское представление о великом пустынном пространстве («в том великом пустынном пространстве каждую ночь, не угасая до утра, светилося одно окошко на полустанке»), великом азиатском пространстве («ведя за собой через великие азиатские пространства народ-армию»).

Степное пространство как хранительница исторических событий и человеческих жизней, существует в конкретной неразрывной связи со временем. Основная линия, объединяющая пространство и время – движение, заполненное конкретными признаками.

Движение пространства прекрасно передается подбором глагольных форм и отглагольных слов. Подтвердим сказанное примерами из текста: «наплывающие просторы», «все же это было движением в пути, переменной мест», «поезд идет в сарозекском направлении», «пошли знакомые, родные места», «пошли уже собственно сарозекские земли, заснеженные по зиме, заметенные сугробами, но для внимательного взора узнаваемые по очертаниям, – пригорки, овраги, поселения, первые дымки над знакомыми по прежним проездам крышами», «сарозекская степь под хмуро нависающим небом убегала назад с головокружительной скоростью», «за окном стремительно мелькали хорошо знакомые места», «для Абуталипа Куттыбаева время остановилось в минувшем пространстве, на том отрезке пути, который вмещал в себя всю боль и смысл его жизни»...

Как видно из примеров, слова со значением движения выстроены в тексте в градуальном порядке, что придает динамичность картине, нарастание эмоционального напряжения персонажа. Сарозекская степь для Абуталипа Куттыбаева (человека, прошедшего дорогами войны, незаслуженно оклеветанного и посаженного в арестантское купе поезда, направлявшегося в Оренбург) – единственно родные места, куда тянутся его мысли и душа. Естественно, движение по степи связано с внутренним чувственным восприятием героя, желающего увидеть «через окно вагона жену и детей». Приведем параллели таких слов в соответствии с временными рамками изображаемых событий:

- «*наплывающие* просторы», «все же это было движением в пути, переменной мест», «поезд идет в сарозекском направлении» – вторые сутки движения поезда из Алма-Аты в Оренбург, в душе Абуталипа

теплится надежда хотя бы мельком увидеть семью на полустанке Боранлы-Буранный;

- «*пошли* знакомые, родные места» – до разъезда Боранлы-Буранный остается ночь езды;

- «*пошли* уже собственно сарозекские земли» – скоро станция Кумбель, часа через три и разъезд Боранлы-Буранный, «можно сказать, совсем уже близко»;

- «сарозекская степь *убегала* назад с головокружительной скоростью» – вызов на допрос, томительный и тяжелый, «и все меньше оставалось пути до разъезда Боранлы-Буранный», Абуталип «считал в уме минуты приближения к полустанку. Значит, так и не придется увидеть своих хотя бы в окно. Эта мысль сверлила его мозг»;

- «за окном *стремительно мелькали* хорошо знакомые места» – «до Боранлы-Буранного оставались считанные минуты», «прежде всего надо было умерить скорость поезда», Абуталип «вскоре почувствовал, или ему так показалось, что поезд вроде бы стал сбавлять скорость», немного успокоившись, он «стал ждать»;

- «*время остановилось в минувшем пространстве*, на том отрезке пути, который вмещал в себя всю боль и смысл его жизни» – промелькнувший за окнами поезда разъезд Боранлы-Буранный как мимолетная, но незабываемая встреча с родными людьми.

Таким образом, пространственно-временное единство в тексте несет в себе определенный смысл: чем ближе время встречи с семьей и родными просторами, тем быстрее проносится мимо степь. А когда «поезд уже давно миновал долгожданный разъезд Боранлы-Буранный», в сознании Абуталипа «время остановилось в минувшем пространстве». Остается лишь память о жизни, промелькнувшей за окнами поезда словно мираж.

Интересно изображение места пересечения во времени и пространстве, которое является своего рода центром притяжения души Абуталипа, смыслом его жизни. Речь идет о разъезде Боранлы-Буранный: «Не находя ответа, Абуталип лелеял мечту, что со дня на день станет ясно, что с ним произошло досадное недоразумение, и тогда он, Абуталип Куттыбаев, будет готов забыть все обиды – пусть только освободят и отправят побыстрее домой, и помчится он, нет, полетит, как на крыльях, туда, к детям, к семье, в сарозеки, на разъезд Боранлы-Буранный, где его ждут не дождутся детишки Эрмек и Даул, жена Зарипа...». Название разъезда «Боранлы-Буранный» дано в форме прилагательного, производного от существительного «буран». В переводе с тюркского языка слово «буран», казах. «*boğan*» означает

«ураганный ветер с метелью», «пурга, степная вьюга, мятелица, при северном сильном ветре». Уже само название полустанка «Боранлы-Буранный», которое в повести дано в казахско-русском варианте, звучит многозначно. Это разъезд, находящийся в степи, в том великом пустынном пространстве, на фоне которого разворачивается сложная жизнь героев повести.

Само пространство сарозеков в повести становится метафорой диахронного измерения времени. Сарозеки объединили разные исторические времена – времена сталинских репрессий и завоевательных походов Чингисхана. Ч. Айтматов вводит в повествование устное предание кочевья о Чингисхане.

Легенда также начинается с описания сарозекских степей: «Идя походом на завоевание Запада, ведя за собой через великие азиатские пространства народ-армию, Чингисхан в сарозекских степях учинил казнь – предал повешению воина-сотника и молодую женщину-золотошвейку, вышивальщицу триумфальных шелковых знамен с огнедышащими драконами на полотнищах...».

Пейзажное описание в данной части также занимает особое место. Здесь изображается степь в осеннее время года: «В сарозекских степях была уже осень. После дружных дождей пополнились водой пересохшие за лето озера и реки – значит будет чем поить коней в пути», «Переход через сарозекские степи считался наиболее трудной частью похода».

Сарозекская степь является в данном художественном изображении тем пространством, по которому движется степная армада Чингисхана, «колонны, тысячи конников, каждое войско в своих пределах..., напоминая издали течение черных рек, затуманенных мглой». Картина степи передается с помощью языковых средств, содержащих сему «бесконечное, бескрайнее, открытое, необозримое пространство»: «Предсумеречная степь простиралась в пологих лучах заходящего солнца так далеко, как только можно был представить себе обширность зримого мира. И в том озаренном пространстве, окрашенном рдеющим солнцем уже наполовину ушедшим за горизонт, двигались на закате колонны...», «Всюду в пустынных просторах горели костры...», «Позади оставалась обширнейшая часть сарозекской степи – наиболее труднопроходимая», «В степи было безмолвно, пустынно и звездно», «Со всех сторон за скоплением войск и обозов, готовых двинуться в поход после казни вышивальщицы, простирались сарозеки – великие степные равнины», «Но кругом степь открытая, нигде не схоронишься, не утаишься, кругом как на ладони, и ночи пошли

лунные», «Луна одиноко царствовала в зените, незримо проливаясь сиреневым потоком света над сарозекской степью, объятаю сном и таинством ночи», «На всем необозримом степном пространстве не было ни дымка, ни огонька. Безлюдно простиралась вокруг степь, глазу не на чем остановиться... Бескрайняя степь да бескрайние небеса, лишь маленькое белое облачко тихо кружило над головой...», «Земля уплывала назад..., земля убегала назад, но не убавлялась, а все прирастала, постоянно простираясь до вечно недостижимого горизонта все новыми и новыми пространствами. И не было тому конца и края...».

Как видно из приведенных фрагментов, особенно важное значение имеют в повести повторы слов и словоформ («простиралась, простираясь», «обширность, обширнейший», «зримый, незримо, необозримый», «пустынный, пустынно»), использование синонимов («бескрайний», «недостижимый»). Символично изображение степной земли, которая под копытами инокходца Чингисхана «уплывала», «убегала», «не убавлялась», «прирастала», «постоянно простираясь новыми и новыми пространствами». Жажда хагана обладать всем, «что было обозримо и необозримо, достигнуть признания его Повелителем Четырех Сторон Света» была неистощимой и беспредельной. Не было конца и края степным сарозекским просторам, не было конца и края замыслам Чингисхана «о вожделенном мировом владычестве, о единой подлунной державе на вечные времена, коей дано будет ему править и после смерти». Однако в противовес образу хагана образ сарозекской степи несет в себе идею вечности и бессмертия, степь продолжает свое существование. Это свободная природная стихия, ведущая свою самостоятельную жизнь и дающая жизнь людям.

Таким образом, изображение сарозекской степи в неразложимой связи пространства и времени обретает особый метафорический смысл. С одной стороны, сарозеки – конкретное пространство притяжения души человека, с другой – «умозрительное» бесконечное пространство завоеваний. И в первом, и во втором случае сюжет времени складывается из той исторической реальности, в которой живут герои. Для одного героя – Абуталипа Куттыбаева – время остановилось в мимолетном видении за окнами поезда, для другого – Чингисхана – время в образе белого облачка дало понять вернуться назад «в Ордос, чтобы здесь умереть и быть похороненным неизвестно где...».

Таким образом, земная концептосфера – это сложная система ландшафтных концептов, отражающих ценности и представления

разных народов. Особенность их мировосприятия определяется географическими условиями окружающей среды. Каждое явление природы воспринимается как феномен той или иной культуры, который осваивается с языком и формирует национальную картину мира. Многообразие концептуальных признаков позволяет выделить общечеловеческие и национально специфические признаки ландшафтных концептов.

2.3.6 «Север» – «юг» в концептуальной картине мира

Картина мира – это реальность, которую человек воспринимает, осознает и отражает в языке. Термин «картина мира» является одним из ключевых в исследованиях языка как человеческого и социокультурного феномена. В лингвистике с картиной мира связывают широкий спектр языковых знаний, содержащих информацию о действительности. Сегодня взгляд ученых ориентирован на интерпретацию сущности языка, представляющего особый интерес с точки зрения ценности научного познания, истории, культуры и природы человека. Этот вопрос находится в центре внимания лингвистики новейшего времени, развивающейся в контексте антропоцентрической парадигмы. Данная парадигма и позволяет изучить картину мира во всем ее многообразии.

Развиваясь в разных научных направлениях, лингвистика очерчивает новые векторы исследования языка, направленные на междисциплинарные теории описания картины мира. Понятие «картина мира» рассматривается в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах. В лингвокультурологии картина мира определяется как сложная система образов, отражающих действительность в коллективном сознании и сознании каждого типа культуры (В. И. Карасик, В. А. Маслова). В когнитивной лингвистике под термином «картина мира» понимается упорядоченная совокупность знаний и ментальных стереотипов о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании (З. Д. Попова, И. А. Стернин).

Современная лингвистика располагает разными видами и способами классификации картины мира:

- по признаку первичности и вторичности восприятия различаются непосредственная и опосредованная картины мира (З. Д. Попова, И. А. Стернин);

- по характеру взаимоотношений языка, сознания и мышления выделяются концептуальная и языковая картины мира (Г.А. Брутян);

- по смысловому центру, вокруг которого возводится картина мира, делятся на наивную, научную, религиозную, философскую, мифологическую, фольклорную, индивидуально-авторскую картины мира (М. В. Пименова);

- в контексте лингвокультурного пространства различаются национальная и общечеловеческая картины мира (В. А. Маслова, В. И. Карасик).

Таким образом, картина мира – это глобальный образ мира, сложившийся и складывающийся в результате жизнедеятельности человека, его контакта с окружающим миром и природой. Данный образ мира воплощается в языке. При этом язык рассматривается не просто как система знаков, а как способ отражения действительности.

В человеческом сознании существует множество представлений о фрагментах мира, в отдельных случаях взаимоисключающих друг друга. В их структуре содержатся альтернативные признаки, реализуемые разнообразными способами и средствами языка. Это связано с той областью знаний, в которой оперируются определенные понятия и термины. Так, например, в лингвистике принято рассматривать лексемы «юг» и «север» как антонимы – слова, противоположные по своему значению:

- «север – одна из четырех стран света, противоположная югу» [70, с. 583];

- «юг – страна света, противная северу» [70, с. 731];

- «север – одна из четырех стран света и направление, противоположное югу» [71, с. 706];

- «юг – одна из четырех стран света и направление, противоположное северу» [72, с. 911].

В географии понятия «юг» и «север» не сводятся к противопоставлению, а определяются признаками «два полюса», «два полушария Земли», «пара Юг – Север». Вместе с тем наблюдается наличие бинарных концептов, которые устанавливаются особенностями слов-репрезентантов, обозначающих природно-климатические и ландшафтные условия. Ср. жара – холод, лето – зима (природно-климатические явления); вода – лед, пустыня, джунгли – тайга, тундра (зоны ландшафта).

В основу политологического термина «Север-Юг» положены оппозитивные концептуальные признаки «развитость/отсталость». Например, «Север-Юг: проблема отсталости», «интересы «Юга» представляют развивающиеся страны, а «Севера» – индустриально развитые» [71]. Подобных примеров немало.

Для решения задачи рассмотреть эти понятия под углом зрения разных способов интерпретации мы обратились к более подробному изучению лингвальной и концептуальной картин мира. Лингвальная картина мира представляет собой систему традиций, отражающих собственно языковые знания. Концептуальная картина мира – сумма общих знаний и представлений о действительности (включая и лингвальную), которая и позволяет дать наиболее целостное представление об окружающем мире.

Для современной лингвистики характерно различать такие единицы, как значение слова, лексико-семантические варианты многозначных слов и концепты. По мнению исследователей, структура концептов объемнее и сложнее лексического значения слова, так как концепт охватывает все содержание и смысл слова во всем многообразии представлений и ассоциаций. Обладая комплексом признаков, концепт отличается разноуровневой представленностью в языке. В этом плане наибольшей информативностью отличается лексический материал, на основе которого можно выявить признаки, функционально значимые для изучения концептуальной картины мира. В целом дать общую концептуальную картину мира невозможно, так как эта картина мира представляет собой совокупность всех признаков: понятийных, образных, символических, метафорических, аксиологических и др. В рамках сказанного будет уместным остановиться на вопросе о способах интерпретации концептов, играющих немаловажную роль в описании фрагментов концептуальной картины мира. В качестве особых способов интерпретации предлагается рассмотреть этимолого-семантический, терминологический, теоцентрический, ассоциативный способы.

Способ этимолого-семантической интерпретации основан на выявлении мотивирующих и понятийных признаков данных концептов на основании толковых словарей. Терминологическая интерпретация дополняет этимолого-семантическую интерпретацию и строится на представлении о мире, сложившемся в результате научных достижений. В центре внимания теоцентрической интерпретации находится соотношение небесного и земного в религиозном и сакральном миропонимании. Ассоциативная интерпретация связана с представлениями, полученными в результате ассоциаций на слово-стимул. Каждый способ интерпретации может послужить базой описания наивной, научной, религиозной и национальной картин мира.

Представим способы интерпретации концептов на примере понятий «север» и «юг».

Этимолого-семантическая интерпретация заключается в выделении мотивирующих признаков, т.е. тех признаков, которые послужили основанием для наименования фрагмента мира. Этимология и толкование слов «север» и «юг» связаны со следующими понятиями:

1) ветер (северный, холодный, суровый, пронизывающий до костей, зимний ветер; северяк, северик; южный, теплый, весенний, тропический; «Юг веет, старого греет»; «На дворе югом пахнет, веет, весной, теплом»; «юг – ветер оттуда теплый»);

2) стороны света («птица в отлет на юг летит»; отдыхать на юге; в условиях севера; надбавки за работу на севере; «Солнце жаркое в обед С той сторонки шлет привет. И оно зимою даже Из тепла узоры вяжет, Летом вовсе, как уют, Сторона зовется Юг» Людмила Шмидт; «В стороне той, каждый знает, Солнце вовсе не бывает, Ветер прячется холодный, Но порою новогодней Нам оттуда Дед Мороз Шлет подарков целый воз. В стороне той тени бродят, И метели хороводят, У зимы в морозном зеве Там живет суровый Север» Людмила Шмидт);

3) «направление» («держать курс на север/держать курс на юг»; «Окна дома выходят на юг»; «С юга город окружен стеною»; «Корабль держит курс на юг»; «Эта комната, окнами на запад и на север, занимала чуть ли не половину всего дома» И. А. Бунин «Грамматика любви»);

4) «страны или области, край» («Уехал на севера за длинным рублём, да так там и остался, прижился у какой-то коми-женщины и сказал, что «это хорошо» Галина Щербакова, «Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом»; «Белки, живущие на севере Сибири, выделяются черной окраской верхней части туловища в летний период» А. В. Кречмар, В. А. Забродин. Животный мир Севера России; «Теплый край, теплые страны»; «О, этот юг! О, эта Ницца!»

Ф. Тютчев; «И завещал он, умирая, чтобы на юг перенесли его тоскующие кости» А. Пушкин; «Мы приходили с ликующего юга, с радостными песнями, с милым ярким солнцем в душе» А. Куприн; «Поехать отдохнуть и полечиться на юг»);

5) «житель» (южанин – житель южной страны, северянин – житель северной страны; южный темперамент; «Душой я с севера, а телом с юга. Две крайности слились во мне друг в друга. Крови горячность, холод нрава, Бездумные поступки, смысл здравый» Екатерина Игнатова).

Итак, у концептов «юг» и «север» несколько мотивирующих признаков. Актуальными среди них являются признаки «пространственное расположение и направление», «природное явление», «характер человека».

Терминологическая интерпретация состоит в перечислении специальных признаков в обобщенном виде, включающих представление о природных закономерностях и географических объектах: «Южный и Северный географический полюс». «Южное и Северное полушарие». «Южный и Северный полярный круг». «Точки, в которых ось вращения планеты пересекает ее поверхность, называются географическими полюсами (Северным и Южным)» [73, с. 480-481]. «Определить направление север – юг на Земле можно несколькими способами. Например, по теням, отбрасываемым предметами в полдень. Или по звездам (например, по Полярной, расположенной как бы на продолжении земной оси в направлении Северного полюса, а потому указывающей направление на север)» [73, с. 489]. Терминологическая интерпретация юга и севера представлена признаками пространства, параллельно существующего на Земле. С точки зрения географии, Юг и Север – это не конкретные территории, это абстрактные пространства, которые характеризуются взаимосоотнесенностью друг с другом.

Теоцентрическая интерпретация построена на выявлении в структуре концептов божественного, космогонического начал, мировоззренческой основы древней культуры. Остановимся на фрагментах древнетюркской религиозной картины мира. Известно, что рассматриваемая картина мира связана с идеей тенгрианства, веры в Бога Верхнего мира – Тенгри. В казахской мифологии Тенгри гармонирует с природой (Небо-Тенгри, создатель мира земного, посылает на землю животных и птиц, появляется в образе орла и т.д.). Бог Неба – Тенгри не только оказывает помощь, но и требует активности от человека. Поэтому казахский народ, как представитель древнетюркских верований, не ждет милостей от неба, а живет в гармонии с ним и действует сам при его поддержке. В качестве фрагмента доисламской казахской картины мира можно остановиться на представлениях о севере и юге, отраженных в мифах о Тенгри. Интересны колоративные признаки Юга и Севера в казахской картине мира: Юг символизировал красный цвет, Север – черный. Юг назывался солнечным местом. Согласно верованиям древнетюркского народа, именно на юге находится обиталище Бога Верхнего мира – Тенгри. Подобно Олимпу, описанной в древнегреческой мифологии, существует пик Хан-Тенгри на самой высочайшей пирамидальной

точке Тянь-Шаня. Впервые вершину Хан-Тенгри описал известный русский географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

В одном из источников также встречаем, что «алый цвет символизировал присутствие в крови духа Тенгри. Зеленый цвет – священный – цвет растений. Если текла кровь или увядала зелень – то живые существа умирали. Поэтому сочетание алый-зеленый благоприятный и один из главенствующих» [54]. По этой цветовой маркировке происходило деление скота на белый и черный: «белым был скот с горячим дыханием – кони и овцы. Черным – скот с холодным дыханием – крупный рогатый скот, козы и верблюды («қара мал»). Поэтому кони символизировали солнце, а также связанный с ним юг и лето». Стоит упомянуть также и о том, что богу Тенгри «приносили в жертву коня белой, сивой, светло-серой, голубой мастей» [54].

Таким образом, издревле понятие «Юг» является воплощением тепла: «таять, топиться», «оттепель» [74], духоты, засухи. Тогда как понятие «Север» и по сей день является олицетворением холода: суровости, стужи, мороза, бурь, ураганных ветров.

Следует затронуть вопрос и о национальной специфике признаков рассматриваемых понятий: репрезентантом лексемы «север» в казахском языке является слово «солтүстік», что в переводе означает «левая сторона». Лексема «юг» переводится на казахский язык «оңтүстік», что означает «правая сторона». При переводе сохраняется лишь признак «сторона», т.е. структура данных концептов в русской и казахской картинах мира совпадает частично.

Особенностью национальной картины мира казахского народа является традиционное деление Казахстана на северную и южную часть не только в географическом (территориальном) плане, но и по признаку генетического родства, родословия: «среди южных уйсун, канглинцев, дулатов можно видеть род кыпчаков, керейцев, конгратов... и, наоборот, среди северных кыпчаков, аргынов, найманов, керейцев можно видеть род алшынов запада, уйсун и дулатов юга» [75, с. 21].

Ассоциативная интерпретация связана с набором тех признаков, которые вызывают определенные ассоциации на слово-стимул. На материале опросов студентов (100 информантов) нами выделены следующие признаки концептов «юг» и «север»:

1) юг: тепло (82,46 %), солнце (34,72 %), Чимкент (34,72 %), Африка (23,87 %), узбеки (21,7 %), узбекская речь (19,57 %), сухой климат (19,53 %), смуглые (17,36 %), море, пляж (13,02 %), Алматы (8,68 %), лето (8,68 %), состоятельные (8,68 %), диалектная речь (8,68

%), хитрые (6,51 %), соблюдающие традиции (6,51 %), шикарные свадьбы (4,34 %), коррупция (4,34 %), землетрясение (4,34 %), горы (4,34 %), строгое воспитание (2,17 %);

2) север: холод, дождь, снег, зима, мороз, метель (73,78 %), русскоязычная речь казахов Северного Казахстана (23,87 %), теплая одежда (17,36 %), Россия, Сибирь, Антарктида, Аляска, Павлодар и т.д. (15,19 %), волки, олени, медведи (15,19 %), зимние виды спорта (13,02 %), Дед Мороз (10,85 %), русский характер – орыс мінезді (8,68 %), Новый Год (6,53 %), северное сияние (6,51 %), деньги (8,68 %), пингвины (4,34 %).

Как видно из данных опроса, доминантой понятий «юг» и «север» являются признаки «явление природы», «географические объекты»: понятия «юг» и «север» характеризуются с точки зрения природно-климатических условий. Таким образом, в концептуальной картине мира отражаются различные модели видения мира, содержащие в себе новые, дополнительные смыслы. Рассмотренные выше способы интерпретации позволяют наиболее полно восстановить, хотя бы в общих чертах картину мира.

3 Система работы над лексическими и фразеологическими единицами языка в аспекте коммуникативной стилистики

Стилистика – это раздел, соприкасающийся с разными аспектами. В современной лингвистике известны такие направления стилистики, как стилистика языка, стилистика текста, функциональная стилистика, стилистика художественной литературы. Каждое из этих направлений способствовало развитию и формированию теорий, рассматриваемых в рамках коммуникативно ориентированных дисциплин. Сегодня обозначились два направления, известные как коммуникативная стилистика и дискурсология. Каждая из этих направлений имеет свои цели, задачи, объект, материал исследования. Но объединяют их вопросы теории текста и дискурса, функционирования языковых средств в устной и письменной коммуникативной среде.

В данном разделе монографии мы не ставим целью освещать хронологию развития этих направлений, анализировать структуру и содержание текста и дискурса как единиц речевой коммуникации. Обратим внимание на лингводидактическую сторону, остановимся на описании организации научно-методической работы над языковыми и речевыми единицами, функционирующими в процессе речевой коммуникации.

Основная задача раздела – представить систему работы над лексическими и фразеологическими единицами языка в контексте формирования функциональной грамотности. Обращая внимание на способность языковых единиц трансформироваться в разных коммуникативных ситуациях, предлагаем усилить работу в аспекте стилистики речи и общения. В этой связи становится актуальным разграничение понятий «стилистическое функционирование» и «стилевое функционирование».

Стилистическое функционирование рассматривается в традициях стилистики языка и стилистики речи, представляющих собой типовую стилистическую характеристику лексико-фразеологических средств. Стилиевое функционирование понимается в рамках коммуникативной стилистики, в которой анализируется ряд лексико-фразеологических вариантов, различающихся по стилистической окраске, степени эмоциональности и уместности в различных коммуникативных ситуациях. Это средства, приводящие рамку высказывания в соответствие со сферой коммуникации, обстановкой, ситуацией в пределах конкретной темы общения. В данной работе предлагается описание языковых средств с позиции стилового функционирования, т.е. объединенных в цельную рече-коммуникативную структуру по

семантическим и внеязыковым признакам, отражающим условия и цель общения. Такой подход, на наш взгляд, положительно влияет на решение проблемы развития и формирования стилистической компетенции.

В отличие от традиционного описания стилистического функционирования языковых средств, определенных по уровням языка, считаем необходимым рассмотрение лексических и фразеологических вариантов стилистических средств в их тематико-полевом и семантическом функционировании.

Обновленное содержание современных программ отличается тематической организацией учебного материала, в рамках которого строится работа над изучением лексико-фразеологических единиц.

Рассмотрение материала в стилистическом аспекте строится на основе лингвистических и лингводидактических принципов. Назовем и прокомментируем некоторые из них.

Принцип учета традиционной, абстрагированной природы стилистики – маркированность (закрепленность за определенным стилем речи), способность к стилистическому видоизменению в зависимости от конкретной лексико-синтагматической связи, универсальность.

Анализ лексики речевых тем (тем разделов) показал возможности стилистической многозначности и многофункциональности языковых средств, способных изменять стилистическую окраску в зависимости от коммуникативных функций и внеязыковых условий общения. В многозначном слове каждый лексико-семантический вариант может иметь дополнительную стилистическую окраску. Проиллюстрируем это на примере слова «составить». В «Словаре русского языка» Ожегова С.И. дано краткое толкование каждого значения. Приведем полностью словарную статью:

СОСТАВИТЬ – 1. Собрав, соединив, объединив что-н., образовать какое-н. целое. *С. фразу. С. сборник. С. список.* 2. Приставив, поставив рядом, соединить. *С. две лестницы. С. столы.* 3. Поставить где-н., поместить где-н. (многое). *С. посуду на полку.* 4. (1 и 2 л. не употр.) Образовать собой (какое-н. количество). *Расход составит сто рублей.* 5. Создать путем наблюдений, заключений (какое-н. мнение). *С. определенное мнение. С. себе представление о чем-н.* 6. Создать, устроить что-н. (книжн.). *С. чье-н. счастье. Это не составит большого труда.* 7. со словом «себе». Постепенно достичь, добиться чего-н. (книжн.). *С. себе имя, карьеру, состояние.* //несов. составлять//сущ. составление (к 1, 2, 3 и 5 знач.) [63, с. 613].

Так, в 1-3 значениях данное слово способно выполнять волюнтаривную, информативную, эмотивную функции, имеющие разговорную окраску: «составь(те) список, составили мозаику, мозаику составили красиво». В суждениях «Высота составляет семь метров. Водяной пар составляет атмосферу Земли» лексема «составляет» содержит стилистическое значение «отвлеченность в составе предиката», характерное для научного стиля. В высказываниях «Секретарь составляет список студентов», «Ребенок составляет ребусы» данная лексема самостоятельная (в предложении выступает как простое сказуемое) и имеет значение «конкретное действие с нейтральным стилистическим значением». В выражении «Ветераны составляют основную часть участников парада» эта лексема в составе предиката означает новый стилистический оттенок – «книжность». Данные устойчивые сочетания «составлять часть», «являться частью» употребляются в публицистическом, научном, официально-деловом стилях. Таким образом, при изучении особенностей функционирования стилистически маркированных средств в определенной коммуникативно-речевой деятельности важно знать систему разнообразных коннотативных компонентов, определяемых сферой стилистики.

Принцип учета стилистической диахронии и синхронии проявляется при выявлении языковых особенностей современной стилистики, так как в последнее десятилетие появляются новые коммуникативные ситуации в сфере делового общения, а вместе с тем и новые тенденции к более свободному употреблению языковых средств в процессе коммуникативной деятельности. Это происходит под влиянием стиля западного делового письма: распространяются правила и формы общения убеждающего характера, язык и стиль делового письма допускают выражение личной просьбы и экспрессивности, границы использования маркированных стилистических средств становятся шире. В публицистическом стиле функционирует пласт заимствованных слов (карт-бланш, прайс-лист, инаугурация, имидж, резюме, презентация), преимущественно употребляющихся в официальной речи. Большинство заимствований используется в информационной, научной, официально-деловой сферах. Этот принцип также определяет характер работы с новыми стилистическими явлениями. Во-первых, это касается вопроса появления новых значений в активном словаре. В современном русском литературном языке также наблюдается трансформация значений слов. Сравним значение слова «коммивояжер» в словарях разного года издательств: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова

(1988) – «в буржуазном обществе: разъездной торговый агент какой-нибудь фирмы» [63, с. 233]. «Толковый словарь русского языка для школьников» (1999) – «разъездной агент крупной торговой фирмы, предлагающий товары по образцам, каталогам, прейскурантам» [76, с. 230]. В советское время это слово воспринималось как несвойственное в активном обиходе, поэтому имеется помета «в буржуазном обществе». Однако в новом словаре оно имеет значение, более приближенное к современным условиям действительности. Вторым, немаловажным моментом считается появление новых синонимов к известным словам: «контора, офис», «прейскурант, прайс-лист», «продавец, торговый агент», «договор, контракт», «дача, фазенда» и др.

Принцип систематизации стилистических норм русского языка в рамках определенного тематического минимума заключается в отборе средств с эмоционально-экспрессивной и стилистической окраской по определенной речевой теме или теме общения. Основой систематизации стилистически маркированных единиц является тематическое поле и функционально-семантическое поле лексико-фразеологических средств. При этом в центре внимания находятся стилистически окрашенные единицы, устойчивые сочетания и обороты речи каждого функционального стиля, фольклорная лексика русского языка, крылатые слова и выражения и др.

Доминантой *принципа внутренней дифференциации стилистических средств разных уровней (слов, значений, грамматических форм и конструкций, синтаксем) на функционально-семантической (полевой) основе* является классификация стилистических средств с учетом семантического признака. Так, были выделены функционально-семантические поля (ФСП): «объект как предмет сравнения, оценки»; «субъект как автор-носитель оценки, восприятия, речи и мысли»; «содержание/тема действия»; «назначение предмета/действия»; «размер, мера величины»; «направление движения»; «орудие действия»; «причина и мотивация действия»; «качество и свойство предмета» и др.

В рамках каждого ФСП определены семантические группы, на основе которых приведены синонимические ряды стилистических средств. В отличие от поуровневого описания стилистических средств лексико-фразеологической системы в нашей работе рассматриваются средства в синтагматических связях как «отрезки» речи. Покажем это на примере ФСП «Характеристика времени (темпоратив)». В данном ФСП выделены следующие семантические группы (СГ): историческое время (эпоха), конкретное время (пора), срок, событие/событийность,

регулярно повторяющееся действие и др. В каждой СГ перечислен ряд языковых средств, вступающих между собой в синонимические отношения. Как это выглядит?

СГ «Историческое время» представляют стилистические синонимы «картины эпохи Возрождения» (офиц.), «картины из прошлого» (полуофиц./неофиц.), «творения живописи античных времен» (полуофиц.);

СГ «Конкретное время (пора)» – «стройка среди/посреди зимы» (неофиц.), «строительство в зимний период» (офиц./полуофиц.), «строительные работы зимой» (полуофиц.);

СГ «Срок» – «отпуск с 25 мая по 24 июня» (офиц.), «отдых на месяц» (неофиц.), «месяц отдыха» (полуофиц./неофиц.);

СГ «Событие/событийность» – «ко Дню Независимости» (офиц./полуофиц.), «в рамках празднования Дня Независимости» (офиц.), «на празднике Дня Независимости» (неофиц.), «во время празднования Дня Независимости» (офиц./полуофиц.);

СГ «Регулярно повторяющееся действие» – «ходить по выходным» (неофиц.), «регулярно ходить» (полуофиц.), «посещать еженедельно» (офиц./полуофиц.), «посещать один раз в неделю в выходные дни» (офиц.), «ходить по выходным дням» (неофиц.).

Таким образом, рассмотренные выше принципы распределения стилистически маркированного материала предполагают овладение арсеналом в комплексе с учетом традиционной природы стилистики (маркированность, креативность, универсальность); стилистической диахронии и синхронии; многозначности; сочетаемостных возможностей и др.

Описание языковых средств с точки зрения их стилевого функционирования дает возможность сделать следующие выводы:

1. Описание стилистики как функционирующей системы языковых средств полнее решает задачу развития речевой деятельности с ориентацией на коммуникативную направленность. Функционально-коммуникативный подход к обучению русскому языку определяет новое представление о стилистике, которое решает проблему не только порождения и восприятия речи, но и способствует регулированию речевого поведения коммуникантов. В отличие от традиционной стилистической парадигмы, представленной языковыми единицами нейтрального, разговорного, книжного стилей, данный подход предполагает изучение лексико-фразеологических единиц официального/полуофициального/неофициального стиля общения в функционировании. Это обусловлено выдвиганием на первый план экстралингвистических факторов.

2. Классификация маркированных единиц в рамках тематического поля способствует развитию и формированию ассоциативной связи между темой общения и стилистически окрашенными средствами языка, адекватными условиям коммуникации.

3. Особенностью представления стилистических средств являются не абстрактные языковые единицы (как они представлены в традиционной стилистике), а с учетом доминирующего семантического признака. Отбор стилистических средств в рамках ФСП показал, что стилевое «поведение» языковых средств может проявляться и в экстралингвистическом контексте: в зависимости от сферы, обстановки и ситуации общения.

В аспекте коммуникативной стилистики лексико-фразеологические единицы формируются с учетом значений слов, стилистической окраски, стилевого функционирования в разных стилях и жанрах, включая коммуникативные цели и задачи.

Основными единицами обучения лексике и фразеологии в этом направлении выступают стилистически маркированные слова и фразеологизмы, функционально-стилевые синонимы, эмоционально-оценочная, экспрессивно окрашенная, контекстуально обусловленная лексика, клишированные речевые обороты, жанровые разновидности текстов разных стилей как комплекс лексико-стилистических единиц.

Представим фрагмент работы над лексико-фразеологическими единицами в рамках тематического раздела на тему «Природа Казахстана».

Тема 1. Богатство и разнообразие природы

Тип урока – формирование лексико-стилистических навыков говорения и письма.

Задание 1. Анализ эпитетов. Прочитайте определения к ключевым словам, объясните значения полученных сочетаний. Разграничьте их по стилям: сочетания художественного/научного описания.

Природа: очаровательная, зачаровывающая, околдовывающая, завораживающая, пленительная, насыщенная кислородом, загрязненная, чистая, неисчерпаемая.

Горы: большие, высокие, громадные, неприступные, острые, причудливые, заснеженные, зеленые, кудрявые, седые, величественные, величавые, гордые, живописные, гранитные, каменные, кремнистые, обрывистые, отвесные, песчаные.

Лес: багряный, белоствольный, бесконечный, высокий, глухой, густой, дикий, дремучий, зеленоглавый, золотистый, изумрудный,

нескончаемый, пышный, развесистый, роскошный, серебряный, вековечный, юный, веселый, волшебный, звенящий, печальный, радостный, сказочный, царственный, березовый, дубовый, еловый, заповедный, сосновый, лиственный, таежный, хвойный.

Степь: безбрежная, волнистая, необозримая, открытая, раздольная, холмистая, безжизненная, буранная, девственная, дикая, заснеженная, засушливая, зеленая, знойная, золотая, золотисто-бурая, плодородная, пышная, цветущая, горная, ковыльная, песчаная, полынная, целинная.

Река: глубокая, извилистая, ледяная, многоводная, мелководная, обмелевшая, полноводная, хрустально-светлая, бурная, быстрая, величавая, вольная, гордая, широкая, зеркальная, извивая, горная, лесная, равнинная, родниковая.

Задание 2. Конструирование высказываний. Используя слова предыдущего упражнения и следующие ситуации, дайте художественное, публицистическое, научное описание природы Казахстана:

Ситуация 1. Вы участник школьного лесничества. Составьте таблички, призывающие оберегать и охранять окружающую природу.

Ситуация 2. Вы член школьного литературного кружка. Выразите свои чувства (любовь, переживание, радость, счастье и др.) к природе родного Казахстана.

Ситуация 3. Вы корреспондент школьной газеты. Сделайте зарисовку жемчужных краев Казахстана.

Ситуация 4. Вы представитель общественного движения «Юный эколог». Назовите проблемы, возникшие в результате вмешательства человека в природу. Перечислите задачи экологического воспитания.

Ситуация 5. Вы исследователь. Раскройте смысл слов: «Я никогда не перегорал текущей воды» (надпись на гробнице одного из фараонов).

Задание 3. Дифференциация лексико-фразеологических средств.

В данных синонимических рядах разграничьте лексику разговорного, нейтрального, книжного стилей:

- человек, дитя природы, сын земли, смертный, царь природы, разумное существо;
- предотвратить, предупредить, предостеречь, отвести;
- пресытиться, заесться (прост.);
- привлекательно, заманчиво, соблазнительно, аппетитно;
- природа, естество, натура;

- воздух, атмосфера, воздушная среда;
- гулять, совершать прогулку, прогуливаться, разгуливать, делать моцион;
- гуманно, человечно, по-человечески;
- давно, давненько, в глубокой древности, давным-давно, бог знает когда;
- далеко, далече, на краю света, у черта на куличках, за горами, за долами;
- доброжелательный, дружелюбный, приятный (книжн.), добротный.

Задание 4. Комментирование, анализ высказываний. Прочитайте высказывания, прокомментируйте их основную мысль. Определите стиль общения с учетом цели, ситуации, автора, охарактеризуйте языковые особенности данных текстов.

1) Экология – раздел биологии, изучающий взаимоотношения жи-вотных, растений, микроорганизмов между собой и окружающей средой. (Из словаря).

2) ... Есть такое твердое правило, - сказал мне позднее Маленький принц: - Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету. (А. де Сент-Экзюпери).

3) Экология – это скорее миропонимание, включающее в себя и осознанное отношение ко всему сущему, и активную защиту его. Сегодня каждому нужна экологическая грамотность. (Из газеты).

4) Знаете ли вы, что само слово экология происходит от греческого слова oikos, что означает дом, жилище, местопребывание, logos – понятие, учение. Экология исследует взаимосвязь человека с окружающей нас средой. (Из энциклопедии).

Задание 5. Конструирование предложений. Расскажите о природе Казахстана:

- зарубежному другу во время прогулки
- делегации, приехавшей из ...
- на радио (по телевидению, по Интернету)
- через газету.

Как видим, работа над лексико-фразеологическими единицами в аспекте коммуникативной стилистики строится на основе отбора и дифференциации стилистически нейтральных и книжных средств, эмоционально-экспрессивной нагрузки, культурной коннотации в соответствии с функциональными стилями и контекстом общения. В описании механизма презентации функционирующей системы стилистических средств наиболее важными и новыми являются положения о классификации маркированных средств в рамках

тематического поля, дифференциации языковых средств на основе семантического признака, синонимичном представлении вариативных единиц с разной стилистической окраской.

Данные положения являются важными для понимания сущности обновленного содержания предмета по русскому языку. Речь идет о параллельном освоении основного материала на фоне коммуникативной стилистики как системы функционирующих средств, способных изменяться под влиянием экстралингвистических условий общения. Специфика организации работы по формированию стилистической компетенции заключается в систематизированном (на всех уровнях языка, на основе речевой темы, с учетом экстралингвистических условий) представлении материала по стилистике, в том числе и текстов разных стилей, в обновлении системы упражнений и заданий.

Данное исследование открывает перспективу для разработки языкового, речевого, ситуативного и коммуникативного минимумов в целях формирования функциональной грамотности, ставит новые задачи в области разработки учебно-методических и отбора дидактических материалов по обновленному содержанию, ориентируя на формирование лично ориентированной, социально ориентированной, профессионально ориентированной речи. Такое направление является актуальным в условиях преподавания русского языка в школах с казахским языком обучения, также в группах и отделениях с казахским языком обучения нефилологических специальностей средних специальных и высших учебных заведений.

Таким образом, стратегия формирования функциональной грамотности ориентирует на новые методические аспекты, связанные с проблемами коммуникативной лингвистики и дискуртологии – перспективными направлениями, актуальными как в лингвистике, так и в лингводидактике.

Заключение

Современная антропоцентрическая парадигма в лингвистике и личностно ориентированная парадигма в методике обучения языка формируются путем интеграции научных достижений.

В лингвистике активно развиваются новейшие научные направления, связанные с исследованиями языкового феномена. Основное положение новых теорий и концепций заключается в том, что слово есть отражение и способ фиксации определенных структур знаний. Формирование языковых единиц – слова и фразеологизма – является результатом когнитивных процессов.

Анализ лексико-фразеологического материала направлен на выявление и описание единиц как единого механизма, сочетающего в себе формальное и смысловое выражение. Слово и фразеологизм рассматриваются двупланово:

1) в плане традиционного формального обозначения, т.е. как знаки с различными значениями;

2) с позиции семантико-когнитивного, этнолингвистического, лингвострановедческого, лингвокультурологического описания кода, заключенного в языковых знаках и значениях.

Изучение языковой номинации связано с познавательной деятельностью человека, что в конечном итоге позволит раскрыть и понять специфику мышления и культуры как человечества в целом, так и конкретного народа в частности. Следовательно, слово является средством постижения концептуальных знаний.

Центральным объектом внимания служит концепт. Методика его исследования строится на материале языка. Исходя из сказанного, считаем целесообразным в практике обучения языку использовать наряду с понятием «слово» понятие «концепт», т.е. разграничивать слова и концепты.

Лингвистические исследования последних десятилетий еще раз доказывают, что это единицы разных механизмов:

- концепт – виртуальная единица ментального пространства;
- слово – материальное, языковое воплощение мысли, чувств, верований, представлений, ассоциаций.

Концепт характеризуется наличием в структуре ряда признаков; в процессе мыслительной деятельности актуализируются разные признаки, они могут эволюционировать или исчезать, обрести новыми признаками и т.д.

Слово имеет значение или несколько значений, зафиксированных в словарях, может употребляться в прямом или переносном значении,

вступать в парадигматические, синтагматические, деривационные отношения и т.д.

В современной практике обучения языку наблюдается тенденция к описанию языковых единиц на концептуальной основе. Внедрение термина «концепт» наряду с понятием «слово» и методики концептуальных исследований имеет немаловажное значение в лингвистике и лингводидактике.

Такое переосмысление ориентирует на разноаспектный анализ концептов, слов-репрезентантов и фразеологизмов. Это характерно для концептуальных лингвистических исследований, когда границы между дисциплинами, изучающими язык во взаимосвязи с человеческим фактором, стираются. Концептуальные исследования расширяют сферу изучения лексики и фразеологии путем проведения анализа на основе мифологических, фольклорных, исторических, культурологических и других источников.

Акцент на концептуальные исследования связан с тем, что это развивающееся направление, призванное помочь разобраться в сущности языкового феномена на основе сочетания когнитивного, лингвокультурологического, этнолингвистического, страноведческого подходов. На данном этапе формируется новое лингвистическое направление – концептология, центром внимания которого становится концепт как научный объект.

Особенностью концептологии является исследование концептов путем проведения глубокой лингвистической экспертизы с целью разностороннего описания когнитивной структуры концептов. Это, на наш взгляд, наиболее оптимальный вариант, позволяющий изучить факты языка в совокупности для восстановления наиболее полной картины мира, выявления общечеловеческих и национально специфических признаков.

В контексте концептуальных исследований термины «картина мира», «концепт», «ментальность» и др. рассматриваются с позиции исследования различных лингвистических направлений.

Концептуальные исследования располагают арсеналом методов для изучения структуры концептов как способа хранения знания о фрагментах мира. Специфика их заключается в методике анализа концептов, направленных на выявление неметафорических, метафорических, категориальных признаков, включая понятийные, мотивирующие, образные, символические и др. признаки.

Разноаспектный анализ ландшафтных концептов, данный в монографии, актуален в лингвистическом и лингвометодическом

аспектах. Рассмотрены концепты, реализованные с помощью слов и фразеологизмов, отражающих ландшафтную сферу.

Лексико-фразеологический материал в плане изучения ландшафтных концептов представлен в рамках тем «Небо», «Земля». В связи с этим все концепты разделены на две большие группы:

1) небесные (небо, солнце, луна, месяц, созвездия, звезды, туча, облако, небесное светило и др.);

2) земные (земля, степь, пустыня, равнина, поле, дорога и др.).

Особую значимость имеет анализ концептов в разных языковых картинах мира – русской и казахской. Это чрезвычайно важно для понимания и адекватной интерпретации общечеловеческих, исторически этнических и национально специфических признаков каждой языковой культуры.

Основу общечеловеческого мировоззрения составляют признаки, связанные с природным началом: картина мира, отраженная в языке, многообразна как многообразна сама природа.

Этнически исторические признаки – признаки этноидентичности каждого народа, традиционно сложившиеся на протяжении веков.

Национально специфическими признаками являются признаки, самобытные, неповторимые при одинаковом наборе ландшафтных концептов.

Представленный анализ ландшафтных концептов в контексте теории и методики концептуальных исследований показывает, что это такие классы концептов, структура которых постоянно обновляется и развивается. И небесные, и земные ландшафтные концепты отмечаются универсальными, этноисторическими, национально специфическими, индивидуально-авторскими признаками. Сложность исследования их структуры объясняется, с одной стороны, их внутренней организованностью, многоуровневостью; с другой – проявлением в их содержании национальной, социальной, индивидуальной специфики. Необходимость их рассмотрения продиктована актуальностью в плане изучения концептуальной картины мира, отраженной в языке того или иного народа.

Одним из альтернативных путей описания словарного и фразеологического состава является стилистический, направленный на исследование и анализ лексики с точки зрения функциональности, выразительности, уместности употребления в определенной ситуации общения, принадлежности к определенному стилю и др. Основные аспекты стилистического анализа включают определение стилистической окраски, характеристику признаков и роли лексем в создании текста конкретного стиля, определение контекстуального

значения, анализ стилового употребления, выделение эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики, подчеркивающей авторское отношение и особенности авторского стиля.

Таким образом, перспективы изучения языка в контексте современной полипарадигмы практически безграничны.

Разносторонний анализ отдельных концептов на материале лексико-фразеологических средств служит выявлению различных признаков и целостному описанию картины мира, позволяющему получить ключ не только к родному языку и культуре, но и к языку и культуре другого народа.

Интеграция современных лингвистических направлений, междисциплинарный подход, когнитивные и концептуальные технологии исследования также нашли свое отражение в системе обучения русскому языку. В рамках обновленного содержания учебного материала актуализируется комплексный подход, направленный на обогащение картины мира учащихся на основе речевой тематики разделов, формирование коммуникативной компетенции через изучение функциональных особенностей текстов и анализ языкового материала, включая лексический и фразеологический уровни. В этой связи следует отметить основные направления:

- традиционный стилистический анализ текстов, особенности функционирования лексико-фразеологических единиц;
- когнитивно-дискурсивный подход, отражение ментальных моделей и концептуализация действительности в лексике;
- концептологический анализ лексем, способы лексического воплощения;
- анализ фреймов, сценариев, метафорических моделей (например, природа – дом, природа – храм);
- стилистика медиатекстов и интернета.

Все эти направления активно развиваются, представляя собой научную базу для новых лингвометодических разработок в контексте обновленной программы. Знания в области когнитивной лингвистики, дискурсологии, концептуальных исследований вполне применимы в рамках коммуникативно ориентированного подхода к стилистике, решающего задачу формирования функциональной грамотности.

Литература

- 1 Большой энциклопедический словарь онлайн. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: diclist.ru/slovar/enciklopedicheskiy.html
- 2 Сулейменов О. Азия. – Алматы: ОФ Литературный Альянс, 2013. – 88 с.
- 3 Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
- 4 Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 176 с.
- 5 Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология: учебное пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. – 248 с.
- 6 Пименова М. В., Капенова Ж. Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике (на примере ландшафтных концептов): монография в соавторстве. – Павлодар-Кемерово: Кереку, 2014. – 160 с.
- 7 Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1997. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: vocabulary.ru/dictionary/849/word/kognicija
- 8 Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
- 9 Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 5-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 296 с.
- 10 Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: Монография. – Воронеж, 2006. – 226 с.
- 11 Аскольдов С. А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
- 12 Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach
- 13 Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
- 14 Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

15 Уорф Б. «Отношение норм поведения и мышления к языку» в кн. Герд А. С. Введение в этнолингвистику – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. – 488 с.

16 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с. (Филологи мира)

17 Герд А. С. Введение в этнолингвистику : Курс лекций и хрестоматия. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. – 488 с.

18 Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/tolstoy-95a.htm>

19 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.

20 Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/timofeev02.pdf>

21 Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.

22 Электрон. текстов. дан. – режим доступа: <http://refwin.ru/126594158.html>

23 Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. – М.: Академия, 2008. – 272 с.

24 Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980. – С. 240–249. Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.philology.ru/linguist

25 Махмудов Х. Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи (теоретическая стилистика) (10665 – тюркские языки). – Алма-Ата, 1970. – 110 с.

26 Сулейменов О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. – Алма-Ата: Жалын, 1990. – 592 с.

27 Белая Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие / Е. Н. Белая. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – 208 с.

28 Муллағалиева Л. К., Саяхова Л. Г. Русский язык в диалоге культур (уроки русского языка как родного и как языка межнационального общения в 5-11 классах общеобразовательных учреждений) // пособие для учителя. – Уфа: Китап, 2008. – 208 с.

- 29 Новая философская энциклопедия. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: iph.ras.ru/elib/3342.html
- 30 Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
- 31 Пименова М. В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с.
- 32 Темиргазина З. К. Избранные работы по лингвистике: в 2 т. – Павлодар : ЭКО, 2010. – 338 с.
- 33 Темиргазина З. К. Избранные работы по лингвистике: в 2 т. Т.2. Лингвистическая аксиология: Прагматика. Психолингвистика. – Павлодар: ЭКО, 2010. – 338 с.
- 34 Электрон. текстов. дан. – режим доступа: genesis-spb.com/filosofia-t15.html
- 35 Мокиенко В. М. Культурологические комментарии в историко-этимологическом словаре фразеологии / Словарь и культура. – М., 1995. – С. 81–83. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: philology.ru
- 36 Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). – Электрон. текстов. дан. – режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/semantika-i-pragmatika-frazeologizmov-lingvokulturologicheskii-aspekt>
- 37 Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.) – Алма-Ата : Ғылым, 1991. – 214 с.
- 38 Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. Т.1. – М. : Худож. Лит. 1984. – 383 с.
- 39 Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / отв. ред. В. П. Вомперский; Ил. А. Б. Маркевича. – М.: Правда, 1986. – 768 с.
- 40 Лунарные мифы. Электрон. текстов, дан. – режим доступа: dic.academic.ru
- 41 Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
- 42 Славянская мифология. Словарь-справочник / сост. Л. М. Вагурина – М.: Линор, 2001. – 504 с.
- 43 Словарь русских языческих богов. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: superscook.ru
- 44 Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

45 Сусов И. П. История языкознания: учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.lib.ru/TEXTBOOKS/yazykoznanie.txt

46 Кибрик А. Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – с. 604-606. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/kibrik-90.htm

47 Бенвенист Э. Взгляд на развитие лингвистики // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 21–32 – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74.htm.

48 Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 307–323. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/gumboldt-84.htm.

49 Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Кубрякова Е. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4–10. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01a.htm

50 Постовалова В. И. Категория напряженности бытия в философском осмыслении А. Ф. Лосева / Альманах «Академические тетради». Выпуск тринадцатый. Единая интонология. Тетрадь седьмая. Конференция «А. Ф. Лосев и проблемы единой интонологии». – М., 2009. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа : <http://www.independent-academy.net/science/tetradi/13/postovalova.html>

51 Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.vesti.ru/doc.html

52 Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие / М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – 136 с.

53 Кондыбай С. Мифология предказахов : пер. с каз. языка З. Наурзбаевой. Кн. 3. – Алматы: СаГа, 2008. – 436 с.

54 Бисенбаев А. К. Мифы древних тюрков. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: dalaruh.kz

55 Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: ksana-k.narod.ru

56 Назарбаев Н. А. Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации. – М.: Экономика, 2000. – 543 с.

- 57 Новая философская энциклопедия. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: iph.ras.ru
- 58 Пименова М. В. Языковая картина мира: учеб. пособие. – изд. 2-е, испр. и доп. – Кемерово : Кем ГУКИ, 2011. – 106 с.
- 59 Славянская мифология: Словарь-справочник / сост. Л. М. Ватурина. – М. : Линор, 2004. – 504 с.
- 60 Мурат Аджи. Официальный сайт. I Кн. – Полынь Половецкого поля. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.adji.ru/book6_14.html
- 61 Айтматов Ч. Белое облако Чингисхана. – М.: Планета, 1991. – 21 с.
- 62 Толеубаев А. Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.) – Алма-Ата : Ғылым, 1991. – 214 с.
- 63 Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1988. – 750
- 64 Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с.
- 65 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 1–3 т. – М.: Прогресс, 1964.
- 66 Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя. – Изд. 2-е, испр. и доп. // под ред. чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
- 67 Русско-казахский словарь / под общей редакцией Н. Т. Сауранбаева, Г. Г. Мусабаева, Ш. Ш. Сарыбаева. – Изд. 3-е, перераб. и дополн. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1152 с.
- 68 Сабитова З. К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 320 с.
- 69 Капица Ф. С. Тайны славянских богов / Ф. С. Капица. – М.: РИПОЛ классик, 2007. – 416 с.
- 70 Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.
- 71 Основы глобалистики. Глава третья. Проблема «Север-Юг» и новый мировой порядок – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: www.val--s.narod.ru/osnglob3.htm
- 72 Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 21 изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык. – 1989. – 924 с.

- 73 Большая школьная энциклопедия. – Т.1. Естественные науки. – М.: Русское энциклопедическое товарищество, 2003. – 704 с.
- 74 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1973
- 75 Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка: учебное пособие. – 2-е изд., доп. – Алматы : Санат, 1997. – 608 с.
- 76 Толковый словарь русского языка для школьников. – М.: ЗАО «Славянский дом книги», 1999. – 652 с.
- 77 Алем Дуния – мироздание ногайской мифологии. – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: dalaruh.kz
- 78 Элжан Қ., Изотов М. Юсуф Баласагуни: идея единства мира и человека // Мир человека, 2012. – № 4. – С. 3–17.
- 79 Бесперстых А. Природа. Словарь эпитетов. – Т. 1. Электрон. текстов. дан. – режим доступа: proza.ru
- 80 Верования славян. Космогонические мифы – Электрон. текстов. дан. – режим доступа: slawianie.narod.ru
- 81 Джанибеков У. Д. Эхо...По следам легенды о золотой домбре. – Алма-Ата: Өнер, 1990. – 304 с.
- 82 Жетписбаева Б. А. Древнетюркская литература. – Алматы: Юридическая литература, 2006. – 124 с.
- 83 Канапьянов К. Н. М. Ж. Копеев. Избранное: перевод с казахского. – Павлодар: Кереку, 2008. – 1 Т. – 96 с.
- 84 Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 720 с.

Содержание

	Введение	3
1	Междисциплинарные подходы к изучению языка: идеи прошлого и лингвистические теории настоящего	6
1.1	Когнитивная лингвистика: источники, направления, основные понятия	10
1.2	Вопросы изучения языка и культуры в контексте этнолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии	16
1.3	Концептология как учение о виртуальных единицах ментальности и культуры в языке	31
1.4	Словарно-фразеологический фонд языка как проводник человеческой информации: современные методы анализа	35
1.5	Анализ слов-репрезентантов и фразеологизмов с точки зрения отражения ценностных признаков	51
2	Теория, методика и практика анализа лексико-фразеологических единиц в контексте антропоцентрической парадигмы	72
2.1	Вопрос о новых парадигмах в исследованиях языка	72
2.2	О статусе концептуальных исследований в контексте современных научных парадигм	86
2.3	Опыт анализа ландшафтных концептов в рамках методики концептуальных исследований	95
2.3.1	Концепт «небо» в мифах, литературе, фразеологии	95
2.3.2	Концепты «облако/тучка» в художественной интерпретации	104
2.3.3	Анализ концепта «звезда»	108
2.3.4	Анализ концепта «дорога»	114
2.3.5	Анализ земных ландшафтных концептов. Признаки концепта «степь»	119
2.3.6	«Север» – «юг» в концептуальной картине мира	134
3	Система работы над лексическими и фразеологическими единицами языка в аспекте коммуникативной стилистики	141
	Заключение	150
	Литература	154

Ж. Ж. Капенова

**Альтернативные пути анализа лексики и фразеологизмов:
теория, практика, методика**

Монография

2-е издание

Технический редактор З. Ж. Шокубаева
Ответственный секретарь Ж. К. Сапенова

Подписано в печать 13.05.2025 г.
Гарнитура Times.
Формат 29,7 x 42 ¼. Бумага офсетная.
Усл.печ. л. 9,3. Тираж 500 экз.
Заказ № 4375

Toraighyrov University
140008, г. Павлодар, ул. Ломова, 64